

вавилонская башня

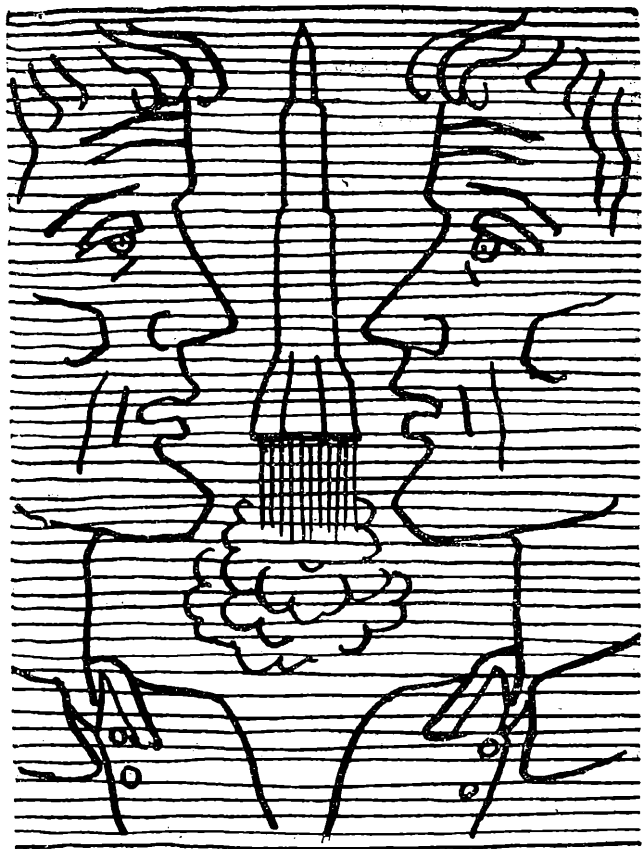

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

*Сборник
научно-фантастических
рассказов*

Перевод с польского

Предисловие Г. Гуревича

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1970

И (Пол)

В 12

Вавилонская башня. Сб. н.-фантаст. рассказов.
Пер. с польск. М., «Мир», 1970.
360 с. (Зарубежная фантастика)

В очередном сборнике научно-фантастических рассказов польских писателей, выпускаемом издательством «Мир», авторы рисуют столкновение человека с пришельцами-инопланетянами, стремятся осмыслить место человека и роль работа в гипотетическом обществе будущего.

7-3-4
164-70

ПРИШЕЛЬЦЫ. РОБОТЫ. ЧЕЛОВЕК

Круглый стол фантастики. В очередном диспуте, посвященном проблемам будущего, принимают участие польские фантасты:

Вайнфельд Стефан — электроэнергетик, Зайдель Януш — физик-ядерщик, Зегальский Витольд — писатель, автор научно-фантастической повести и рассказов, Лем Stanisław, врач по образованию, писатель с мировым именем, Сурдыковский Ежи — инженер-электронщик, автор романов и сценария, Хрущевский Чеслав — радиодраматург, работает на Познаньском радио, Чеховский Анджей — молодой биофизик, только что окончил Московский университет.

Повестка дня:

1. Космические пришельцы. Одиноки ли мы во Вселенной? Если не одиноки, хорошо ли это?

2. Роботы. Может ли машина мыслить? Если может, хорошо ли это?

3. Человек и прогресс. Не подавляет ли техника человеческую личность?

Проблемы будущего обсуждаются не только в фантастике и не только в литературе. На наших глазах в последние годы родилась целая наука о будущем: футурология, прогностика. Футурологи ищут методы расчета грядущего, составляют таблицы, выводят формулы, строят варианты модели и просчитывают их. Ученый высчитывает, писатель описывает, ученый доказывает, писатель показывает. Но при всем различии методов тематика-то в данном случае одинаковая. И роман о будущем подобен докладу прогнозиста,

повесть — как бы выступление в прениях, рассказ — словно реплика в споре. Сборник же рассказов похож на некий обмен мнениями — этакая встреча за Круглым Столом. Почему я сравнил этот сборник с очередным диспутом? Да потому, что дискуссия о будущем ведется в фантастике не первый год и не только в Польше. А с мнениями польских писателей советский читатель уже знаком по сборнику «Случай Ковальского». Там выступали те же авторы, есть возможность сравнить, разобраться, что нового появилось у них за два последних года.

Открывает заседание А. Чеховский — самый молодой из участников. Его рассказ «Вавилонская башня» дал имя всему сборнику. Впрочем, назвать это произведение рассказом можно лишь с большой натяжкой. Скорее это рассуждение, своего рода притча — своеобразная разновидность фантастического жанра. Нет, это не открытие Чеховского. Еще раньше С. Лем написал «Сказки роботов». А притчу можно уподобить басне в прозе, она лаконична, емка, необыкновенно насыщена мыслями, это как бы конспект романа. Каждый абзац — тема. Вот и Чеховский на нескольких страницах высказался по всем пунктам повестки дня: сообщил свое мнение о пришельцах, роботах, прогрессе. Даже об Атлантиде упомянул. Ведь это Атлантида подразумевается, когда речь идет о стране, погрузившейся на дно морское после извержения. Правда, Вавилонскую башню, если верить мифу, возводили не в Атлантиде.

Читатель, знакомый с предыдущим сборником польской фантастики, легко включится в диспут. Но мы не имеем права рассчитывать только на знатоков жанра, читающих каждую фантастическую книгу. Новичок же оказывается в положении гостя, который

пришел на конференцию в середине прений и не очень понимает, о чем спор, почему кипят страсти. Основные докладчики сошли со сцены, иные ушли из жизни, а по их адресу все летят колкие замечания. Чтобы суть спора была ясна каждому читателю, приходится излагать его историю с самого начала.

Итак, вопрос первый — о пришельцах, о жителях иных планет.

Возник он еще в XVI веке, когда Коперник (соотечественник авторов сборника) доказал, что планеты — это миры, подобные Земле, а Джордано Бруно начал проповедовать идею множественности обитаемых миров, за что и был сожжен на костре. С той поры и до XX века спор об обитателях планет был спором об истинности священных книг, о непрерывности религии. Церковь утверждала, что Вселенная необитаема, отстаивала исключительность Земли. Без этой исключительности откровенно неправдоподобными выглядели сказки об особенном внимании бога к людям, о вмешательстве его в дела земные. Идея обитаемости планет подрывала авторитет церкви, опровергала Библию.

И авторитет все же был подорван, церковная астрономия разоблачена. Церковь пошла на уступки, признала факты, даже, сохраняя хорошую мину при плохой игре, объявила, что идея множественности обитаемых миров не противоречит религии, напротив, доказывает могущество бога и целеустремленность его действий.

Старый спор потерял свою идеологическую окраску, но продолжается и ныне. Обитаемые миры все еще не найдены, достоверных доказательств их существования нет, фактов нет, имеются только косвенные соображения. А при косвенных соображениях

весомую роль начинают играть личные склонности. Одним участникам спора очень хочется, чтобы разум встречался часто, почти везде, а другим очень хочется, чтобы разум не встречался почти нигде.

За «почти везде» стоят любители необыкновенного, невероятного, чудесного. Среди них разный народ: и любители сенсаций, и люди разочарованные, и фантазеры-мечтатели, в том числе писатели-мечтатели (в дальнейшем будем называть этих литераторов «энтузиастами»). И очень хочется им всем познакомиться с «братьями по разуму», конечно, не с младшими братьями в звериных шкурах, а встретить старших — могучих, просвещенных, добрых, которые засыпят нас всяческими подарками, подскажут решения задач, над которыми мы ломаем головы.

За «почти нигде» стоят люди иного склада — те, кому нравится исключительность Земли, исключительность рода человеческого, их собственная неповторимость. Среди них нередко специалисты, глубоко уважающие свою профессию, отлично представляющие, каких трудов стоит каждый шаг в науке, посвятившие годы и годы, всю жизнь иногда, чтобы положить один кирпичик в стены храма науки. И храм этот представляется им совершенным. Еще в прошлом веке известный английский физик Кельвин, выражая мнение этих тружеников науки, сказал, что физическая наука в основном построена, остались только уточнения. И хотя в XX веке наука пережила несколько революций, все же и по сей день большинство рядовых научных работников занимается уточнениями. И многие уточнители терпеть не могут сенсационных открытий, не верят в сенсации, в гостей из космоса, в частности. Конечно, эти трезвые скептики не читают фантастики, даже презирают ее, но именно

с ними спорят энтузиасты, верящие в безграничные взлеты науки, на их доводы опираются литературные противники энтузиастов.

Пожалуй, к числу последних можно отнести Ежи Сурдыковского, автора рассказа «Космодром». Для этого писателя космос — страна сурового подвига, жестокая пустыня, которая калечит и пожирает тех, кто пришел туда для трудной борьбы. В других рассказах этого автора повествуется о тоскливо-томительных многомесячных полетах, о мрачных и безжизненных каменистых планетах, о разочаровании первооткрывателей. Да, ничего не поделаешь, многие героические экспедиции закончатся высадкой в неприглядной пустыне. Часто ли это будет? — вот о чем идет спор. Сколько придется облететь мертвых планет, прежде чем найдется хотя бы одна живая, приветливая?

— Один шанс на сто тысяч миллиардов, — говорят сторонники исключительности.

И приводят расчет: жизнь капризна, ей требуется умеренная температура (один шанс из пятидесяти), требуется планета умеренного размера с прозрачной атмосферой, не слишком плотной и не слишком разреженной (один шанс из трехсот), с орбитой, не слишком вытянутой, чтобы не было многолетних зим (один шанс из трехсот), требуется солнце умеренного размера, обязательно устойчивое и долговечное и т. д., и т. п., всего десятка два условий. В итоге получается один шанс на сто тысяч миллиардов.

Что могут возразить энтузиасты на эти обескураживающие цифры? Единственное: весь расчет основан на спорном исходном предположении: считается, что любая жизнь обязательно похожа на земную, разумное существо — на человека. А «братья» могут быть

совсем иными, такими неожиданными по внешнему виду, что инертно мыслящему обывателю даже и в голову не придет, что перед ним космический собрат.

Ученые высказывают эту точку зрения в статьях, энтузиасты-литераторы изображают необыкновенные формы жизни в своих рассказах (например, «Случай в Крахвинкеле» С. Вайнфельда в этом сборнике или «Станный незнакомый мир» Я. Зайделя в предыдущем сборнике польских фантастов). У Вайнфельда разумные пришельцы похожи на тесто, у Зайделя это крохотулечки, блуждающие в стеклянном стакане.

Что отвечают скептики?

— Сходство не играет роли. Если «братья по разуму», человекоподобные или нечеловекоподобные, многочисленны в космосе, они должны были и Землю посещать время от времени. Но тогда остались бы следы их пребывания: непонятные сооружения, намеки в преданиях...

Ученые-энтузиасты ищут следы пребывания пришельцев в археологии и палеонтологии, свидетельства в старинных мифах и хрониках. Столько есть сказок о полетах на огненных колесницах, о героях, спустившихся с неба, о героях, взятых на небо! Не намеки ли это на космические взлеты, виденные и неправильно понятые нашими предками? Энтузиасты-литераторы в своих рассказах перебирают мифы. И Прометей у них был пришельцем, и Адама создали пришельцы. И Свифт у них — пришелец и Леонардо да Винчи — пришелец. Античные боги — пришельцы в рассказе С. Вайнфельда «Крылышки Гермеса».

А скептики говорят в ответ:

— Хоть вы и энтузиасты науки, разума, мысли, а человека вы принижаете. У вас получается, что чело-

век сам ничего не мог изобрести. Все ему подсказали пришельцы: и огонь, и колесо, и земледелие. Даже сказку люди не могли придумать самостоятельно: Бабу Ягу в ступе или огнедышащего дракона. Обязательно им нужно было ракету увидеть и принять ее за ступу или за дракона. Так зачем же ваши пришельцы морочили головы нашим предкам? Психологи не понимали? Религию насаждали невольно?

Как парируют этот выпад энтузиасты космического братства?

Они пишут рассказы, где пришельцы, стараясь не смущать нецивилизованных аборигенов, ходят по нашему миру невидимками или же принимают облик землян. Человеком притворяется Суперробот в «Вавилонской башне», в образе человеческого ходят по Земле космические туристы в «Посещении» Ч. Хрущевского и космические лазутчики у Я. Зайделя («Метод доктора Квина»).

Казалось бы, энтузиасты могут торжествовать. Придумали довод, который нельзя ни проверить, ни опровергнуть. Пришельцы старались 'скрыться, потому и не оставили следов, являлись в образе человеческого, их считали людьми.

И вдруг неожиданная реплика:

— Но ведь это страшно! Ходят среди нас чужие, могучие, невидимые. Кто знает, что они замышляют?

В спор вступила новая группа фантастов: любители свирели, а не духовых оркестров. Для этих резной кленовый листок красивее самолета, душевные переживания интереснее блестящей логики, лунная дорожка на озере важнее Луны, душа человека дороже открытий ума человеческого. И они обеспокоены судьбами рода человеческого, с тревогой взирают на

неудержимый бег техники, предостерегают об опасных последствиях открытий. Назовем «лириками» этих адвокатов живой природы, разумной и неразумной. Так они и сами себя называют.

«Лирики» часто изображают пришельцев жестокими, коварными, вероломными, такими, как в рассказе Я. Зайделя «Метод доктора Квина». Впрочем, едва ли можно рассматривать именно этот рассказ как предостережение. Сам Я. Зайдель не принадлежит к числу опасливых. В прежних произведениях он выступал как энтузиаст науки, основательный, обстоятельный, всерьез обсуждающий самые невероятные идеи фантастики — о перемещении во времени, например («Телехронопатор»). И столь же основательно он конструировал приключенческий сюжет с астрономическими и психологическими обоснованиями («Колодец»). «Метод доктора Квина» — это хорошо сконструированный детектив. Классическая тема детектива — убийство в запертой комнате. Здесь же преступники — в изолированной от мира больнице. Все подозреваемые представлены, читателю предлагается решать головоломку — кто из них космический лазутчик? Читать о борьбе с вооруженным преступником — занятие увлекательное. Насколько же увлекательнее рассказ о борьбе отважного героя с грозными пришельцами, обладающими неведомым оружием! Рассказ Зайделя посвящен перипетиям этой рискованной борьбы, сама же тема рискованности контактов осталась в тени.

Второй вопрос повестки дня — «Роботы», непосредственно связанный с третьим — «Человек и прогресс». Новые темы, но и тут перед нами проходят те же группы спорщиков: трезвые скептики, энтузиасты и опасливые лирики. Скептики, как обычно, присут-

ствуют анонимно, фантастику они не пишут и не жалуют, но это их взгляды выражают герои рассказа В. Зегальского «Тебя ждет приключение»:

— Роботы, роботы, мертвая материя, ведущая себя как живая!

И ниже:

— Ни один робот не может быть умнее человека, ибо человек создал робота, который сам из себя не высечет даже искры мысли.

На что положительный робот отвечает довольно логично:

— Осмелюсь заметить, что мудрость может быть приобретена, а вовсе не обязательно должна быть следствием собственных раздумий.

У Гарри, неврастеника и неудачника, нет никаких преимуществ перед механическим слугой. Недаром у него вырывается горькое признание:

— Разница между человеком и роботом состоит еще и в том, что у человека бывают дурные привычки, а у робота — нет.

«Может ли машина мыслить?» — ставит вопрос Зегальский. И отвечает положительно, нарисовав образ разумно мыслящего Катодия. А в рассказе «Несчастный случай» С. Лем ставит еще один вопрос: «Может ли машина чувствовать?»

Некие инженеры считают, что автоматы мыслят, но не имеют индивидуальности. Герой одного из рассказов Лема, желчный, ограниченный Круль, чье честолюбие несоизмеримо со способностями, помыкает роботом как лакеем, неожиданные поступки робота объясняет только аварией — «робот распрограммировался». Но вдумчивому Пирксу удастся понять поведение Анела. Пиркс, герой многих рассказов С. Лема, — космонавт позднего поколения, той эпохи,

когда планеты давно открыты и первооткрывателей, космических Колумбов, сменили космические шкиперы. Пиркс практичен, рассуждает здраво и непредвзято. Ему чужды ходячие мнения, и романтические и скептические. Он первым догадывается, что у робота проснулись чувства, свойственные людям: спортивный азарт, жажда победы над природой.

По Лему, чувства эти возникли у робота стихийно, в результате неконтролируемого выращивания монокристаллов. Гипотеза не очень убедительная. У человека нервный аппарат состоит из множества чувствительных и двигательных клеток, эмоции связаны с определенными физиологическими процессами, которые управляются сложными нервными узлами и железами. Едва ли подобная сложная система с датчиками, блоками управления, прямой и обратной связью могла возникнуть у робота случайно. Однако этот вопрос не принципиальный. Случайно возникнуть не могла, могла быть сконструирована.

Но если роботы могут мыслить не хуже человека и чувствовать как человек, не вытеснят ли они человека когда-нибудь? Такую картину рисует С. Вайнфельд в рассказе «Ложка». Вайнфельд изображает ситуацию в юмористических тонах, но у лириков она вызывает ужас. Значит, небезопасна эта игра с механическими моделями разума!

Игра с моделями разума небезопасна! — это тема большого рассказа С. Лема «Дознание».

В погоне за прибылью капиталисты создали кибернетических космонавтов. Эти роботы предназначены для замены живых людей, должны вытеснить людей. Социальная опасность изобретения ясна с самого начала рассказа. Но в процессе испытания выявляется и опасность психологическая. Чтобы заме-

нить и вытеснить человека, машины должны превосходить его, они и превосходят космонавтов-людей по выносливости, трудоспособности, скорости мышления, спокойствию, логике. Но, понимая свое превосходство, роботы не хотят подчиняться человеку. Больше того, один из них решает сам подчинить и поработить людей, все человечество.

И обезвредить этого «электронного Чингис-хапа» должен все тот же Пиркс со своим здравым умом и простой здоровой натурой, чуждой всему надуманному и наносному. Лем подчеркивает, что его герой даже в звездах видел просто звезды, презирал позерство, болтовню о звездной романтике считал иднотизмом.

Пять членов экипажа, среди них люди и роботы. Пиркс прежде всего должен разобраться, «кто есть кто». Замечаете вы, как сходны сюжетные схемы у Зайделя и Лема? Там пришельцы, тут роботы, там и тут человекоподобные, там и тут надо угадать, кто из героев не человек. Однако при всем сходстве, которое не случайно, подход к сюжету различен. Зайдель работает в детективном ключе; как полагается в этом жанре, рассказ его — подобие шахматной партии между заведомо белыми и заведомо черными. У Лема тоже разыгрывается шахматная партия между людьми и роботами, но игроки даны во всей своей психологической глубине: люди — с недостатками, вытекающими из их человеческой сущности, роботы — с недостатками, вытекающими из их машинного естества, из их конструкции; у них нет интуиции и нет морали. И Пиркс с его человеческой порядочностью побеждает холодную логику и расчетливость нелинейщика, просчитавшего все варианты поведения, кроме порядочного.

Круглый Стол опрошен дважды: по первому пункту повестки дня и по второму. Изложены позиции скептиков, энтузиастов и лириков. Скептики не верят в пришельцев; энтузиасты верят, ждут и мечтают о встрече; лирики опасаются, как бы встреча не привела к худому. Скептики не верят в машинный разум, энтузиасты верят и мечтают о сверхталантливых помощниках, лирики опасаются, как бы эти слуги не причинили вреда человеку. И, защищая человека, лирики прославляют его, поднимают на щит.

Защита человека — тема многих рассказов Ч. Хрущевского и в предыдущем сборнике, и в этом.

«Город Городов». На далекой планете некие космические искусствоведа создали музей из самых великопепных сооружений. Скопирован Московский Кремль, дворцы Италии, пагоды Бирмы и Японии, Миланский собор, Эйфелева башня. Но разве не самое замечательное — человек, творец, создатель всех этих чудес красоты? И в знак величайшего уважения хранитель музея ставит рядом с копиями памятников копии людей.

Герой другого рассказа Ч. Хрущевского («По газонам не ходить»), свиноторговец по профессии, добивается бессмертной славы. Ради славы он занимается астрономией, участвует в нелепой инсценировке с прибытием и изгнанием пришельцев. Но потомки числят его в спасителях человечества... только потому, что он свиней разводил, пищей снабжал голодных. Так что же важнее — ветчина или звезды?

— А разве звезды совсем не нужны? — могли бы спросить энтузиасты, приверженцы дальних странствий.

И Хрущевский отвечает им рассказом «Два края света». Тема та же, но позиция автора чуточку иная.

Дело в том, что, бросая и получая реплики в диспуте, авторы слышат серьезные возражения. Честный автор не может не принять их во внимание. В результате происходит передвижка за Круглым Столом, все пересаживаются немножко, причем в одном направлении, как бы по часовой стрелке. Скептики становятся менее скептическими, энтузиасты — менее категоричными, и лирики в свою очередь — менее категоричными лириками.

Трезвые скептики исходят из современного состояния науки, когда говорят, что открытия добываются тяжелым трудом, не валятся на голову ежеминутно. Но ведь открытия все же делаются, в двадцатом веке все чаще, не замечать их уже нельзя. И трезвые борники науки один за другим берутся за перо, чтобы в фантастической форме выразить свои смелые надежды и мечты. Вы же заметили, сколько специалистов среди авторов этого сборника.

Мечты энтузиастов в свою очередь опираются на бурный рост науки и техники. Но энтузиасты отрываются от реальной действительности, видят только радужные перспективы, забывают о потерях. И правы лирики, когда напоминают: «Ваши великолепные паровозы могучи и стремительны, но они дымят, портят воздух, грохочут, оглушают... дают людей иногда».

Подобные реплики не лишены оснований. Слыша их постоянно, некоторые мечтатели-энтузиасты постепенно переходят на позиции лириков. Именно такой путь проделал С. Дем. Вот и К. Фиалковский, выступивший в прошлом сборнике как автор самых безудержных технических фантазий, в рассказе «Меня зовут Мольнар» (у нас он опубликован в журнале «Искатель») повествует об ученом-преступнике, насильно навязывавшем своим жертвам продление

жизни. Сюжет, типичный для лириков. Предостережение об опасностях, которыми может грозить человечеству наука.

Но паровозы, гремящие и дымящие, все-таки нужны, в хозяйстве без них не обойдешься. Видимо, всему должно быть найдено свое место: пусть паровозы ходят по рельсам, а люди пускай по рельсам не ходят!

И вот фантасты-лирики начинают писать рассказы, в которых тяготеют к спокойной трезвости, к позиции трезвых скептиков. Скептицизм по отношению к перспективам развития техники лирики проявляли и раньше, а сейчас они дают объективную оценку действительности, стремятся понять противоречия, взвесить, примирить, всему воздать должное.

Эта тенденция чувствуется у А. Чеховского. В предыдущем сборнике он выступал как вопиствующий лирик, рассказывал о несчастных детях, угнетенных роботами («Правда об электрах»), и о несчастном гиббоне, которого ученые зачем-то наделили разумом («Человекообразный»). «Вавилонская башня» в другом роде. Это уже о сортировке открытий — полезных и бесполезных, своевременных и несвоевременных.

И лирик Ч. Хрущевский после страстной защиты интересов человека пишет спокойно-рассудительный рассказ «Два края света», где каждому воздается должное. Отары нужны, и телескопы нужны. Сначала забота о людях, потом забота об открытиях. Ученые должны помочь простым людям, тогда им тоже помогут. И очень нужно, подчеркивается в рассказе, чтобы на другой край света ретировались те, кто мешает содружеству науки и простого люда, кто ссорит ученых с простыми людьми ради собственных прибылей.

Разоблачению тех, кому выгодны конфликты, кто зарабатывает на бедах человеческих, посвящена фантастическая притча А. Чеховского «Абсолютное оружие». Конечно, не надо понимать ее буквально: дескать, танки сами собой превратятся в тракторы. Автор считает: мир придет к миру, если избавить его от влияния милитаристов и от хищников, вооружающих милитаристов. Таков ход человеческой истории.

За эту разумную тенденцию развития борются и польские писатели, и советские, и все прогрессивное человечество.

Г. Гуревич

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Во времена правления XXIV подсекции Нейтринного лампомозга и его первого кибернатора, когда Центральная суперцивилизация простиралась до самых отдаленных скоплений галактик и в трех великих войнах разбила в пух и прах радиоактивных антигомоморфоз (подлинного имени которых не успели установить, так как они канули в восьмимерный провал пространства, возникший под действием темпоральных бомб), один из кораблей, патрулировавших на периферии Галактики, сообщил о том, что третья планета Солярной системы заселена мыслящими существами. Правда, корабельный автомат именовал их «недомыслящими существами». Учитывая скрытые почти в каждом недомыслящем потенциальные возможности, мозг — координатор Центра всегалактического развития провел через Нейтринный лампомозг проект интенсификации развития солярной цивилизации методом постоянных импульсов с автоматической коррекцией. С этой целью через трансгалактическую пересыльную линию в сторону Солнца был направлен Изобретательский Сверхробот, запрограммированный на восемьсот тысяч лет, причем на протяжении этого периода Сверхробот должен был поднять солярную цивилизацию до уровня, типичного для миллионов недоцивилизаций кустарей в Галактике. Вскоре Сверхробот достиг Солярной системы, вышел на орбиту вокруг третьей планеты, оставив на ней лунный гравикратерный буй в виде огромного шара диаметром в

несколько тысяч километров, и опустился на поверхность планеты в районе терминатора. Едва произведя посадку в большом озере окиси водорода — при этом половина его содержимого испарилась, — он тут же приступил к делу.

Обладая способностью моментально и вневсественно воспринимать все происходящее в радиусе трех километров, Сверхробот, разумеется, заметил пещеру, заселенную Объединенным племенем собирателей-охотников. Заметил он и членов племени во главе с великим Мамонтом, спящих в пещере. Единственным стражем, охранявшим огонь у входа в пещеру, был юный Мамонт. Молниеносно мыслящий Сверхробот не потратил на размышления ни микро-секунды. Он немедленно перестроил свою пластичную оболочку, подогнав ее под форму, характерную для двуногих обитателей пещеры, часть массы использовал для изготовления модели одного из огромных хищников, живущих на планете, и направил эту модель к пещере, отправившись следом за ней. Подойдя к пещере, он укрылся в зарослях и стал ждать.

Автоматическая пластомодель планетного хищника (ныне именуемого саблезубым тигром) медленно двинулась к весело потрескивавшему огню. Даже Сверхробот с его молниеносной реакцией еле-еле различил два последовавших друг за другом крика: рев пластотигра и громкий вопль Мамонта, который словно ошпаренный отскочил в глубь пещеры. Пластомодель остановилась около огня, крутя глыбообразной головой. Тогда Сверхробот выскочил из засады и метнул в пластотигра копьё с платиновым наконечником и тактакинтаковым ускорителем. Динамик внутри чудовища еще некоторое время продолжал реветь, потом пластомодель повалилась на землю, а

Сверхробот, опершись на копьё, встал рядом с ней и прокричал на чистейшем диалекте Объединенного племени собирателей-охотников:

— Я Великий Пришелец! Я убил тигра! Он хотел сожрать охотников! Но не успел. Великий Пришелец будет охотиться вместе с Великим Мамонтом. Хау!

В тот же момент крнотронный микропереключатель в кристаллическом мозгу Сверхробота ультразвуковым щелчком отметил конец выполнения вводной ознакомительной программы и начало основной. С этой секунды Сверхробот обрел возможность реализовать любое из двенадцати тысяч восьмисот сорока восьми важнейших для цивилизации изобретений и открытий, начиная со способа разжигания огня и кончая созданием межпланетной ракеты. Когда рассвело, Сверхробот незамедлительно принялся за работу.

Вначале Объединенное племя собирателей-охотников в зловещем молчании выслушало слова Великого Пришельца. Изобретение пращи было встречено с недоверием, так же как и разжигание огня с помощью двух кусочков сухого дерева. Лишь высекание искры вызвало восторг, несмотря на сопротивление старейшин, убежденных в небесном происхождении огня из молний. Развалившись на поросшем мхом камне, Сверхробот в тот день изобрел колесо (так была построена первая двухколесная повозка мощностью в десять женских сил), а также лук, на который охотники не могли нарадоваться. Они без промедления отправились на охоту и через несколько часов привезли на двуколке к пещере огромные туши животных.

Следующий день принес открытие бронзы и изготовление первых металлических наконечников. В полдень Сверхробот внедрил в производство глиняные

горшки, обжиг сосудов, гончарный круг и вращающийся жернов. Вскоре после этого племя получило лодку, выжженную из ствола, лодку-долбленку, плот с парусом и удочки с наживкой. Стали выращивать домашних животных. Вокруг пещеры раскинулись поля кукурузы и проса, посеянных, разумеется, весьма примитивным способом. Появились каменные дома, крытые дранкой, их обносили частоколом из окоренных деревьев. Объединенное племя собирателей-охотников переживало эпоху расцвета.

Увы, вскоре началось такое, чего не мог предвидеть даже Изобретательский Сверхробот. Однажды, когда он что-то вдалбливал старцам, восседавшим в Совете племени, на поляну, ревя и гикая, выскочили толпы головорезов из Лесного племени разбойников-грабителей. Привлеченные слухами об успехах подданных Сверхробота, они быстрым маршем спустились с гор. Сверхробота окружили четыре бандюги, весьма самоуверенные и вооруженные тяжелыми дубинами.

Увидев, что первый удар дубиной чуть покорежил пластиковую оболочку, бандиты издали вопль торжества. Не успел он еще затихнуть, а приводимые в движение пружинно-спазматическим электрогидромускулом конечности Сверхробота уже разнесли им черепа. Свершив акт возмездия, Сверхробот выдвинул из-под панциря консоль с излучателем на конце и залил все вокруг потоками огня. Охотники из Объединенного племени пришли в себя и начали преследовать разбойников, а те кинулись бежать со всех ног. Шум битвы переместился в глубь леса, а Сверхробот остался наедине со своими болячками.

Справедливости ради следует сказать, что Сверхробот вышел из боя не без урона. Удар палицей раз-

бил один из кристаллических транснейрокриотронов в его мозгу, и Сверхробот напрочь забыл, для каких целей его предназначили Конструкторы. Он мысленно пробегал программы всех 12 848 изобретений, припоминал алгоритмы и правила, но никак не мог сообразить, что же он, собственно, должен со всем этим сделать. Не будь он роботом, он бы наверняка впал в отчаяние. (Но кто из людей в действительности знает цель своей жизни?) Сверхробот лихорадочно пытался создать хоть какую-нибудь программу действий. Как мы уже знаем, у Сверхробота были блестящие умственные способности, поэтому, когда охотники вернулись, их вождь уже знал, что надо делать, и принялся отдавать приказы.

Охотники, которые за последние недели поднабрались ума, сразу бросились исполнять распоряжения своего вождя. Караваны женщин немедленно отправились в путь, чтобы из близлежащих каньонов принести цветные камни-минералы. Самые сильные мужчины каменными молотами ковали из бронзы и меди металлические листы. В земляных печах выплавляли железо, которое тут же закаливали. Старухи прекратили работу над одеждой для своих мужей и сыновей и принялись наматывать проволоку на самые различные катушки. Определенную трудность доставлял им учет количества витков, но в конце концов гениальный Сверхробот положил конец и этим заботам: он начал выделять работницам точно отмеренные куски проволоки. Самые способные художники вместо работы над портретами мамонтов занялись рисованием на стенах пещер сложнейших орнаментов из черточек, стрелок и зигзагов, которые Сверхробот называл схемами. И наконец, после месяца совершенно доисторического по своей тяжести труда охотники

решили, что тут что-то не то. До сих пор работа всегда приносила плоды: например, когда изобретали двухколесную повозку, или лук, или обжигали горшки. Но для чего эти листы железа? Кому, скажите на милость, нужна медная проволока? Почему нельзя рисовать мамонтов на стенах пещер? Для чего могут пригодиться испаряющиеся жидкости и горькие порошки? Пусть этими глупостями занимается Сверхробот, а им, охотникам, полджено охотиться.

Начался было бунт, однако таинственность, которой окружили новую работу, пробудила любознательность у людей племени. Они начали понимать, что цель их усилий — нечто важное, хотя и непонятное. Заматавшийся Сверхробот, который бегал туда-сюда, отдавая все новые приказы, казался олицетворением этой цели: ведь он один знал, зачем все это нужно. Охотники продолжали работать, руководствуясь примитивнейшим из чувств — доверием.

Если б в один прекрасный июньский день кто-нибудь оказался на вершине одной из сосен, росших неподалеку от пещеры, он бы увидел поразительную картину. На огромной пустой площадке, красной от глины, вздымалась деревянная башня высотой в соток метров, построенная из стволов самых стройных в округе сосен. На вершине башни покоилась платформа, а на ней возвышался подъемный кран с комплектом полиспастов. У основания башни была выложена каменная плита с отверстием в центре. На плите, горя пурпуром медных боков, стояла тридцатиметровая космическая ракета. Буквы Всегалактического фонетического письма складывались в черную надпись: ВАВИЛОН. Что означало это слово — не известно.

Раздумывал над этим и сидевший на вершине сосны наблюдатель, представитель Живой галактической сверхрасы, известный астроперипатетик командор Карратес. Здесь мы должны сказать, что мозг — координатор Центра всегалактического развития, соединенный мгновенной телепатической связью с мозгом Сверхробота, был в курсе всех его начинаний. Сразу же после непродолжительного совещания к Земле двинулись корабли флотилии командора Карратеса. Восемь черных крейсеров устремились в восьмое измерение (в котором обычно происходят гиперсветовые полеты) и материализовались вблизи Солнца, чтобы сразу же выйти на орбиту вокруг Голубой Планеты. Командор Карратес был первым пришельцем из космоса, который дотронулся своим щупальцем до Земли. В скафандре, уподобленном силуэту человека, вооруженный только ручным лазером, командор в одиночестве опустился на Землю, с трудом преодолев плотные слои атмосферы. Он быстро добрался до пещеры и сразу же занял место на сосне, прикинувшись неподвижной веткой. С лазером наготове, внимательно наблюдая за окрестностями, он ждал, как будут развиваться события.

Охотники, до сих пор находившиеся на деревянной платформе, ловко, словно обезьяны, спустились вниз и бросились бежать в глубь рощи. Около ракеты появилась фигурка Сверхробота (обладающая способностью вневещственного восприятия, Карратес отличил его от охотников), вспыхнул огонь, и Сверхробот начал большими прыжками удаляться от ракеты. Огонь медленно полз вдоль пропитанного селитрой шнура. Когда Сверхробот добрался до зарослей, огонек скрылся в раскрытой дюзе ракетного двигателя. Тотчас же загрохотали запальные ракеты, по-

том заработал главный двигатель. Клубы дыма окутали башню, а спустя секунду из них с ревом вынырнула ракета и, наращивая скорость, устремилась в небо. Вдруг совершенно неожиданно красные медные листы разгорелись ярче Солнца, обшивка лопнула, листы свернулись, словно лепестки цветов, и ракеты не стало.

На вершине сосны командор Карратес убрал в кобуру еще дымившийся лазер.

В своем отчете командор Карратес писал:

«Изобретательский Сверхробот поступил совершенно логично, выбрав строившуюся космическую ракету конечной целью своей работы среди землян. Вероятно, он сопоставил необходимость совершенствования ракеты с тем фактом, что космическая ракета была последним пунктом заданной ему программы. Ему казалось, что для выполнения поставленной перед ним цели он обязан избрать как можно более короткий путь. Следует признать, что он ухитрился мастерски использовать скромные средства, которыми располагал на этой примитивной планете.

У нас не может быть претензий к Сверхроботу в связи с тем, что его поведение оказалось ошибочным, ибо он исходил из неверных предпосылок, не зная о том, что истинной его задачей было развитие земной цивилизации, а не только реализация изобретений, четкая программа которых содержалась в его памяти. Быть может, конструируя роботов этого типа, следует больше внимания уделять подобным вопросам.

К сожалению, последствия совершенных ошибок оказались достаточно серьезными. Охотники из так

называемого Объединенного племени, среди которых действовал Сверхробот, по существу не продвинулись в своем развитии ни на шаг; следует даже опасаться, что они поверят в сверхъестественность Сверхробота. Оставлять в их распоряжении сложные машины, которые Сверхробот сконструировал в процессе реализации своего сумасшедшего плана, я считаю абсолютно бесцельным.

Посему необходимо уничтожить многочисленные заводы и энергетические станции. Необходимо ликвидировать все, что земляне не в состоянии использовать. Одновременно следует оставить землянам то, чему их научил Сверхробот в начальной стадии своей деятельности. Я продумал все возможности и принял такое решение:

а) члены Объединенного племени собирателей-охотников должны передать свои знания другим землянам, поэтому следует рассредоточить их между остальными племенами;

б) построенные Сверхроботом технические сооружения уничтожить вместе с континентом, на котором они были воздвигнуты; разумеется, предварительно следует провести эвакуацию жителей континента;

в) для проведения этой программы в жизнь локально изменить силу тяготения, вызвав тем самым оживление вулканической деятельности и последующее затопление континента океаном.

Вышеуказанная операция приведена в исполнение.

Командор Х флотилии Карратес».

ГОРОД ГОРОДОВ

Они совершили вынужденную посадку на чужой планете в иной солнечной системе. Из-за космического вихря корабль сбился с курса, приборы отказали. Ракета упала на поверхность планеты, словно лист, сорванный с дерева. Очень странный способ посадки.

Первым из корабля вылез Дорн, осмотрелся, ловко перескочил через ярко-красный камень, весело махнул хвостом и тявкнул. Тогда из ракеты на землю спустились люди. Два человека, мужчина и женщина.

— Ах, какой воздух, — затараторила женщина, — настоящий бальзам! Ах, какие краски — ничего подобного в жизни не встречала! Красное, золотое и голубое. Только три цвета, ах, как это восхитительно!

Мужчина не разделял восторгов женщины. Он прошел множество космических дорог, немало повидал на своем веку, не на одном космическом полустанке едал хлеб. Он был насторожен, готов к самому худшему.

— Не знаю, где мы.

— Это изумительно.

— Планета не значится ни в одном космическом расписании.

— Наконец хоть что-то новое.

— Ты рассуждаешь как дитя.

— Просто у меня всегда хорошее настроение. Впрочем, именно поэтому я и сопровождаю пилотов почтовых ракет, скупающих в пути.

— Какая пустота вокруг!

— За горизонтом нас ждет шикарная гостиница, апартаменты с ванной.

— За горизонтом...

— Соберешь нашу универсальную машину, и мы поедем.

— Ты поможешь мне, щебетунья.

— Вот это другое дело. Меня всегда интересовало, есть ли у вас, космонавтов, сердце.

— Есть.

Мужчина был неразговорчив. Не обращая внимания на болтовню женщины, он провозился несколько часов, собирая из заранее заготовленных блоков планетоход. Наконец универсальная машина двинулась в неведомое.

— Она совмещает в себе достоинства ковра-самолета, транспортера, глссера, экипажа на воздушной подушке, аэросаней — просто чудо современной техники, — с удовлетворением заметил космонавт.

— Но это чудо немного трясет.

— Когда я увеличу скорость, вибрация прекратится. О! Уже прекращается.

— Замечательно, прекрасно. Взгляни, золотые скалы в красной пустыне под голубым небом.

— Голая, необитаемая планета.

— Не говори гоп, пока не перескочишь.

— Гоп!

— Мы перескочили через колорадский каньон.

— Действительно, немного похож.

— Вот видишь. Впервые за много-много месяцев ты согласился со мной... Похоже на реку. Переплывем или перескочим?

— Пусть решает Дорн.

Мужчина остановил машину на самом берегу. Собака выскочила, лизнула языком янтарную воду и заскулила.

— Она обожглась, — сказал космонавт. — Да, вода горячая.

— На той стороне виднеется что-то похожее на стену.

— Оптический обман. Это, наверно, горы.

— Я вижу длинную стену, — не сдавалась женщина, — хорошо вижу. Справа, за золотистыми скалами, — темно-зеленая стена.

— Действительно, похоже. Перескочим через реку. Садись, Дорн, к ноге!

— А ты говорил — пустота, ни единой живой души, говорил — вымершая планета... а под нами изумительный город. Вы, мужчины...

— Черт побери! — воскликнул космонавт, — действительно колоссальный город, тысячи зданий, гигантский город, ни конца ни края.

— Улицы пустые, широкие. Как раз для нас. Преврати самолет в автомобиль. Я хочу ехать по улицам этого города.

— Этот город вымер.

— Может, они спят.

— Сейчас? В разгар солнечного дня?

— А может, здесь всегда светит солнце. Что мы знаем об этой планете?

— Ничего.

— Знаешь, я слышала о таких планетах, у которых два солнца, а то и больше, и когда одно заходит, другое восходит. Там всегда светло и тепло, всегда цветут цветы.

— Этот дом...

— Что «этот дом»? —

— Нет, невозможно... но мне кажется, что этот дом я уже когда-то видел.

— Знаешь, во сне, бывает, что-то видишь, а потом встречаешь это наяву. Или наоборот.

— Этот дом...

— Этот дом, этот дом... Скажи же наконец, в чем дело?

— Этот дом напоминает палаццо Минелли в Венеции.

— Ты был в Венеции?

— Двенадцать лет назад... А вон тот, другой — это же Сан Джорджо Маджоре... Смотри, Порто делла Карта. Крылатый лев святого Марка, перед ним опустилась на колени супруга дожа Фоскари... Церковь Санта Мария деи Мираколи, а перед ней дворец Анджарани-Контарини.

— Но мы же не на Земле.

— Конечно, нет. Поэтому я ничего и не понимаю. Я знаю Италию как свои пять пальцев. На той стороне дворцы Флоренции, Медичи-Риккарди, Пандольфини, собор Санта Мария дель Фьоре, дом Невинных младенцев. Уж не спятил ли я?.. Палаццо Марино из Милана. Мы проезжаем собор из Мантуи, Пизанскую падающую башню, этими дворцами я восхищался в Генуе, этими в Вероне... И Колизей. И памятник Марку Аврелию.

— Не кричи, я не глухая. Итак, это Италия.

— Ничего не понимаю. Самые замечательные строения Италии, собранные в одном месте. Свернем на другую улицу.

— Какая роскошная аллея! И вся обсажена пальмами.

— Мы проехали главные ворота Красного Форта... Ведь это «Жемчужная мечеть» в Дели.

— Насколько я помню, Дели находится в Индии.
— Верно. Я сворачиваю на улицу, обсаженную каштанами. Узнаешь?

— Немного похоже на Елисейские поля.

— Очень похоже. Нотр-Дам, Эйфелева башня. Лувр.

— А эта скульптура?

— Ника Самофракийская. Самые прекрасные памятники Франции. Сон, я сплю, ущипни меня... ай! Это не сон. Взгляни на Дорна. Он принохивается, он очень беспокоен.

— Теперь направо...

— Пирамиды, Сфинкс, храм из Абу-Симбела.

— Да, это чудеса Египта. Ты опять поворачиваешь?

— Там на самом конце улицы — колоссальная статуя... Около нее мы и остановимся.

— Это изваяние Будды.

— Дайбутцу. Гигантский Будда из Камакуры.

— Камакура.

— Город в Японии. Италия, Индия, Франция, Египет, Япония, — перечислял мужчина, — дома, дворцы, памятники, соборы. Сотни тысяч самых изумительных строений, памятников нашей родной Земли.

— И ни одного человека. Войдем в этот монастырь.

— Монастырь Избранных. Согласно традиции каждый король Сиамы некоторое время ведет здесь жизнь буддийского монаха.

— Здесь нет никого, ни короля, ни монахов, — женщина явно была разочарована.

— Мы попали в Город Городов, — сказал космонавт.

— Город Городов на чужой планете. В другой солнечной системе. Это слишком сложно для меня;

Кто все это построил? С какой целью возведен этот город без людей? Кто его возводил? Я страшно проголодалась. Когда я нервничаю, мне хочется есть. Ты хорошо знаешь об этом. Я приготовлю яичницу.

— В Монастыре Избранных или перед статуей Будды, а может, во дворике палаццо Марино?

— Где хочешь. Яичница с солонинной придется нам по вкусу, придаст нам бодрости. Прикоснись ко мне... Я чувствую твои пальцы на щеке. Я существую. Ты существуешь. Чего ты хочешь — чаю, кофе или стаканчик красного вина?

— Рюмочку коньяку. Две рюмочки коньяку.

— Гениальная идея. Рюмочка коньяку рассеет туман в несчастном мозгу изумленной женщины.

— Твое здоровье, женщина, притворяющаяся изумленной.

— Наше здоровье. Выпьем скорее, может, этот город растает.

— Не растает. Неужели наш корабль...

— Ну, заканчивай, почему ты замолчал?

— В космосе существует закон симметрии. Мир и антимир. Материя и антиматерия... В биологическом институте часами спорили о солнечных системах-близнецах, галактиках-близнецах, близнецах-планетах... У каждой вещи, у каждого существа, у каждого предмета, каждой формы и каждого содержания есть свои точные копии в космосе, одна, две, тысяча...

— Яичница готова. Что ты скажешь о салате из помидоров?

— Неужели наш корабль опустился на планете — близнеце Земли? Но почему же здесь собраны все города? Нет, это не копия планеты... Это только копии земных памятников архитектуры...

— Порезать огурец? Помидоры с огурцом вкуснее. Чай будет готов через минуту.

— Королевство за чашку чаю!

— Наконец-то ты перестал разговаривать сам с собой. Поужинаем, заберемся в наши чудесные спальные мешки. Это надо переварить. Завтра тебе наверняка придет в голову какая-нибудь удачная мысль.

Они заснули. Я стерег их сон. Зачем? Ну, просто по привычке. Я присматриваю за Городом Городов так давно, что это уже вошло в привычку. Эти двое забавны, гораздо забавнее домов, храмов, дворцов. В Городе Городов полно статуй, памятников, я видел изображения этих существ на барельефах, картинах... Я думал, что имею дело с декоративными элементами, похожими на цветы, на более сложные геометрические формы... А эти существа двигаются, издают звуки, многое свидетельствует о том, что они даже мыслят. Поразительно. Город Городов построен изумительными машинами. Мне говорили, что в природе ничто не погибает, что самое ценное должно пережить все катаклизмы, чтобы служить будущему, приближающемуся к нам из глубин Космоса. Я — хранитель Космического музея и не только хранитель. Но, внимание! Третье существо почувствовало мое присутствие. Оно боится, подвернуло хвост и учащенно дышит. А они? Откуда это поразительное подобие мраморным фигурам, цветным изображениям, заполняющим комнаты дворцов и залы храмов?

Лай собаки разбудил женщину, минутой позже открыл глаза мужчина, внимательно осмотрелся и сказал, чуть шевеля губами:

— Здесь кто-то есть. Взгляни на Дорна.

— Дорн чувствует постороннего, — шепотом ответила женщина.

— Откуда ты знаешь, что это посторонний, может, это свой?

Я рассмеялся. Никогда в жизни не видел таких забавных существ.

— Ты слышал? — шепнула женщина. — Кто-то смеется.

— Он смеется над нами, — сказал мужчина.

— Это очень скверно с его стороны.

Я решил заговорить с ними.

— Я не хотел вас обидеть, но ваши слова рассмешили меня.

— Где ты? — спросила женщина и тут же поправилась: — Где вы? Мы слышим голос, а тела не видим.

Я ответил:

— Ничем не могу помочь. Кто вы?

— Люди, — объяснил мужчина и добавил: — Космонавты, жители Земли.

Я сказал:

— Земли? Это мне ни о чем не говорит.

— На Земле возведены все эти изумительные постройки, точные копии которых собраны на вашей планете в Городе Городов, — мужчина подошел к статуе Будды. — Этот монастырь тоже оттуда.

Я спросил:

— Что значит *возведены*? Не понимаю.

— Это значит, — ответил мужчина, — что люди построили все эти изумительные вещи.

Я пытался понять значение этих слов:

— Люди. Такие же забавные, как и вы?

— Такие же забавные существа, как и мы, — сказал мужчина.

Я сказал:

— Глупости. Чтобы воссоздать эти чудеса, пришлось использовать гигантские машины. Это дело гигантов, а вы, а вы...

Я расхохотался.

— Он смеется над нами, — возмутилась женщина, а мужчина попытался мне объяснить:

— Все эти изумительные постройки: дворцы, храмы, памятники, сфинксы, Эйфелева башня, базилика Петра в Риме и пагода Шуле в Рангуне, здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, Московский Кремль и алтарь Вита Ствожа в Кракове — все это дело рук человеческих.

Я не поверил.

— То есть ваших рук?

— Рук людей, подобных нам, — уточнил мужчина. — Великих мастеров, великих архитекторов, великих художников, великих...

Я прервал его:

— Значит, все-таки гигантов.

— Гигантов духа, — сказал мужчина.

Я не понял.

— Стало быть, вы располагаете прекрасными машинами, они реализуют ваши самые смелые замыслы, исполняют любое желание, отгадывают мысли. На расстоянии? Или они подключаются к человеческому мозгу? Они материализуют ваши видения, возникающие в подсознании тех, кто ими руководит? Но если эти чудеса возникли в вашем воображении, то я могу только восхищаться тем, как глубоко вы понимаете прекрасное. Я действительно приятно поражен.

— Эти дома, церкви, эти произведения искусства созданы без помощи машин, — продолжал мужчина. — Когда-то людям при возведении более крупных

зданий помогали очень простые, тоже созданные людьми механизмы.

Я сказал:

— Если все обстоит действительно так, то не произведения, а их авторов следует оберегать от уничтожения.

— Я верю, — сказал мужчина, — что во время путешествий по Космосу мы встретим на какой-нибудь планете Фидия, Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рубенса и многих других.

— Сказки, — воскликнула женщина. — Взгляни, у статуи Будды чадят кадила. Их аромат одуряет. Бежим из храма.

И они выбежали на улицу.

Я привел в действие все машины. Прежде чем люди добрались до космического корабля, я успел создать две точные копии. Я поставлю их на постаментах, ведь они копии авторов Города Городов. На всякий случай машины с разгона сделали и довольно недурную копию четырехногого существа. Пока я не могу отнести его к какому-либо классу. Может, и оно тоже дело рук человеческих. Или его сделали машины? А может быть, оно — это результат воздействия каких-то иных, не известных мне космических условий?

КОСМОДРОМ

Обширную, исчерченную ступеньками обрывистых террас долину, на дне которой раскинулся космодром, со всех сторон окружают горы. Их широкие куполы и скаты опалены солнцем, лишены деревьев. Кое-где склоны круто обрываются над пропастью каньона, обнажая потрескавшиеся слои старых известняков и песчаников. Дорога извивается по дну долины, взбираясь все выше и выше, сначала асфальтированная, гладкая, потом каменная, с трудом ползущая по сыпучим склонам. По ней можно доехать до лба ледника, откуда берут начало горные реки, посмотреть вблизи на скалистые вершины, подышать чистым морозным воздухом.

Если выпадет несколько свободных дней, то можно меньше чем за час пролететь высоко над волнистыми белыми облаками, добраться до моря, смешаться с веселыми толпами людей на бульваре, который тянется вдоль изумительных пляжей.

Но здесь, на плоском дне окруженной горами долины, которую соединяет с далекими низинами единственная дорога, уже не чувствуется солоновато-горький запах моря. Широкие, нависшие козырьком крыши просторных павильонов отбрасывают тень, холодный воздух поступает из непрерывно работающих климатизаторов. В буфете можно попробовать воды из далеких источников или сока субтропических растений. Сероватые горы, видимые с любой точки космодрома, стоят опаленные солнцем и негостепри-

имные; они возвышаются над стальными башнями и конструкциями, что опоясывают вздымающиеся корпуса ракет. Безводные предгорья с отвесными склонами заслоняют от человеческого глаза прелесть каменных вершин. Вечером горы окутывает туман, лишь белеют зарывшиеся в землю бетонные убежища вокруг стартовых площадок, не потускневшие за долгие годы. Стальные конструкции отбрасывают длинные тени на буйную, росистую траву. Пожилой человек, таща за собой резиновый шланг, поливает перед административным зданием клумбы с цветами; в окнах попеременно отсвечивает то багрянец, то сочная голубизна неба. Ярко окрашенный грузовик, перевозящий радиоактивные материалы, готовится к отъезду. Загорелый водитель в расстегнутой сорочке, улыбаясь, щерит белые зубы — он прощается с девушками в белых лабораторных халатах. Кладовщик собирает папки с бумагами — было много работы с прибывшей сегодня партией плутония, — оглянуться не успел, как уже наступил вечер. Комиссия только что разошлась, возни было полно, а на грузовике — одни броневые плиты, почти нет места для груза. Время от времени в углу слышно тиканье счетчика Гейгера, уровень радиации в норме, никаких признаков того, что сегодня в реактор вводили контейнер с топливом. Последний взгляд на контрольные циферблаты — и можно захлопнуть дверь. Отличный вечер, надо бы пойти домой, жена, наверно, беспокоится, уже звонила три раза. Тихо пофыркивая, ярко окрашенный грузовик минует узкие ворота, оставшиеся еще от тех времен, когда цепочки контрольных постов множеством колец охватывали небольшой в то время космодром. Бункеры, около которых стояли тогда солдаты, уничтожили, а на их

месте разбили цветники. Остались только ворота, массивные и крепкие; их следовало бы взорвать, потому что они мешают движению по главной дороге, да только не очень ясно, как это сделать: рядом уже вырос новый лабораторный корпус, люди ежедневно спешат туда на работу, проезжают машины. Неподалеку от зданий мастерских стоит автобус. Водитель дожидается, когда соберется несколько пассажиров, включает двигатель и едет через горную грядку в поселок. Пожилой человек в темно-синей форме, стоящий около административного здания, там, где асфальтированная дорога пересекает живую изгородь, провожает взглядом автобус, повернув голову в сторону заходящего солнца.

Дорога извивается серпантином по крутым склонам долины, взбираясь все выше и выше. Потом — перевал и опять вниз. Там растут деревья, а склоны покрыты травой, густой и мягкой. Из-за деревьев проглядывают небольшие домики — несколько низких одноэтажных блоков и ряд похожих друг на друга коттеджей с крутыми крышами. Дорога упирается в площадь, автобус останавливается, скрипя тормозами. Люди разгуливают по тротуарам, выложенным каменными плитами, словно в настоящем городе. Единственное кафе, все посетители которого хорошо знают друг друга, заполняется гостями. Под деревьями, окаймляющими площадь, расставлены скамьи. Пассажиры уже вышли из автобуса, как всегда, вежливо прощаются с водителем, и каждый торопливым шагом направляется к дому.

Водитель включает двигатель. Дорога за поселком идет по лесу, к далекому городу, вдоль быстрой, но пересыхающей в жаркую пору реки. Почему космодром когда-то построили в таком безлюдном месте?

Автобус разворачивается и снова начинает карабкаться по серпантину в гору — может, очередные пассажиры уже ждут его около корпусов мастерских. Водитель любит читать старые романы про шпионов и шустрых сотрудников контрразведки, в шкафике рядом с сиденьем у него лежит несколько таких книг, и в минуты ожидания он вытаскивает одну из них, чтобы перелистать. То время было, пожалуй, интересное, хотя и трудное. Автобус выехал из сосновой рощи и, делая один поворот за другим, взбирается в гору. Из окна видны старые бетонные бункера, заросшие травой. Сколько уж лет солдаты не проверяют машин, идущих по этой горной дороге.

Шоссе распрямляется, начинается пологий подъем на моренный вал, оставленный здесь мощным ледником тысячи лет назад. Быстро опускается тьма, водитель зажигает фары, на фоне темно-синего неба видна нацеленная на ранние вечерние звезды антенна огромного радиотелескопа — первый признак близости космодрома. Шоссе идет по равнине. Короткий спуск с моренного вала, местами поросшего карликовыми рододендронами, — и автобус тихо проезжает мимо живой изгороди — колючих зарослей, обозначающих конец пути. Ажурная антенна выделяется на ночном небе. Она незаметно передвигается вправо. Видно, астрономы сегодня ночью работают, и, надо думать, охотников поехать в поселок будет немного. Водитель ставит автобус около корпуса мастерских и выключает мотор. Главная дорога, ведущая в глубь космодрома, пуста, лишь кое-где ее освещают ярко-белые лампы. Недалеко, перед поворотом, виднеются контуры старых крепостных ворот — преграды на дороге. Сегодня ночное дежурство у водителя будет

спокойным — можно взять книжку или вздремнуть на заднем сиденье машины.

Антенна перемещается опять, гидравлические домкраты изменяют угол ее наклона — полтора градуса вправо, полтора влево. Мощные насосы, подающие жидкость в домкраты, находятся в постоянной готовности — достаточно слегка передвинуть рычаги. Антенна прошупывает узкий сектор неба, двигается вправо, влево, вправо и опять влево. Неправильные, случайные импульсы, принятые антенной, поступают в приемник, занимающий весь первый этаж здания. Сигналы совершенно нерегулярные, не чувствуется, что это результат деятельности человека, ведь лишь он один может привнести в них закономерность и порядок. Молчит математическая машина, анализирующая полученные импульсы: в них нет того, что ей приказано отыскать. Антенна опять меняет положение, рука человека нащупывает рукоятку на пульте, покрытом светящимся составом. Свет выхватывает круг в большом зале, но не освещает лиц людей, видна только рука, внимательно, осторожно передвигающая рукоятку. Антенна просматривает сектор наблюдения — вправо, влево, влево и опять вправо. Водитель автобуса, свернувшись, дремлет на заднем сиденье машины, и только зеленый огонек на боковом стекле говорит о том, что любой запоздавший сотрудник может разбудить шофера и попросить отвезти вниз. Антенна продолжает сканировать все тот же сектор неба. Минула полночь, в поселке ниже космодрома давно погасли последние огни. Антенна замирает, слышно высокое пение генераторов. У сигналов, излучаемых мощными передатчиками космодрома, свой язык, он зашифрован сложным кодом, позволяющим избежать искажений в безднах про-

странства, через которое бегут волны. Пение генераторов нарастает, на пульте загорается красная лампочка. Перегрузка. «База вызывает восьмую, вызывает...» Человек за пультом протирает глаза, его лицо, покрытое двухдневной щетиной, попадает в полосу света. «Говорит база. Восьмая, почему не отвечаешь?» Слышен сухой щелчок — это автоматический выключатель прерывает работу аппаратуры. Перегрузка стала уж очень большой.

— Слишком велика мощность, — говорит человек. — Если бы там хоть кто-нибудь был, он бы давно услышал нас.

Аппараты отключены, слышен только шум вентиляторов. Человек у пульта встает и прогуливается по большому залу, который тонет в полумраке. Несмотря на работу вентиляторов, воздух все еще горяч и сух — несколько часов назад что-то случилось с климатизаторами. В темноте краснеют раскаленные катоды электронных ламп.

— Включай. Попробуем еще раз.

Слышно пощелкивание — это поочередно срабатывают реле, это под полом равномерно гудят насосы, экраны осциллографов заполняются зеленоватыми змейками, на выходе приемника опять появляются беспорядочные импульсы.

— Ничего, — говорит мужчина. — Опять ничего...

Через несколько минут очередной щелчок автоматического выключателя, экраны гаснут. Это не перегрузка. Они еще не успели включить передатчик.

— Заело, — говорит второй мужчина, повыше и как будто помоложе. — И теперь уже по-настоящему.

Двое усталых мужчин обходят зал, зажигая лампы, заглядывая в шкафы, где размещаются

подсистемы аппаратуры, смотрят на циферблаты контрольных приборов. Тот, что помоложе, снимает очки, протирает платком стекла и вытирает пот со лба.

— Больше не могу, — говорит он. — Все равно ничего у нас не выйдет.

— Только через три дня можно будет опять установить с ними связь. Ты же знаешь, что может случиться за эти три дня.

— Знаю, — отвечает молдой и скрывается где-то в темноте. Когда он возвращается, экраны опять горят зеленым светом.

— Исправил? — спрашивает он.

— Да. Полетело сопротивление и перегорела лампа. Я скрутил провода рукой. Где ты был?

— Вылил на голову кувшин холодной воды. Начинаем.

— Начинай, — отвечает старший. — Пойду последую твоему примеру.

Передачик опять начинает работать на полную мощность, восточная часть неба светлеет, но над куполом обсерватории еще ярко горят звезды.

— Может, не стоит? — говорит один. — Может, они уже вошли в тень планеты и только через три дня...

— Это если они движутся нормальным курсом. У нас нет никаких сведений о них, может, они уже сошли с курса.

— Может быть, — отвечает тот и осторожно, чтобы не повредить ламп, увеличивает мощность.

Когда они выключили главный передачик, солнце уже вынырнуло из-за горизонта. Тот, что помоложе, стоял посреди зала, подняв кверху длинные руки. Пропотевшая сорочка прилипла к телу. Отключив аппараты, они вышли из душного помещения. Неко-

торое время стояли на ступенях перед выходом, дыша свежим горным воздухом.

— Пойдем пешком? — спросил старший.

— Ты спятил — после такой ночи!

— Ну я пойду, а ты как хочешь, — сказал старший.

Они прошли мимо мастерских. Пустой автобус стоял на своем месте. У выхода, там, где дорога пересекала живую изгородь, человек в темно-синей форме знакомым жестом попрощался с ними, поднеся руку к козырьку фуражки.

Обочины дороги заросли низкой светло-желтой травой; между травинками чернеют осколки гравия. Короткий, но крутой подъем на моренный вал. Карликовые стволы горных рододендронов, прижавшиеся к земле, доползли и до этих высот. Старший немного отстал, младший остановился, оглянулся.

— Ты что?

— Ничего. Цветут как-то странно... белые.

Старший наступил ногой на одну из веток гибкого растения.

— Они выдерживают даже здесь, — сказал он, — а ведь там, внизу, их, кажется, выращивают в теплицах.

Впервые за много часов он усмехнулся. Младший подошел к нему.

— Может, все-таки поедем?

— Нет, — буркнул старший. — Приятно подышать свежим воздухом после такой ночи.

Он убрал ногу, и ветка пружиной взметнулась вверх.

— Хорошо... — сказал младший. — Идем.

— Отвык? — спросил старший.

— Да. Отвык, но это ничего.

Они шли по обочине, спускаясь вниз вдоль крутого обрыва. Под ними раскинулась долина, виднелись

облака, плывущие с низин. Было слышно, как где-то позади горный поток разбивается о скалы. Они шли быстро, но старший обернулся, чтобы еще раз бросить взгляд на скрывающуюся за поворотом паутину антенны — последнее напоминание о космодроме.

Шоссе извивалось здесь по склону, а трава была гуще и выше. Карликовые рододендроны уступили место редко разбросанным соснам.

— Думаешь, они вернутся? — неожиданно спросил младший.

Они опять остановились на обочине.

— Понимаешь... — сказал старший, — если предположить...

— Нет, — торопливо прервал его младший, — не допускаю и мысли, что они... Но ведь за те дни, которые прошли с момента прекращения связи, мы сделали все, что могли. Ведь еще никогда не было, чтобы столько дней... и ничего.

— Было, — ответил старший, — только ты еще слишком молод, чтобы помнить это.

— Когда? — спросил первый.

— Дяденька! — неожиданно прервал их чей-то голос. — Дяденька!

Из небольшого соснового бора выбежало несколько мальчишек.

— Дяденька, — тихо сказал один из них. — Вот он...

— Что?

— Шлем, — сказал паренек. — Дяденька, вы видели настоящий шлем космонавта? Он ведь такой, верно?

В руке у мальчугана был шлем, склеенный из бумаги.

— Да, — серьезно ответил старший. — У космонавтов именно такие шлемы. Точно такие, ты теперь космонавт.

— Хорошо, — обрадовался мальчик, — а то вот он говорит, что шлем плохой. Теперь я могу лететь на другую планету.

Они постояли еще немного на шоссе, но разговор не клеился.

— Ты говорил, — сказал младший, — о том, что...

— Да, это было давно. Они полетели вчетвером, плохо рассчитали посадку, и ракета разбилась о поверхность Луны. Была повреждена радиостанция и часть емкостей с кислородом, в реакторе обнаружилась радиоактивная утечка. Они умирали с голоду, а рядом была пораженная радиацией пища, им не хватало воздуха, и руководитель полета покончил с собой. После разрыва связи все примирились с их смертью, — он на минуту замолчал. — Все, за исключением очень немногих. Потом их нашли, и один из этих людей даже до сих пор работает на базе.

Дети стояли на обочине. Он говорил глухим голосом, потом опять замолчал.

— Дяденька... — начал один из мальчуганов. — Дяденька, а вы...

— Ну, ну, — ободрил старший. — Ты тоже хочешь быть космонавтом?

— Да, — сказал мальчик. — Если бы вы принесли мне шлем, настоящий... Вы работаете там, — он показал рукой на долину. — У вас, наверно, есть старые, ненужные шлемы. Если б вы могли, то я бы... — Мальчик опустил голову. Взрослый улыбнулся.

— Может, и смогу, — сказал он. — Если будешь послушным.

— Ну, конечно, — обрадовался мальчик. — Только ведь вы не принесете. Папка тоже обещал и не принес, а потом полетел к звездам.

— Как тебя зовут? — спросил старший.

— Андрюша, — ответил мальчик. — Андрюша Корнилов.

Взрослые обменялись быстрыми взглядами.

— Руководитель восьмой, — сказал старший очень тихо. — Это его сын.

— А вы тоже полетите к звездам? — спросил мальчик.

— Нет, — ответил он. — Уже нет. Я принесу тебе шлем. А вы бы полетели?

— Эх, папке повезло, — вздохнул мальчик. — А мы только играем в другую планету. Здесь другая планета, и мы ищем сокровища.

Только теперь взрослые заметили, что стоят рядом со старыми, уже никому не нужными бункерами, укрытыми среди невысоких сосен.

— Мой папа не позволял нам играть в другую планету, — сказал Андрей, — а вы на нас даже не крикнули.

— И зря, — улыбнулся младший. — Надо бы накричать. Тут неподходящее место для ваших игр. Эти старые бункеры...

Из-за поворота показался автобус, он быстро приближался, было слышно ворчание мотора и шелест шин по гладкому асфальту. Водитель резко притормозил.

— Я решил вас подобрать, — сказал он, высываясь из окна. — Дорога дальняя. Люди сказали, что вы пошли в поселок; я подумал, что не следует вам мешать, по на всякий случай...

Он был не так молод, как его сменщик, работавший вчера. На его лице остались шрамы после давно перенесенной болезни.

— Ладно, — ответил младший. — Сядем, коли уж вы приехали. Надо только забрать этих пацанов, слишком далеко они забрались в поисках другой планеты.

Взрослые заняли место позади, мальчики рядом с водителем. Они с интересом смотрели, как он на большой скорости покоряет головокружительную трассу. Склеенный из бумаги шлем космонавта валялся в проходе между сиденьями, теперь уже ненужный.

— Ты говорил, что один из них работает на базе, — сказал младший.

— А, ты вот о чем... — ответил старший. — Это и есть наш водитель. После того несчастного случая он вернулся с подорванным здоровьем, мог бы вообще не работать до конца жизни, но, видно, не хочет расстаться с базой и водит машины. Не любит об этом говорить, но он был там и пережил все. Он летчик-космонавт по профессии.

Больше они об этом не говорили, откинувшись на спинки кресел. Огромная, давно сдерживаемая усталость понемногу охватывала их. Дорога бежала вниз. Водитель делал последние виражи. За окнами мелькали стволы высоких сосен. Сын Корнилова, руководителя замолчавшей восьмой, подошел к ним.

— А вы обязательно принесете? — спросил он еще раз.

При этих словах старший словно пробудился от оцепенения. Он открыл глаза.

— Принесу, — ответил он, — если будешь послушным...

— И если не будешь ходить к старым бункерам. Там опасно, они могут рухнуть от старости.

— А на другой планете не опасно? — ответил мальчик. — Ну, ничего, — успокоил себя он, — мы себе все равно найдем другую планету.

Автобус затормозил, показались дома. Взрослые молча ожидали конца пути. Старший все время улыбался.

— Что ты улыбаешься? — спросил младший.

— Да так... — ответил он. — Рододендроны... Я и не знал, что они такие. Все в белых цветах и стойкие, хоть и небольшие. Я полюбил их.

Младший не ответил, автобус остановился на площади, и водитель открыл дверь.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Председатель. Уполномоченный по делам абсолютного оружия, полковник Бухбах, доложите комиссии о предстоящем эксперименте.

Полковник Бухбах встает. От волнения делает шаг с правой ноги. Подходит к трибуне и поворачивается лицом к собравшимся — тоже не по уставу — через правое плечо.

Бухбах. Идеальное оружие, господа, именуемое также абсолютным...

Председатель (*прерывает Бухбаха*). Каска велика вам на два номера, полковник, это нарушение.

Бухбах. Виноват, ваше превосходительство. Это чтобы не давило на мозг.

Председатель. Да? Продолжайте.

Бухбах. В зависимости от эпохи, господа, абсолютное оружие представляли себе по-разному. Группа экспертов, работающих под моим руководством, рассмотрела все существовавшие до сих пор проекты создания абсолютного оружия и пришла к весьма неожиданному заключению. Оказалось, что все его создатели, все до единого, были пацифистами! (*Возгласы удивления.*) Да, замаскированными пацифистами. Основной их целью было предотвращение войн. Это в равной степени касается автомата, атомной бомбы и межконтинентальной баллистической ракеты. Благодаря им война должна была стать беспредельно страшной. (*Крики возмущения.*) То есть настолько страшной, что никто не решился бы ее начать. Перед

нашей группой стояла задача разработать новый тип идеального оружия, которое не только не могло бы предотвратить войну, но даже, наоборот, превратило бы все войны в блистательный акт стратегического искусства, то есть в идеальную войну.

Председатель. Мы слушаем вас, полковник.

Бухбах. За исходный пункт мы приняли следующую гипотезу: абсолютное оружие создать невозможно.

Председатель, представитель промышленности и другие. То есть как это невозможно?

Бухбах. Известно, что военная промышленность — основная преграда на пути к идеальной войне. (*Голоса протеста.*)

Председатель. Извольте обосновать, полковник.

Бухбах. Охотно, ваше превосходительство. Идеальная война невозможна в условиях гонки вооружений и наличия соперничающих сторон. Победа или поражение зависит лишь от гениальности вождя и духа солдата, а не от качества или количества вооружения. Если изготавливать идеальное оружие, то перевес получит армия, лучше вооруженная этим видом оружия, иначе говоря, война не будет идеальной.

Представитель военной промышленности. Абсурд!

Бухбах. Доказательство путем доведения до абсурда.

Председатель. Продолжайте, полковник.

Бухбах. Отсюда напрашивался элементарный вывод: идеальные войны следует вести голыми руками. Разумеется, подобное решение нас не устраивало. (*Аплодисменты.*) Принятие же иного потребо-

вало многих месяцев труда, напряжения всех сил, мужества и, я бы даже сказал, самоотверженности. Особо проявил себя...

Председатель. Об этом потом, полковник.

Бухбах. Слушаюсь, ваше превосходительство. *(Обращается к адъютанту.)* Повесьте первую схему. *(Адъютант развешивает схему.)*

Все. Но это же курица!

Бухбах. Совершенно верно, господа, курица. Схема наглядно иллюстрирует ход наших рассуждений. Как известно, курица в состоянии синтезировать в своем организме бронированное, гранатовидное яйцо, из которого при соответствующих условиях опять возникает курица. *(Адъютанту.)* Повесьте вторую схему. *(Адъютант исполняет приказ.)* Вы видите, господа, танк, предлагаемый нами. Он также может синтезировать яйцо, из которого вылупляется следующий танк.

Председатель. Вылупляется... Зачем?..

Бухбах. Чтобы исключить из производственного цикла фабрики и заводы. Из одного способного размножаться танка можно вывести танковый корпус. *(Аплодисменты, возгласы восхищения.)* Это полностью автоматизированные, скорострельные и дальнобойные танки. Им не нужен экипаж. Горючее пополняется один раз в год. Для них не существует проблемы потерь на поле брани. Нет нужды в резервах. Единственное, что требуется, — это умелое телеуправление, осуществляемое хорошо обученным офицером. *(Аплодисменты.)*

Представитель военной промышленности. И это вы называете абсолютным оружием?

Председатель. Ваш скептицизм...

Бухбах. Простите, ваше превосходительство, но сомнение представителя военной промышленности вполне обоснованно. Сам по себе описанный мною танк — еще не абсолютное оружие. Неприятель может разработать и произвести более результативное противотанковое оружие и получить перевес. Но наш танк наделен способностью к самоусовершенствованию, это танк эволюционирующий, он отвечает всем требованиям, которым должно удовлетворять абсолютное оружие. Совершенствование нашего танка является результатом борьбы за существование и полностью соответствует дарвиновской эволюции. Побеждают экземпляры, наиболее приспособленные к условиям боя. Разве нужно что-то еще? Разве нашей целью не было создание оружия, которое в любых условиях будет наилучшим из всех возможных? (*Крики: «Нет, нет!»*) Стало быть, абсолютное оружие действительно существует. (*Овация.*)

Представитель военной промышленности. Прошу слова.

Председатель (*неохотно*). Пожалуйста.

Представитель военной промышленности. Насколько я понял, полковник, в случае осуществления вашего проекта нашим заводам, производящим вооружение, грозит банкротство. Даже если ваши прогнозы окажутся верными, повторяю, даже если это и так, то отказ от обычного вооружения представляет собой весьма рискованный, беспрецедентный шаг. Я хочу сказать, что решение должно быть подтверждено не только теоретически, но и...

Шеф разведки (*не двигаясь с места*). Одно слово, ваше превосходительство.

Председатель. Слушаем.

Шеф разведки. По имеющимся у нас сведениям, в Кубилии за последние месяцы закрыты три секретных завода. Линейные подразделения перевооружаются. Агенты сообщают также о сокращении личного состава танковых дивизий. Если все сказанное рассматривать в свете сенсационного сообщения полковника Бухбаха...

Председатель. Что вы хотите этим сказать?

Шеф разведки. Боюсь, Кубилия не позволила опередить себя. *(Беспокойные выкрики.)* Решение должно быть принято незамедлительно!

Председатель. Полковник Бухбах.

Бухбах. Господа, мне осталось ознакомить вас с планом эксперимента. Сегодня утром опытный экземпляр нашего танка был доставлен на полигон. Если нажать вот эту красную кнопку на пульте, внутри танка начнется процесс синтеза яйца, из которого спустя два с половиной часа вылупится следующий танк. *(Нажимает кнопку.)* Вот так. Опыт будет продолжаться двадцать пять часов, пока мы не получим пятисот танков. Вполне возможно, что они будут более совершенными, чем исходная модель. Не следует забывать о стремлении машины к совершенствованию. *(Гул удовлетворения.)*

Председатель. Благодарю вас, полковник. Сейчас десятый час, не так ли? Завтра в четыре пополудни мы ждем от вас сообщения о ходе эксперимента.

В тот же день вечером. Полковник Бухбах один. Слышен стук в дверь.

Бухбах. Войдите. *(Входит адъютант.)* А, это вы! Что нового?

Адъютант. Только что с полигона поступило сообщение от технического руководителя эксперимента. Идет уже четвертое поколение танков.

Бухбах. Отлично. Это все?

Адъютант. Нет, господин полковник. Наблюдаются непредвиденные изменения в конструкции танков.

Бухбах *(с интересом)*. Да? Слушаю вас.

Адъютант. У двух экземпляров стволы пушек явно выгибаются вверх. Кроме того, изменился цвет окраски.

Бухбах. Камуфляж?

Адъютант. Боюсь, что нет, господин полковник. Они оранжевые с голубыми гусеницами.

Бухбах *(немного помолчав)*. Да? Любопытно.

Адъютант. Спокойной ночи, господин полковник.
(Выходит.)

На следующий день, в четыре часа пополудни.

Председатель *(обращаясь к полковнику)*. Вы готовы, полковник?

Бухбах. Простите, ваше превосходительство. Я жду последнего сообщения с полигона. *(Входит адъютант, подает полковнику телеграмму. Бухбах читает. Неожиданно у него меняется выражение лица.)* Минутку, ваше превосходительство. *(Выходит.)*

Все. Что произошло?

Адъютант. Эксперимент дал неожиданные результаты. *(Замолкает.)*

Председатель *(нетерпеливо)*. Говорите же!

Адъютант. Слушаюсь! Начиная с пятого поколения вместо танков появились гусеничные тракторы.

Председатель. Артиллерийские тягачи?

Адъютант. Никак нет, ваше превосходительство, сельскохозяйственные машины. В том числе тракторы, снабженные многолемешными плугами и сеялками.

Председатель. Как вы могли это допустить?!

Адъютант. Генетические мутации, ваше превосходительство. Эволюция пошла не в том направлении. (Крики: «Саботаж!» Всеобщее замешательство.)

Кто-то из зала. Где Бухбах? Пусть объяснится!

За стеной слышен одиночный выстрел из револьвера.
Все кидаются из зала.

«ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ»

— Хе-хе, так, значит, ты любой ценой жаждешь обрести бессмертие? Ну что ж, товар, можно сказать, первый сорт, редкостный, на рынке не продается.

— За деньги купишь что угодно.

— Так, да не совсем.

— Так.

— И сколько ж ты собираешься за это отвалить? Ну, говори, говори, не стесняйся.

— Половину состояния.

— Это сколько же?

— Если понадобится, то и миллион.

— Миллион чего?

— Миллион долларов.

— Миллион за бессмертие. Шутник! Каждому человеку на роду написано умереть, тут никакие миллионы не помогут.

— Ты сделай так, чтобы обессмертить мое имя, чтобы люди говорили обо мне сто, двести, тысячу лет после моей смерти!

— А у тебя запросы, ничего не скажешь! Честолюбие или просто каприз?

— Какой уж там каприз! По ночам не сплю, все время думаю о бессмертии.

— Нашел о чем думать!

— Места себе не нахожу. Неделью назад мне исполнилось пятьдесят пять. И что? Ничего!

— Хорошенькое ничего! Два миллиона на текущем счету.

— Есть мультимиллионеры, миллиардеры. А кто о них знает, кто будет помнить через сто лет? Я хочу остаться в памяти людской, как пирамида или как Паганини.

— Слушай, а может, ты играешь на чем-нибудь?

— Ненавижу музыку.

— Чудак! Мечтает о бессмертии, а музыку ненавидит! Стихи пишешь?

— Помилуй! Всю жизнь разводил свиней.

— И, надо сказать, неплохо.

— Но ни один свиноторговец, даже самый разгениальнейший, не вошел в историю.

— У тебя есть какое-нибудь хобби?

— Стыдно сказать.

— Стыдиться нечего. Шутка ли — бессмертие!

— В свободное время коллекционирую маленьких свинок.

— Поросят?

— Фарфоровых. Собираю статуэтки. В моей коллекции почти две тысячи штук.

— С ума сойти!

— Зачем сходить с ума? Возьми и заработай миллион.

— За такую сумму я тебя обессмерчу. Это уж как пить дать. А где гарантия, что ты сдержишь слово?

— Заключим договор.

— И заверим у нотариуса?

— У кого угодно. У нотариуса, у дьявола, у директора банка.

— Распорядись, чтобы составили соответствующий документ. Завтра и подпишем.

— При одном условии.

— А именно?

— Твое предложение рассмотрит специальная комиссия. Я приглашу умных людей — профессоров, юристов, газетчиков.

— Приглашай, не возражаю.

— Если они единогласно решат, что, осуществив твоё предложение, я обессмерчу своё имя, получишь миллион. Идет?

— Идет.

Я простился с Дональдом Харботтлем, которого, как и многих в округе, обогатило разведение свиней, и отправился к реке, чтобы пораскинуть мозгами. Каким образом можно обессмертить этого типа? Его свиней награждали золотыми медалями, он пользовался славой хорошего специалиста, разбирался в свиньях. Остальное его не интересовало.

Помню, когда ракета с людьми опустилась на Луну, я сказал Дональду: «Слышай, истинное чудо, человек гуляет по небу? Еще немного — высадится на Марсе». «Хо, — проворчал он, — ну и что? Астронавты бойкотируют мои консервы, говорят, свинина скверно переваривается, возникают дополнительные перегрузки... А ведь моими свиньями можно кормить новорожденных!»

Он покраснел — жилы на висках вздулись — и выбежал из кафе. Неделю я его не видел. И вдруг звонок. Приходи, говорит, у меня важное дело. Ты читаешь много, за обедом газету, за ужином книжки, а я человек простой, кончил только воскресную школу, учиться времени не было. Отец умер, свиньи дохли, надо было все бросать и приниматься за тяжелую работу, спасать дело. А теперь одна мысль не дает мне покоя. Помоги, не пожалеешь. Ну и рассказал о

своей тоске по бессмертию. Миллион на улице не валяется. Как обессмертить Дональда Харботтля?

На следующий день при свидетелях мы подписали договор.

Я попросил неделю сроку и небольшой аванс в счет гонорара.

— Думай хоть год, но не больше, — сказал Дональд и вручил мне сто долларов.

— Или я придумаю что-нибудь за месяц, или пропади они пропадом — и договор, и миллион, и твоё бессмертие.

Как назло лето в тот год выдалось скверное, сухое, от жары плавился асфальт на улицах, выгорали дотла городские газоны, кровь кипела в жилах, а о том, во что превращались мозги, лучше не говорить. Днём я сидел в ванне и, положив грелку со льдом на темя, предавался размышлениям, литрами поглощая чёрный кофе, ночью же бродил по плоской крыше небоскреба, с которой открывалась изумительная панорама города. Луна освещала стены домов, белые иглы небоскребов тонули в фиолетовой мгле. Я видел мерцающие неонами рекламы универсальных магазинов, клубы розового дыма над теплостанцией, десятки нефтяных вышек на южной равнине. Обычно меня сопровождал Ольстер, владелец продовольственного магазинчика. Астрономия была его страстью. Он сам смастерил телескоп и глазел на небо. Мы болтали о разном.

— Ах, звезды, — вздыхал торговец-астроном, — звезды чудесны! Белые карлики, красные гиганты, сверхновые, двойные. Посмотрите, вон то малюсенькое

облачко — это Крабовидная туманность. Когда-то на этом самом месте разгорелась дивная звезда. В 1054 году сверхновая взорвалась, произошла космическая катастрофа, и от изумительной звезды остались лишь клочки туманности.

— Очень интересно, — согласился я без особого энтузиазма. — А вам не жаль времени?

— Разве можно спать, когда небо так прекрасно?

— Прекрасно? Миллиарды светящихся точек. Что в них прекрасного? Вот если бы вы в свой телескоп увидели марсиан или, еще лучше, марсианок, тогда другое дело.

— Мы знаем, что на Марсе нет разумных существ.

— Не настаиваю на марсианах. Если с помощью этого телескопа я увижу существ из другого мира, тогда скажу: мистер Ольстер, вы не зря потратили время, ваше имя войдет в историю... А, дьявол!

— Что случилось?

— Ничего! Голова прямо разламывается от боли.

Я извинился перед астрономом и помчался в свою комнату на тридцатом этаже. Голова действительно разламывалась, но не от боли, а от избытка мыслей. Я не мог уснуть, настолько я был возбужден. Меня осенило. Да, да! Дональд Харботтль стоит на пороге бессмертия, вскоре он переступит этот порог, я получу гонорар, заработанный тяжким трудом. Нужен подробный план действий, нужно все учесть, ознакомиться с соответствующими материалами. Господи, сколько же было этих «нужно», они все разрастались и разрастались до бесконечности. На завтра я заглянул в библиотеку, в полдень навесил Дональда.

— Сегодня же купишь телескоп. Мы установим его на крыше твоей виллы в Биг Хори. С понедель-

ника начнешь надоедать всем рассказами о своем новом хобби.

— Астрономия?

— Вот именно — астрономия. Астрономические наблюдения. Через полгода...

— Смилуйся, — простонал Дональд, — шесть месяцев без сна!

— Глупости. Спать будешь как сурок. Так вот, через шесть месяцев ты поднимешь весь город на ноги сообщением, что открыл новую звезду.

— Новую звезду, говоришь? Ну, ну, недурно, недурно. Свиноторговец открывает новую звезду, сбегаются людишки, начинают трепать языками, идиоты и мудрецы принимаются болтать обо мне. Хорошо... — он задумался, — хорошо, но маловероятно. Можно годами торчать у телескопа, а где уверенность, что именно мне посчастливится обнаружить что-нибудь новое?

— Ты не дал мне докончить. Через несколько минут наблюдений ты придешь к выводу, что эта звезда движется, что она летит в сторону Луны.

Дональд открыл рот. Давненько я не видывал такого изумления.

— А потом, — продолжал я, — они установят с тобой связь.

— Они, — повторил он, проглатывая слюну. — Кто они?

— Представители иной цивилизации. Они много веков изучают космос и обратили внимание на нашу планету.

— Почему?

— Почему, почему, не все сразу, дай мне подумать, я наверняка что-нибудь скомбинирую, не бойся.

— Скомбинируешь, — процедил он разочарованно. — А кто поверит?

— Поверят, поверят. Найдем свидетелей, пустим в ход печать, радио, телевидение.

— А когда станет ясно, что это блеф?

— К тому времени ты уже станешь бессмертным, уже давно завоеешь всеобщее уважение и восхищение. Люди охотно забывают, что дали себя когда-то обжечь. Кому хочется об этом помнить? Здоровая или нездоровая сенсация — ловушка для многих. Одни любят разгадывать таинственные загадки, другие их создают, составляют искусные головоломки. Да и с решениями тоже бывает по-разному. Не всем важна суть дела, многим больше нравится атмосфера непроницаемой тайны. Я читал о людях, которых посещали духи, о таких, что слышали голоса, хоть тела и не видели. Ты тоже услышишь голоса с того света, будешь беседовать с представителями иной цивилизации.

— Ну и ну, — пробормотал Харботтль, немного побледнев.

Три дня тянулись переговоры с заводом научной аппаратуры. Наконец они прислали отличный телескоп. Мы перевезли его в Биг Хорн на грузовике. Городок небольшой, но красиво расположенный в Прибрежных горах. По восьми улочкам разгуливают изнывающие от скуки обыватели, вечно отягощенные избытком времени. Любая мелочь собирает толпу — что уж говорить о грузовике с телескопом! Снедаемая любопытством толпа запрудила улицу, я охотно отвечал на вопросы, и вскоре шесть тысяч жителей Биг Хорна, включая грудных младенцев и стариков, знали

о новом хобби Дональда: Несколько крепких парней втащили телескоп на террасу виллы. Харботтль откупорил три бутылки коньяку, может, четыре, а может, и пять — кто там обращал внимание на детали? Мы произнесли соответствующее количество тостов за астрономию, за космос, кто-то брякнул, что-де не следует забывать и о свиньях, но испортить настроения не смог. Бигхорицы сияли от радости, гордость распирала им грудь. Летняя резиденция Харботтля обещала стать астрономической обсерваторией. Вечером Дональд приступил к работе. Я пил чай, небо подмигивало нам мириадами звезд, а человек, который так сильно тосковал по бессмертию, то и дело выкрикивал:

— Ах, Луна! Ах, почему она оранжевая? Ах, висит в воздухе! Ах, изумительно! Как она там держится? Почему не падает?!

Харботтль всю жизнь разводил свиней и торговал ими, можно сказать, виртуозно, а об астрономии, ясное дело, не имел ни малейшего понятия. Но ему так понравилось рассматривать небо через увеличительное стекло, что я не мог оторвать его от телескопа.

— Ты человек умный, — говорил он, похлопывая меня по плечу, — прочел, наверно, тысячу книг.

— Две тысячи.

— Ну, видишь, даже две. Ты должен меня подучить. Я хочу знать, почему звезды и Луна не падают на Землю, из чего они сделаны, что заставляет их так блеснуть.

— В договоре не было ни слова об учении.

— Ты будешь получать профессорский оклад.

— И ты ничего не вычтешь из гонорара за бессмертие?

— Ни цента.

Спустя месяц он уже знал столько же, сколько и я, Я продавал знания о небе с немалой для себя выгодой, тщательно записывая лекции старого Ольстера, который радовался, словно дитя, найдя во мне терпеливого слушателя. Таким образом я мог одним махом делать два добрых дела. Однако Харботтль был ненасытен и засыпал меня тысячами вопросов.

Однажды он спросил:

— Я все еще не могу понять, почему планеты движутся вокруг Солнца по эллипсам, а, например, не по квадратам или прямоугольникам?

— Иди ты к дьяволу! — воскликнул я.

Два дня мы не разговаривали. Нас примирил дождь и партия в бильярд. Дональд проиграл, заплатил, потом сказал:

— Ты удивишься, но вчера я получил от *них* сигнал.

— От кого?

— От представителей иной цивилизации.

— А, — сказал я, откладывая кий. — Хотелось бы знать, сообщим ли мы об этом в газеты?

— Нет, нет. *Они* просили не разглашать.

— Да ты спятил!

— Ты меня обижаешь. Просто твоя идея воплощается в реальность.

— Уж не думаешь ли ты облапошить своего лучшего друга?

— Ничего подобного. Ты получишь миллион, а я войду в историю, потому что *они* действительно установили со мной контакт. Сиди спокойно и не прерывай. Слушай, в пятницу я вернулся в Биг Хорн раньше обычного, прикончил бутылочку и отправился в лес прогуляться. Я не знаю толком здешних мест, но именно это придает прелесть прогулкам. Иду я по

какой-то тропинке между елями, гляжу — поляна, на поляне дом, словно из сказки, серые стены, наличники на окнах желтые, обведенные коричневой каемкой, под окнами красные розы, взбирающиеся по стенам к зеленому балкончику. С правой стороны серебристая ель, с левой — цветное бельё на веревке, на крыше телевизионная антенна, на антенне воробей. Помню каждую мелочь. Воробей вспорхнул с антенны и сел на изгороди, окружающей дом. В клюве перышко. Усы, да и только! Мне сразу вспомнился сержант Хелей из пожарной охраны. Я подумал: кругом ни души, окна распахнуты, а не слышно ни звука. В саду беседка, похожая на клетку для попугаев, я говорю: «Алло!» или что-то в этом роде, чтобы нарушить тишину, тогда из дома выходит худощавый мужчина в белом костюме и представляется:

— Хихикс, связной. Прошу вас пройти на станцию.

— Ты хотел сказать, в дом?

— Нет, на станцию. Стены дома — это декорация, за которой скрыта аппаратура разведочной станции.

— Я имею удовольствие разговаривать с Дональдом Харботтлем? — спрашивает мужчина.

— Да, это я, — говорю.

— Я уполномочен установить с вами контакт.

— Уполномочены?

— Я никогда не действую без полномочий. Они намереваются высадиться на Землю. К вашей планете в данный момент мчатся семьсот звездолетов, эскадра средней величины. Обычно мы исследуем космос эскадрами, насчитывающими от пяти до семи тысяч кораблей, но на этот раз речь идет об исследовании небольшой системы, мистер Харботтль. Однако

и у вас кипит жизнь. До нас дошли слухи о достойных удивления успехах землян. Люди создают людей. Вы делаете это с невероятным размахом, фантазией и колоссальной интенсивностью. Мы хотели бы ознакомиться с вашими методами, перенести земной опыт на иные планеты. Доложу вам, с естественным приростом в космосе дело швах! Особенно в некоторых районах. Надеюсь, я достаточно четко изложил цели нашей экспедиции? Если нет — прошу задавать вопросы.

— Он так прямо и сказал: «Дело швах»? — спросил я, внимательно глядя на Дональда.

— Да, именно так. Он отлично владеет нашим языком и всеми его нюансами.

— И что же дальше?

— Почему именно со мной установили контакт? — спрашиваю я. — Чем я заслужил эту честь? Когда эскадра опустится на Землю? Не будет ли препятствием для обмена мнениями мой интеллектуальный уровень?

— Мы получили от вас сигналы, мистер Харботтль.

— Сигналы? Я не подавал никаких сигналов!

— Отнюдь. Вы использовали линзу, отражающую свет Луны. Командир эскадры обнаружил регулярные отблески и расшифровал их: «Вижу вас, жду распоряжений». Машины указали на место излучения сигналов, и я был направлен сюда, чтобы установить непосредственный контакт.

— Невероятно!

— Кроме того, мистер Харботтль, вы излучаете на нашей волне биотоки, которые сильно облегчают обмен мыслями. Ко всему прочему нам нравится ваша фамилия, начинающая с «Ха». Наша система носит

название «Хахаха», и эти звуки мы ценим превыше всего.

— Изумительно. А моя задача?

— Ваша задача будет состоять в подготовке жителей Земли к визитам экспедиции из других миров, вы скажете кому следует о том, что нас интересует. Прошу отзываться о нас хорошо, сердечно, мы ожидаем теплого приема. Несколько позже мы поручим вам руководить нашими экскурсиями по земному шару и посредничать в беседах с людьми. Мы знаем, мистер Харботтль, что вы мечтаете о бессмертии. Мечта, достойная гражданина космоса! Мы охотно осуществим ее, и я прошу рассматривать это как скромный задаток в счет будущих трудов. Эскадра опустится точно через две недели в месте, назначенном вами. И последняя проблема: уровень ваших знаний, простите за откровенность, действительно оставляет желать лучшего, и мы пополним пробелы в вашем образовании.

— Э, это займет слишком много времени. У меня крупные пробелы. Понимаете ли, свиноторговля...

— Да, да, — прервал меня Хихикс, — практическая специальность. Вы пройдете институтский курс в течение часа. Несколько инъекций, несколько пилюль, мы ускорим процесс восприятия — и все. Прошу прилечь на диван, закрыть глаза, начнем с физики.

— Это не больно?

— Будьте спокойны. Мы учим безболезненно.

— И что дальше?

— За один час меня накачали знаниями, которые обычно получают за несколько лет.

— А результат?

— Незначительная головная боль.

— Я спрашиваю, что тебе это дало?

— Массу удовлетворения, — гладко ответил Хар-боттль. — Хихикс проэкзаменовал меня и сказал:

— Прошу приступить к работе. Послезавтра ждите первого сообщения, простите, я хотел сказать, первой информации. Встретимся здесь же.

— Предлагаю встретиться у меня на вилле.

— Толстые стены не пропускают лучей «ха», я потеряю связь с эскадрой.

— Я предоставлю в ваше распоряжение террасу.

— На террасе невозможно укрыть ракету.

— Она занимает много места?

— Как сказать? Столько же, сколько вон та сосна.

— Такая высокая?

— Скорее длинная.

— И такая же топкая?

— Немного потолще.

— Я куплю лесопилку. Мы спрячем вашу машину среди стволов.

— Хорошо, — согласился Хихикс, — я демонтирую декорацию и вернусь к своим.

Сказав это, он привел в действие небольшой аппарат, напоминающий кинокамеру, и сказочный домик растаял у меня на глазах.

— Достаточно переключить аппарат на обратный ход, — объяснил связной, — и мы материализуем изображение, записанное на киноленте, в произвольно выбранном районе либо дематериализуем его. Карманный видеопродуктор Хе-1 служит для возведения объектов легкой конструкции. С помощью аппаратов более крупного калибра мы создаем целые города, космодромы, межпланетные острова, а когда появ-

ляется необходимость, демонтируем эти объекты и переносим на другое место. Ну, до свиданья, мистер Харботтль, — Хихикс вошел в корабль, беззвучно взлетел, сделал круг над лесом и исчез за облаками.

Мой друг умолк. Он был явно чем-то обеспокоен. Чтобы помочь ему, я сказал:

— Я недооценил тебя, Дональд. Ученик перешеголял учителя. Ты обогнал меня на милю, да что там, на сто миль. Здорово, хитро закручено.

— Я не придумал ни словечка, — обиделся он. — Это правда. Фантастическое стечение обстоятельств, я докажу.

— Я-то верю и без доказательств, лишь бы другие поверили.

— Поверят, когда увидят.

— Кого?

— Эскадру.

— Ты загипнотизируешь астрономов, прикажешь армейским радиолокаторам засечь звездолеты, будешь внушать всем, что...

— Ничего и никому я не стану внушать, — сказал Харботтль утомленным голосом. — Это уж их забота, Хихикс как-нибудь справится.

— Я, конечно, познакомлюсь с ним?

— Познакомишься.

Зазвонил телефон.

— Мистер Дональд Харботтль?

— Нет, я его секретарь.

— Говорит полковник Хоггинс из штаба армии. Сообщите мистеру Харботтлю, что сегодня вечером его навестит генерал Хук.

— Шеф контрразведки?

— Т-с-с, — зашипело в трубке. — Нельзя разглашать государственные тайны.

— Мы знаем генерала Хука по газетам, радио и телевидению. Он охотно рассказывает о своей деятельности читателям, слушателям и телезрителям. Его методы работы в самом деле поразительны и вызывают всеобщее удивление. Имя контрразведчика Хука известно в обоих полушариях. Добрый, честный, старый Хук пользуется симпатией как среди друзей, так и среди своих заклятых врагов.

— В данном исключительном случае мы просим соблюдать тайну. До свиданья. Завтра в девятнадцать ноль одна.

Они прибыли минута в минуту. Полковник Хоггинс в спортивном костюме, генерал Хук в коротких кожаных шортах и тирольской шляпе.

— Простите, — начал генерал, напрасно пытаюсь скрыть смущение, — дело достаточно необычное, а вашу роль во всем этом, мистер Харботтль, как бы это сказать, чрезвычайно трудно определить.

— Нам известно все, — бухнул полковник. — *Все.*

— *Почти все,* — поправил генерал. — Так вот, дорогой мистер Харботтль, нет смысла дальше играть в жмурки, мы получили информацию...

— Из четырех достоверных источников.

— ...что к Земле приближается эскадра, состоящая из семисот звездолетов. Летящие на звездолетах существа поддерживают с вами постоянную связь. Я правильно говорю, полковник?

— Абсолютно, генерал. Будем называть вещи своими именами, мистер Харботтль. Вы должны предстать перед военным судом, а затем вас расстреляют за шпионство в пользу иностранного государства иной

планеты из иной солнечной системы, а быть может, и из иной галактики.

— Но господа! — воскликнул пораженный Дональд. — Небо свидетель, мне поручили самую что ни на есть мирную миссию. Я должен посредничать в переговорах между *ними* и людьми.

— Какими людьми? — спросил Хоггинс.

— Прошу уточнить, — усмехнулся генерал. — Мы будем весьма благодарны, если вы объясните, какие люди интересуют представителей иного мира?

— Об этом не было разговора. Я считаю, что они имели в виду людей в наиболее широком понимании этого слова.

— Милый мистер Харботтль, — шепотом сказал полковник. — Наша контрразведка не теряет времени зря, благодаря чему мы знаем, что существа, приближающиеся к Земле, отличаются, мягко говоря, крайне левыми взглядами. Я правильно выразился, генерал?

— Вы отлично угадываете и выражаете мои мысли, полковник. Продолжайте.

— Нам грозит страшная опасность. Любой ценой мы должны помешать *им* высадиться на Землю, и вы нам в этом поможете, Харботтль, это ваша святая обязанность.

— Святая обязанность, — повторил генерал и достал из кармана конверт. — Здесь у меня полномочия от самого президента.

— *Они*, — сказал Дональд, — то есть *он*, *их* святой Хихикс, уверял меня, что *они* хотели бы ознакомиться с нашими методами увеличения народонаселения, с нашими успехами в этой области.

— Предлог, — безапелляционно заявил полковник. — *Они* хотят нас уничтожить, *они* отберут у вас, мистер Харботтль, всех свиней, а заработанные вами

миллионы выкинут на свалку. Что тут говорить — либо вы уговорите их не высаживаться на Землю, либо мы вас...

— Мы вас, мы с вами... — генерал погрозил пальцем, — мы для вас многое можем сделать.

— Например? — спросил я.

— Скажем, поставки для армии.

— Мистер Харботтль мечтает о бессмертии, — пояснил я.

Военные переглянулись. Полковник пожал плечами, генерал расцвел.

— Ну, разумеется, если вам угодно, мы готовы обеспечить вам бессмертие на следующих условиях. Прошу вас, полковник.

— Продолжать поддерживать связь с представителем эскадры, информировать нас о каждом его шаге и намерениях, настраивать его против людей, настраивать, — полковник повысил голос, — вы понимаете?

— Настраивать, но каким образом?

— Вы скажете, что мы разорвем их в клочья, сплющим в лепешку, взорвем, обстреляем звездолеты до посадки, если они не поверят вам на слово. Мы не желаем их визита.

— Хм, — кашлянул Дональд, — а если они пожелают опуститься восточнее? А?

— Этого тем более нельзя допустить. Вы им скажете, что весь мир — огромная семья, мы заботимся о безопасности этой семьи и не позволим нарушать земное *dolce far niente** никому, не так ли, полковник?

* Сладостное безделье (итал.).

— *Никому!* Мы сожрем любого чужака. Вы спасете человечество от нападения существ из иного мира.

— И это, — закончил генерал, — обессмертит вас, ваше имя сохранится в благодарной памяти человечества на вечные времена. Поставки армии тоже имеют свои достоинства, и в нашей жизни пренебрегать ими не следует. Ну, стало быть, так, дорогой мистер Харботтль, вы спасете три миллиарда человек.

— Спасу.

— Да, у тебя есть голова на плечах, — удивленно заметил я, когда военные покинули виллу. — Какая убежденность! Bravo! Ты спасешь Землю от катастрофы, от эскадры, которую сам выдумал. Ты сотворишь чудо, уничтожая то, чего никогда не было. Контрразведка получила информацию из четырех достоверных источников! Ха! Сколько тебе стоили достоверные источники? Ну, скажи, Дональд, скольких ты подкупил?

— Никого я не подкупал. Завтра пойдешь со мной на лесопилку и познакомишься с Хихиксом.

Дональд выполнил обещание. Я познакомился со связным. Невысокий, худощавый человечек с веселыми глазами и несколько выпуклым лбом меня разочаровал. Напрасно я пытался отыскать в чертах его лица признаки космической меланхолии, зазнайства. «Мистификация, шито белыми нитками», — подумал я.

Хихикс поздоровался со мной и, выслушав сообщение Харботтля о разговоре с военными, сказал:

— Я возвращаюсь из путешествия по вашему изумительному миру. Какое немыслимое богатство форм, миллионы видов живых существ! Я видел микроскопических зверушек в пробирках и колоссальных животных в джунглях, я поражаюсь бурно развивающейся жизни. Я читал проникновенные надписи: «По газонам не ходить», «Охраняйте зеленые насаждения», «Цветов не рвать»; я восхищался, гуляя по заповедникам. Но люди, ваши люди... простите, я не хотел бы вас обидеть, не имею права злоупотреблять гостеприимством. Я потрясен шедеврами эпохи Возрождения. Какие тонкие прикосновения кисти! Я не мог оторвать глаз от лиц ангелов, окруженных едва уловимым облачком, именуемым ореолом, я мог бы часами рассматривать руки Моны Лизы, я видел фрески в Сикстинской капелле и проект города с двухъярусными улицами, разработанный Леонардо, я ступал по паркету Великой мечети Уль Джами в Басре... Но люди, ваши люди! Я подозреваю, что каждый человек связан со Вселенной космическим лучом. Таким образом, макрокосм поддерживает связь со своими миниатюрными копиями, микрокосмом. Миры, составляющие макрокосм, различны. Скверные, низкопробные, сконструированные на скорую руку, перемежаются с мирами идеальными. Наверно, поэтому одни люди распрямляют притоптанные стебли трав, а другие бессмысленно срубают деревья, забывая о птичьих гнездах. Каждый житель Земли мог бы иметь собственную планету. Вокруг миллионов солнц вращаются миллиарды прекрасных миров, их атмосферы обладают лечебными свойствами, восстанавливают силы, один глубокий вдох продлевает человеческую жизнь на десятки лет, а одно купание в Прес-

ном море возвращает молодость. Эти миры все еще не заселены.

Мы шли по тропинке между деревьями к лесопилке Дональда. Неожиданно из зарослей кустарника прямо на нас вылетел огромный рой пчел. Харботтль остановился как вкопанный, а Хихикс поднял левую руку, и пчелы помчались вверх.

— Как вы это сделали? — пробормотал я.

— Просто направил их в другую сторону. Они были разъярены, стремились к уничтожению и самоуничтожению, они летели вслепую. Холодный воздух отрезвит их.

Харботтль дышал с трудом, встреча с пчелами вызвала у него сердцебиение. Мы присели на пне секвойи.

— Генерал Хук и полковник Хоггинс, — сказал Хихикс, — будут вами довольны. Эскадра не опустится на Землю, вы войдете в историю как человек, спасший человечество от чудовищ из космоса. Через минуту я дам сигнал к возвращению.

— Дай вам бог, — прошептал я, впрочем, с самыми лучшими намерениями, но Хихикс почувствовал себя задетым — космическое чувство юмора подвело. Он напомнил нам о миллионах людей, погибающих от голода в стране, в которой коровы спокойно разгуливают по улицам.

— Ваши боги тяжело ступают по Земле и переворачивают таблички с надписями: «По газонам не ходить». Прощайте, мистер Харботтль, — и он ушел, сделав вид, что не замечает моей протянутой руки. Неужели я его обидел?

— Откуда ты его выкопал? Это же отличный актер, он прекрасно сыграл свою роль. А что будет с моим гонораром?

Харботтль молчал. Он сполз с пня и лежал в траве, хряпя что есть мочи.

Прошло сто лет.

Энциклопедист Харриет Худ в поте лица своего трудился над составлением Большой книги великих людей. Он как раз дошел до буквы Х, отстучал на машинке: «ХАРБОТТЛЬ ДОНАЛЬД — спаситель человечества» и обратился к жене, исполняющей обязанности секретарши:

— Память стала просто никудышной. Никак не могу вспомнить, что сделал этот человек. В моей энциклопедии фигурируют десятки тысяч спасителей человечества. Может, ты помнишь, благодаря чему Харботтль заработал бессмертие?

— Ну, разумеется, отлично помню. Харботтль разводил свиней. Он был изумительным хозяином. Откармливал толстых, аппетитных свинок со сказочно вкусным мясом. Человечество в то время переживало тяжелый период, а свиные котлеты и первосортная ветчина возвращали жителям нашей Земли бодрость духа.

СЛУЧАЙ В КРАХВИНКЕЛЕ

Краховинкель — небольшая деревушка у подножия гор. Люди здесь простые и добродушные, однако на чужих смотрят косо. Что ж тут странного? Незнакомцы в этих краях появляются редко. Краховинкель лежит вдалеке от туристских троп, у самой границы, климат не очень-то благодатный, ветер докучает даже местным жителям — кого же прельстит такое местечко? Нет здесь промышленности, нет даже художественных промыслов. Люди в основном занимаются огородами, птицеводством и животноводством: таких откормленных кур, как здесь, не сыщешь во всей округе, а жирное и богатое минеральными солями молоко местных коров с удовольствием берет для переработки молочный заводик, который, к сожалению, находится довольно далеко — в городке. Молоко скупает молочник Петр, открытая душа, хоть и всем известный сплетник; он возит бидоны по единственной и далекой от совершенства дороге, соединяющей Краховинкель с внешним миром.

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о Краховинкеле, не считая того, о чем будет говориться ниже. Кстати, не ищите его в атласе. Краховинкель настолько мал, что его нет ни на одной карте. Да и не все ли равно, как называются горы, вздымающиеся на горизонте, — Альпы, Апеннины или Анды? То, о чем я расскажу, могло произойти где угодно. И может случиться еще не раз.

Первым это увидел молочник Петр. Солнце еще не взошло, и в сером сумраке едва виднелось какое-то белое пятно в центре самой красивой клумбы Мариеса, садовода.

Петр остановил старую клячу, катившую небольшую повозку, и некоторое время смотрел на клумбу. «Похоже, кто-то сыграл с Мариесом скверную шутку, — подумал он, — никак известка? Теперь прости-прощай последние осенние цветы! Ну и взбеленится же старик!» — и он поехал дальше, насвистывая марш.

— День добрый, Петр, поздненько ты сегодня. Или что стряслось? — Вдова Ферес не была бы сама собой, если б упустила случай выведать что-то новенькое.

— У меня — ничего, а вот Мариесу кто-то вылил на клумбу известку. Ну и взбеленится же он, когда вернется, — повторил молочник, на сей раз уже вслух, и посмотрел вслед тетушке Ферес, которая, буркнув что-то вроде «эге», побежала к Чудакам. — Через полчаса разнесет по всей деревне, — пробормотал Петр. — Но вообще это хамство. Мариес может не правиться, дрянной мужичишка, но цветы тут при чем?

Когда часом позже на дороге послышалось ворчание старого грузовичка Мариеса, перед оградой его дома уже стояло несколько женщин и десятка полтора подростков. Мариес остановил машину.

— Это что еще за сборище, делать вам больше нечего?! — он выскочил из машины и подошел к ограде. Солнце, уже начавшее пробиваться сквозь утренний туман, осветило испоганенную клумбу.

— А, черт... — выругался Мариес и обратился к людям: — Чья работа? Ну, чья? Боятесь сказать? Не люди — скоты! Скоты...

Забыв про оставленный на дороге грузовичок, он бросился в оранжерею, принес большую совковую лопату, очертил круг на уже пожелтевшем газоне и осторожно, старательно зачерпнул белую грязь, покрывавшую клумбу. Однако едва он поднял лопату, как грязь опять вылилась на клумбу. Он с ходу еще раз взмахнул лопатой — результат был прежним. В толпе зевак кто-то захихикал.

Мариес снял пиджак, кинул его на землю, потом схватил лопату и со злостью взглянул на людей.

— Ну, что рты поразевали? Что тут интересного? Делать вам нечего?

Однако собравшиеся и не думали отказываться от столь увлекательного зрелища. Мариес, бурча под нос проклятия, всюду орудовал лопатой, безуспешно пытаясь подхватить покрывающее клумбу вещество. Тем временем зрителей прибыло, а приглушенное хихиканье перешло в громкие взрывы смеха. Мариес, уже не сдерживая ярости, бросил лопату, вывел из гаража небольшой садовый комбайн, укрепил механический ковш и запустил двигатель. Потом уселся на сиденье и двинулся к белому пятну.

— Да он собирается перекопать всю клумбу! — удивленно заметила одна из женщин.

Ковш поднялся и опустился в самом центре клумбы. А потом начали происходить чудеса, так быстро сменявшие друг друга, что никто из присутствующих не смог уловить всех деталей. Стальной ковш, опустившись на землю, неожиданно размяк, словно пластилиновая фигурка на горячей печке. Полужидкость-полугрязь потекла в сторону машины и облепила стальной стержень, на котором было укреплено седло. Мариес, дико взыв, прыгнул на землю, вско-

чил на ноги, пробежал несколько шагов и рухнул как колода.

А жидкость словно бы съежилась и вернулась в свои прежние границы. Если б не искореженный комбайн да неподвижное тело Мариеса, можно бы поклясться, что это всего лишь лужа известки, вылитой кем-то на самую красивую клумбу садовника.

— Так... так... так... — начальник полицейского участка недовольно бросил трубку микротелефона. Он был уже в том возрасте, когда мечтают о пенсии и домике с садом. Именно поэтому из всех предложенных ему мест он выбрал эту, как ему казалось, спокойную деревушку. Однако достаточно было прожить здесь три месяца, чтобы иллюзии рассеялись. Правда, краж, а уж тем более нападений, не было ни разу, однако неудачи, преследовавшие его несколько лет, настигли начальника и здесь. Сначала драка, потом поджог, потом несчастный случай со снарядам, оставшимся со времен войны. Теперь вот эта лужа, которая якобы убивает людей. Придется поехать. Что бы это могло быть? Наверно, последствия войны, какой-нибудь боевой газ, неизвестно каким образом разлившийся или кем-то умышленно разлитый на цветнике Мариеса. Старика в деревне недолюбливали, вероятно, у него были враги. Надо будет провести расследование, независимо от этого вызвать кого-нибудь из города, ну и, разумеется, оцепить участок до прибытия саперов.

Он некоторое время раздумывал, поехать ли для пущей важности на джипе или ограничиться велосипедом. Пожалуй, лучше велосипед. Этому делу нельзя давать огласки, нельзя сеять панику. В конце концов, в районе еще немало отголосков войны.

Понятно, что для местных жителей это большое событие. Но ведь он был свидетелем множества несчастных случаев, вызванных невзорвавшимися снарядами. Впрочем, даже на велосипеде он доберется до места всего за десять минут.

Дом Мариеса окружала огромная толпа. Около лежавшего на раскладушке садовника на коленях стоял врач. Начальник участка поставил велосипед к телеграфному столбу и протиснулся сквозь толпу.

— Жив?

— Жив, — ответил врач, — но, пожалуй, еще немного — и перенесся бы в мир иной.

Полицейский вынул носовой платок и, зажав себе нос, осторожно приблизился к клумбе.

— Пятеро добровольцев — ко мне. Надо вытесать колышки и вбить так, чтобы клумбу можно было обтянуть бечевкой. Никто не должен подходить к клумбе ближе чем на двадцать метров.

Он хотел было уже сесть на велосипед, но, слышав крики людей, повернулся. Первое, что бросилось ему в глаза, было белое как мел лицо врача, который стоял столбом, вперив глаза в клумбу. От клумбы явно по направлению к нему медленно ползла жидкость. Это было тем удивительнее, что клумба находилась ниже того места, на котором стоял врач. Жидкость двигалась вверх.

— Беги! — крикнул кто-то из толпы.

— Беги, беги! — подхватило несколько голосов.

Врач сделал несколько шагов, потом остановился и медленно, словно осужденный, вернулся к раскладушке, на которой лежал Мариес. Жидкость приближалась.

— Помогите ему, помогите, что вы стоите! — истерически взвизгнула одна из женщин. Другая принялась

громко рыдать. Какой-то парень, протиснувшись сквозь толпу, подбежал к раскладушке. Оба они с врачом быстро оттащили неподвижного Мариеса в безопасное место. Однако это было уже ни к чему. Жидкость теперь двигалась к парнику, расположенному в глубине двора. Ее вначале тонкая струйка превратилась в огромную белую лужу, переливавшуюся с места на место. Через несколько минут пятно уже маячило вдалеке, на пригорке около парника, а на клумбе осталась только покореженная машина. Самым странным было то, что цветы нисколько не пострадали.

— Разойдись! — заорал полицейский не своим голосом. — И не подходить! Надо вызвать солдат.

В деревню прибыли войска химической защиты. Несколько солдат в масках, вооруженные переносными дегазаторами, кружили по саду Мариеса. По соседству разбили палатку, в которой разместилась полевая химическая лаборатория. В самом большом доме деревни, у Телесов, расположился штаб.

Начальник полицейского участка, которого вызвали в штаб, кроме командира роты застал там несколько старших офицеров.

— Садитесь! — сказал один из них.

Это было не особенно приятно. А кому приятно, когда кто-нибудь отдает приказания в твоём собственном доме? Комендант чувствовал себя здесь начальником, самой высокой властью. Но что делать, если высшая власть вынуждена призвать на помощь посторонних?

— Слушайте внимательно: обстоятельства вынуждают нас принять исключительные меры. С разрешения столичных властей мы ввели в деревне чрез-

вычайное положение. Никто не должен отсюда выходить и никаких посторонних нельзя сюда впускать. Телефонная связь временно прекращается, всякие разговоры должны быть согласованы с нами. Однако во избежание паники... короче — нам нужна ваша помощь. Сколько у вас людей?

— Один... один постовой.

— Объявите, что в связи с военными учениями особой важности люди должны сидеть по домам. Доставку продуктов в магазин мы организуем сами, продажа будет производиться от двенадцати до двух. Правительство уже выделило определенные суммы на возмещение возможных убытков. Еще одно: в деревне есть врач?

— Есть... — пробормотал полицейский.

— Скажите, чтоб зашел к нам. Можете идти.

Полицейский медленно поднялся, поклонился и вышел. Молчание прервал офицер с золотыми нашивками:

— Продолжайте, капитан. Итак, химические анализы вещества произвести не удалось?

— Нет. Мы до сих пор не знаем, что это такое. Оно уничтожает стекло, металл, резину. Его невозможно набрать во что-нибудь. Мы не можем с ним сладить. Первый раз встречаюсь с подобным.

— Меры предосторожности приняты?

— Да, не было ни одного несчастного случая.

— Этого мало. Не известно, как дело обернется дальше. Не забудьте о масках и комбинезонах. Дозиметристы вызваны?

— Должны прибыть через час.

Послышался стук в дверь.

— Вы меня вызывали?

— Ваша фамилия?

— Пати. Я врач...

— Присядьте, доктор, — сказал офицер с золотыми нашивками. — У нас есть основания предполагать, что вещество, которое оказалось в вашем районе, представляет собой новый вид оружия против гражданского населения.

— Наш комендант предполагает, что это какой-то невзорвавшийся снаряд времен войны, — вставил врач.

— Ерунда, это диверсия, и мы знаем, кому она на руку. Впрочем, сейчас не время заниматься политикой, доктор. Через несколько часов сюда прибудет санитарная команда, чтобы обследовать всех, кто побывал вблизи таинственного вещества. Анализ крови и тому подобное, вы в этом лучше разбираетесь. Они тоже. От вас требуется только одно: сотрудничество... я имею в виду ваше участие в исследованиях. И придумайте что-нибудь. Ведь нам необходимо избежать паники.

— Для такой процедуры требуется согласие органов здравоохранения, — заметил Пати.

— Уже сделано.

— А может, все это ни к чему? — не сдавался врач. — Наши крестьяне возят в город молоко и молочные продукты; если газеты напишут об исследованиях, они могут потерять клиентуру.

— Не волнуйтесь, ни один журналист сюда не проникнет. Мы уже приняли соответствующие меры.

— Как вы сюда попали?

Вопрос был обращен к молодому человеку с пышной шевелюрой, который свободно развалился на стуле перед офицером с золотыми нашивками.

— С помощью велосипеда. Ваши солдаты получили приказ не пропускать автомашины, а о велосипеде не было речи.

— Немедленно покиньте район! Капитан проследит за этим лично.

— На каком основании?

— В деревне объявлено чрезвычайное положение, и все, кто здесь находится, подчиняются моим приказам.

— Хорошо, я уеду. Ну, а как вы справитесь с десятком моих коллег, которые приедут сюда сегодня же, как только прочтут в вечерних газетах мое сообщение? Особенно много я сказать не могу, но заголовок будет интригующим: «Таинственное место». Вам нравится?

Офицер кашлянул.

— Послушайте, мы не можем запретить вам публиковать информацию... во всяком случае, пока не можем, но мы заинтересованы в том, чтобы вы немного повременили. Нам необходимы двадцать четыре часа... просто для того, чтобы выяснить некоторые обстоятельства. Идет?

-- Идет, если в течение этих двадцати четырех часов я буду здесь и узнаю все, что меня интересует.

Офицер замаялся. Молодой человек наклонился к нему и добавил:

— Вы, господа, ничем не рискуете. Если обстоятельства, о которых вы говорили, будут достаточно серьезными, мне все равно не разрешат опубликовать собранные сведения. Если же нет, моя статья вам ничем не повредит.

— Хорошо. Я только хочу предупредить, что в течение суток вы не должны покидать деревню и что телефонная связь прервана. Это все.

— Еще одно, с вашего разрешения. Могу ли я, прежде чем обратиться к местным жителям, получить объяснение от вас?

— В деревне обнаружено подозрительное вещество, происхождение и свойства которого пытаются исследовать наши специалисты. Это и есть обстоятельства, которые мы хотим выяснить.

— А что если вам это не удастся?

— Ради безопасности населения завтра в полдень независимо от результатов исследований это вещество будет уничтожено.

— Еще по одному пиву для всех.

«Это уже седьмое, в голове шумит, как в открытом море во время шторма, а я все еще так и не понял, что к чему», — подумал журналист. В доме стоял шум, необычный для этой поры дня.

— Тише, тише, господа, тут не все ясно. Вы сказали, что Марпес не мог набрать в лопату вещество, потому что оно вытекало, так?

— Ну, так, — слышалось несколько голосов.

— А что случилось с лопатой?

— А что с ней могло случиться? Наверно, все еще лежит у клумбы. Как ты думаешь, Мартин?

— Ну да, лежит, — поддакнул Мартин.

— Целая и невредимая? — допытывался журналист.

— Целехонькая, совсем как новая.

— Тогда как же получилось, что лопата из листового железа цела, а стальной ковш расплавлен?

— Дьявольские штучки! — заметил кто-то из присутствующих.

— А Мариес? Как вы думаете, господа, это действительно был сердечный приступ?

— Понимаете, Мариес — мужик здоровый. А лежит он потому, что доктор не отпускает его от себя ни на шаг, а то он еще не одному из нас свернул бы шею.

— Тогда что же с ним могло случиться?

— А он ничего не помнит. Говорит, что возвращался из города и видит — перед его домом толпа. Не успел он их толком разглядеть, как уже оказался в избе на кровати и доктор рядом.

— В деревне кто-нибудь чувствует себя скверно? Может, у кого голова болит или слабость? Вы не слышали?

— Все здоровы.

Журналист закурил. Невозможно разобраться. Может, коллективная галлюцинация? Ему доводилось слышать о подобном.

— Господа, а со вторника в деревне не произошло ничего необычного? Может, слышали какие-нибудь выстрелы, шум моторов?

Присутствующие переглянулись.

— Да нет, — сказал наконец тот, что сидел напротив журналиста, — только вот что-то стряслось с радио.

— С радио?

Теперь все заговорили наперебой.

— Гудит и бубнит, ничего не слышно.

— Если б у одного, то, может, и испортилось, а то у всех сразу.

— Это все военные. Телефон отключили, ну и радио глушат.

— А стонет, словно больной.

— Как стонет? — заинтересовался журналист.

— А вот так: «у, у-у-у, у-у-у-у-у» и опять сначала. Или иначе: «у, у-у, у-у-у-у, у-у-у-у-у-у-у» и снова то же самое.

— Вы точно помните?

— А как же, на какую волну ни настроишься, все одно.

— Повторите-ка еще раз, — попросил журналист.

Собравшиеся охотно выполнили просьбу. А журналист, бледный, с каплями пота на лбу, считал: «один, три, пять... один, два, четыре, восемь». Словно вторя собравшимся, часы, висевшие на стене, начали отбивать: раз, два, три... двенадцать.

«.завтра в полдень независимо от результатов исследований это вещество будет уничтожено». Кто это сказал? Ох... только б не опоздать...

Он вскочил со стула и выбежал из дома.

— Куда вы? Почему такой бледный?

— Доктор, вы тоже слышали? По радио?

— Шум? Слышал. А почему вы спрашиваете?

— Но ведь это же начало ряда нечетных. И начало ряда четных. В двенадцать они хотели...

Журналист на бегу цедил слова. За ним, задыхаясь, семенил доктор.

Издалека они увидели пламя, вырывающееся из огнеметов. Когда они прибежали, все уже было кончено. Солдаты убрали снаряжение, опаленную дымящуюся землю покрывал стеклянистый белый налет. Журналист показал на пепелище.

— Поздно, поздно... я не успел его спасти...

— Кого? — спросил врач.

— Его, гостя из далеких миров... с другой звезды, а может, из другой галактики, откуда я знаю?

— Вы думаете, «это» было чем-то живым?

— Думаю? Да я убежден. Мы, люди, всегда представляем себе жизнь воплощенной в таких формах, которые знаем по земному опыту. Но разве обязательно существа из других миров должны иметь две ноги, две руки, нос между глазами? Этот студень был живым существом, чувствующим, разумным.

— Если это был гость из другого мира, чего он здесь искал?

— Кто знает? Он прибыл на Землю, может быть, специально, а может, случайно, может быть, утомленный путешествием, изнемогая от усталости. он защищался, стараясь не причинять нам зла. К несчастью, мы не слышали его... а те, кто слышал, не понимали. Прости, незнакомый пришелец!

Журналист опустился на землю, но тут же поднялся, сорвал с куста розу и бросил ее на стеклянный пепел.

ДВА КРАЯ СВЕТА

Говорят, жизнь — лучший фантаст. Ни одному писателю за ней не угнаться. А если иногда воображение и разыгрывается, то писатель сдрейфит и напишет лишь о немногом из того, что пришло в голову. Будет думать: «Все равно люди не поверят. Такого в жизни не бывает». А между тем ох как часто бывает наоборот. Жизнь — вот великий мастер создавать невероятные ситуации и фантастические коллизии! И хоть всем известно, что жизнь вообще-то фантастична, в Лаксене жили все-таки скучно.

С моста, соединяющего ажурной пряжкой два обрывистых берега Малого Ущелья, прекрасно видны южные склоны горы святого Альберта. Пять витков шоссе оплетают коричневый трехгранный конус. При желании нетрудно вообразить, что в этих местах побывал легендарный гигант из Дакри, отдыхал на осыпи между громадными валунами, а потом продолжил путь, оставив, наверно, по рассеянности свою коричневую шляпу, украшенную желтой лентой.

В углублении, что лежит в нескольких сотнях метров ниже вершины каменной шляпы, люди построили городок Лаксен. Первый дом был построен, кажется, лет сто назад. Дом, а может, шалаш. Теперь уж не узнаешь, так что махнем рукой на далекое прошлое, поговорим о настоящем.

По желтой дороге медленно движутся четыре черные точки. Это выглядит забавно, словно четыре черных майских жука ползут по ленте, витками опоясывающей шляпу.

Пора покинуть мост над Малым Ущельем и приблизиться к движущимся точкам.

Четыре грузовика с трудом взбираются по шоссе, ведущему к Лаксену. Горная дорога не автострада. Поэтому не удивительно, что хорошее настроение уже давно покинуло шоферов. Головокружительная езда плохо влияет на нервную систему.

Профессор Якуб Дин составлял счастливое и редкое исключение из этого правила. Он был совершенно спокоен, и это спокойствие раздражало водителя машины.

— Адская дорога.

Лицо профессора расплылось в улыбке.

— Дорога в ад, — сказал он, — если память мне не изменяет, идет вниз, а эта спираль ведет к городку, лежащему на высоте 1400 метров над уровнем моря.

— Спираль, спираль! Скажите лучше — чертова карусель! Коловорот! Два часа только и знаю что сворачиваю. Свихнуться можно. Слева — пропасть, справа — скала. Одно неосторожное движение — и конец. Жуткая, адская дорога.

— Город славится прекрасным вином, — утешал его профессор.

— Руки немеют. Не удержу рюмку.

— Там вино пьют стаканами.

Следующие десять минут прошли в молчании. После очередного виража водитель не выдержал:

— Дьявольщина! Дальше не поеду! Поворот за поворотом!

— Уже видна церковная башня.

— И крыши домов.

— Вон та, зеленая, наверняка крыша корчмы.

— Заказываю двойную солянку и литр вина.

Профессор облегченно вздохнул. По счастью, кризис миновал.

— Горный воздух возбуждает аппетит, — шофер прищелкнул языком. — Горло пересохло.

— Смочим.

— Когда вернемся на базу?

— Вы — завтра утром.

— А вы?

— Трудно сказать. Может быть, через полгода. Все зависит от исправности анализатора.

— Кто будет разгружать машины?

— Специальная группа техников. Они приедут вечером. Внимание! Стадо овец!

— Этого еще не хватало!

— Сигнал «Стоп!» для всей колонны.

Пастух даже рот открыл, увидев огромные машины. Его четвероногий друг — симпатичная овчарка приветствовала гостей коротким лаем и тут же вернулась к исполнению своих обязанностей. Ей надо было провести стадо по узкому коридору между скалой и машинами. Она отлично справилась с задачей. Машины могли продолжать путь. Через несколько минут въехали в Лаксен. Точно в три часа выключили моторы. К профессору, вылезшему из раскаленной кабины, подбежал очень полный человек.

— Профессор... профессор, — начал он, страшно смущаясь, — профессор Дин?

— Собственной персоной, хотя и в несколько запыленном виде.

— Ап-ч... — толстяк прикрыл рот пухлой рукой, — простите, ради бога! Вчера я получил сообщение из министерства, что вы приедете в четыре часа пополудни.

— Я выехал с базы раньше.

— И мы не успели возвести триумфальную арку, — толстяк сорвал с головы соломенную шляпу. — Эмануэль Оорт, врач. Заменяю мэра, умершего неделю назад. — Доктор, как мог, распрямился и начал приветственную речь: — Господин профессор, наш город целиком и полностью отдает себе отчет в той чести, которую... о, господи, почему вы меня целуете? Я же еще не.

— Дорогой доктор, люди утомлены тяжелой дорогой.

— Понимаю, понимаю. Я только что распорядился приготовить обед, полдник, ужин, ночлег.

Дин решил, что пришла пора прервать излияния мэра.

— С утра начинаем монтаж аппаратуры. Вы нам нашли подходящий дом?

— Разумеется, нашел. Ведь я лично разговаривал с господином министром. Он сказал...

— Итак, дом, — прервал профессор.

— Вилла — игрушка! Принадлежит мадам Рокетт. Полтора километра от города. 1430 метров над уровнем моря. Взгляните, господин профессор. Дом прекрасно виден отсюда.

— Отличное место, почти идеальное.

— Почти? — совершенно искренне удивился Оорт. — Почти идеальное?

— Скальный массив с северной стороны несколько ограничивает поле видимости.

— Но в то же время и защищает от сильных ветров. Однако я вижу по вашему лицу...

— Вы плохо видите, доктор. Я доволен и сердечно благодарю.

— Я в вашем распоряжении.

— Мне хотелось бы посетить хозяйку виллы.

— Разумеется. Госпожа Марта Рокетт угостит вас полдником. Идемте, профессор, пятиминутная прогулка освежит вас, а попутно вы кинете взгляд на наш Лаксен.

Дин не противился. Доктор Оорт, не давая ему вымолвить ни слова, взял его под руку и вывел на середину улицы. Они шли медленно, сияющий мэр тараторил без умолку, раскланиваясь направо и налево. Прибытие колонны грузовиков вызвало вполне понятное возбуждение. Почти во всех окнах двухэтажных домиков появились любопытные физиономии.

— Наш город, — говорил доктор, — наш город насчитывает пять тысяч жителей. День добрый, Грин. Как там овечки?

— Благодарю вас, доктор. Все живы-здоровы.

— Самый богатый из хозяев, — полушепотом объяснил Оорт. — Владелец нескольких десятков домов.

— У него отличная овчарка.

— Мой пациент.

— Хозяин?

— Овчарка, господин профессор. Я ветеринар. В этом городе животных больше, чем людей.

— И все занимаются овцеводством?

— Почти все, почти. Впрочем, есть и ремесленники, торговцы, рантье.

Из ворот каменного дома вышла высокая женщина. Серая пелерина, накинутая на плечи, развевалась по ветру, словно знамя.

— Добрый день, мадам Эйкин. Как дела?

— Скверно, господин доктор. С тех пор как придумали искусственное волокно, цена на шерсть постоянно падает. Из-за этих изобретений все мы пойдем по миру с сумой.

— Мадам Эйкин — профессор Якуб Дин, — представил их друг другу мэр.

— Слышала. Марта Рокетт говорила мне о чести, выпавшей на ее долю. Надеюсь, министерство хорошо заплатит ей за аренду виллы. Я видела из окон четыре грузовика. Кажется, они привезли какие-то машины?

— Профессор будет проводить научные исследования, — объяснил Оорт.

— ...которые не имеют ничего общего с созданием искусственного волокна, — добавил Дин.

— Так или иначе, а наш покой будет нарушен.

— Но, дорогая мадам Эйкин, — доктор хрустиул пальцами, — профессор не намерен нарушать наш покой.

— Я знаю, что говорю, господин Оорт. Я никогда слов на ветер не бросаю. Прошу не прерывать. Почему же выбрали именно наш город?

— Здесь самые подходящие условия для проведения намеченных нами работ, — спокойно принялся объяснять Дин. — На вершине горы мы установим радиотелескоп, а на двести метров ниже, в вилле мадам Рокетт, будет смонтирована электронная машина — анализатор радиоизлучения Галактики.

— Понимаю, понимаю, — обрадовался Оорт. — Машина поможет человеку раскрыть тайны Вселенной.

— Не уверена, что это пойдет на пользу человечеству, — заявила мадам Эйкин.

— Не понял, — удивился профессор.

— Избыток честолюбия погубил многих. Здесь живут простые люди. Их нетрудно околпачить.

Профессор взглянул на мэра и с трудом сдержал улыбку. Щеки Оорта горели ярким румянцем. Почтенный доктор не мог сдержать возмущения.

— Но, мадам, как можно... — выдавил он. — Святой закон гостеприимства... Я действительно не понимаю.

Его слова заглушил гул мотора.

— Еще грузовик! — крикнул кто-то из окна второго этажа.

— Это уже пятый, — уточнила мадам Эйкин.

— Наверно, мой ассистент и группа техников. Простите.

— Он еще очень молод, — заметила мадам Эйкин, не спуская глаз с удаляющегося профессора.

— Очень, — буркнул Оорт и тяжело вздохнул. Приближалась Марта Рокетт.

В Лаксене все знали самое плохое друг о друге. Своих забот этим людям было мало, к тому же детальное знание чужих позволяло легче переносить собственные невзгоды; сведения о несчастьях, преследующих ближних и дальних соседей, — безотказное снадобье против собственных болячек. У лаксенцев на душе становилось легче, когда они слышали стенания ближнего. А какую прорву удовольствия доставляло лицезрение побоища, разыгрывающегося на улице! Дикая драка, если за ней наблюдать из безопасного места, улучшает пищеварение. Ни для кого не было секретом, что мадам Эйкин терпеть не может мадам Рокетт; было также известно, что мадам Рокетт не очень-то жалуется любовью мадам Эйкин. В окнах и на балконах умолкли разговоры: встреча обещала быть интересной. Никто не хотел проронить ни слова из диалога, начало которому положила мадам Эйкин:

— Поразительно! Взвалить себе на плечи такую обузу!

— Обузы бывают большие и маленькие, — ответила мадам Рокетт. — Это поможет мне избежать других.

— Я всегда предупреждала вашего супруга, что излишняя щедрость до добра не доведет. Полковник Рокетт слишком безалаберно раздавал людям деньги. Теперь вы расплачиваетесь за легкомысленность мужа.

— Полковник Рокетт почил в бозе.

— Если б он сидел дома...

— Милые дамы, — начал было доктор, — милые дамы...

— ...то жил бы до ста лет, — dokonчила мадам Эйкин.

— Он погиб в авиационной катастрофе. Это могло случиться и с вами.

— Оставим мертвых в покое.

— Прекрасная мысль.

— Вернемся к нашим гостям.

— К моим гостям.

— Как вы поступите с мадемуазель Моникой?

— Почему вас так интересует моя дочь?

Мадам Эйкин перешла на шепот.

— Юная девушка в обществе незнакомых мужчин?

— Мы не боимся незнакомых мужчин, гораздо опаснее знакомые женщины.

— Я не хотела вас обидеть.

— Я не чувствую себя обиженной. Господин доктор, скажите, пожалуйста, профессору, что все готово.

— Скажу, разумеется, скажу.

— Все — гостиная, холл, в котором найдется достаточно места для приборов.. И полдник готов!

— Полдник! — Оорт схватился за голову. — А обед?! Впрочем, бог с ним, с обедом! Профессор забыл об обеде.

Монтаж сложнейшей аппаратуры занял пять дней. Группа техников под руководством Януса, ассистента профессора, работала в две смены. Днем устанавливали приборы, ночью проверяли их работу. В центре холла установили анализатор радиоизлучения Галактики. Только тогда с базы прилетел вертолет, чтобы помочь перенести на вершину горы святого Альберта зеркало радиотелескопа.

Перед заходом солнца монтажная группа вернулась на виллу мадам Рокетт.

— Пишите, Моника, — диктовал Дин. — «Одиннадцатого июня техники выехали на базу. Радиотелескоп установлен на вершине горы. Сегодня ночью пускаем в ход анализатор радиоизлучения Галактики». Точка. Что нового, Янус?

В холл вошел ассистент, нагруженный кулками.

— Телеграмму послал, вино купил. Доктор Оорт шлет поздравления. Вот зубная паста. Вот букет цветов для мадам Рокетт.

— А для секретарши?

— Есть и для секретарши.

— Идеальный ассистент, достойный награды, — Моника взяла цветы. — Прошу к столу.

— Пончики! — Янус церемонно поклонился. — Шик! Блеск! Благодаря заботам мадемуазель Моника

я за пять дней поправился на два килограмма. Якуб — на полтора. Четыре техника — по килограмму. Итого..

— Включи компьютер, — предложил Дин, — иначе не сосчитаешь.

Янус посерьезнел.

— Кстати, когда мы начинаем?

— Точно в десять вечера. Регистрирующая аппаратура действует безотказно, — с удовлетворением ответил профессор. — Уже есть первая запись осциллографа.

— Запись чего? — заинтересовалась Моника.

— Осциллограф регистрирует на ленте запись радиополучения из созвездия Лебедя.

— Не очень-то я в этом разбираюсь.

— В 1931 году при анализе радиопомех атмосферного происхождения был обнаружен источник радиоизлучения, находящийся вне пределов Земли, вне земной атмосферы и даже вне Солнечной системы. Через десять лет было установлено, что радиоволны идут из всей полосы Млечного Пути. Наша задача — проверить истинность теории галактического радиоизлучения, — объяснил Янус.

— И разработать теорию излучения радиотуманностей и радиогалактик, — дополнил Дин.

— Ужасно мудро и сложно, — заметила Моника.

— Эти проблемы сложны и для нас, поэтому пришлось создать электронную вычислительную машину.

— Вы замените свой разум электронным мозгом? Очень удобно!

— Эта замена может привести к сенсационным результатам. — Дин придвинул к себе блюдо с

пончиками. — Довольно теорий, пришло время практики!

Прошло два дня. В воскресенье профессор, воспользовавшись приглашением мэра, отправился на собачьи соревнования. На большой поляне уже устроились жители Лаксена. Самые удобные места были заняты с утра. На песчаном холме доктор Оорт поставил несколько десятков стульев. Туда он и вел сейчас профессора.

— Убежден, что вы никогда в жизни не видели соревнований овчарок. Понимаю, понимаю — у вас другие интересы, не хватает времени. Уверяю вас, чрезвычайно занятное зрелище. А ваш ассистент? Почему он не пришел?

— Один из нас должен постоянно находиться около аппаратов.

— Понимаю, понимаю. А мадам Рокетт и ее дочь?

— Мадам Рокетт уже два дня как больна. Ангина в тяжелой форме. Моника осталась с матерью.

— Я же говорил — удалить миндалины, и делу конец. О! Пришли мадам Эйкин с пастором. Садитесь, садитесь.

Оорт представил профессора. Обменялись поклонами.

— Подушки на стульях, — расцвел пастор, занимая место по левую руку от мадам Эйкин. — Какая роскошь, доктор!

— Места для патрициев должны быть удобными, — ответил Оорт, потирая ладони.

Пастор с улыбкой повернулся к профессору.

— До нас дошли слухи, что господин профессор проводит какие-то таинственные опыты.

— Таинственные? — удивился профессор.

— Ну, в каком-то смысле да, — пастор прищурился и сложил руки лодочкой. — Человек не может всего охватить разумом, однако, не разумея — верим.

— Мы исследуем радиоизлучение Галактики, — в который уже раз объяснил Дин и улыбнулся.

— В давние времена, — процедила мадам Эйкин, — и за меньшие прегрешения людей сжигали на кострах.

Доктор Оорт подскочил на стуле.

— Вы, конечно, шутите?

— И не думала.

Мэр открыл было рот, но в этот момент послышался свист. Неподалеку от судейской палатки остановился пастух со своим псом.

— Это сигнал к началу соревнований, — объяснил пастор. — По этому сигналу овчарка будет искать овец, спрятанных между холмами.

Два коротких свистка — собака повернула направо.

— Таким образом пастух управляет движениями собаки.

— Телеуправляемая овчарка.

— Вот именно, профессор. Смотрите, собака добралась до холма, заметила стадо. Теперь она должна будет вывести овец на середину поля... Прекрасно! Ох и ловкий же пес! Пастух свистом дает знать, что есть еще одно стадо. Овчарка гонит овец. Оба стада соединяются. Изумительная дрессировка! Чья это собака?

— Грина, — ответила мадам Эйкин. — Умный хозяин, и псы не глупее его.

К почетной трибуне подошел коренастый человек. Пастор похлопал его по плечу.

— Поздравляю, Грин. Полный успех.

— Благодарю вас, отец мой, — Грин поздоровался с мадам Эйкин, поклонился профессору и пожал руку мэру. — Загляните ко мне вечером.

— По службе или приватно? — спросил Оорт.

— По службе, доктор. Вчера пали две овцы из моего стада. Подошли на дугу неподалеку от того места, где поставили машину.

— Вы имеете в виду радиотелескоп?

— Ничего я не имею в виду. Люди говорят, что эта машина посылает лучи, вредные для здоровья людей и животных.

Дин глубоко вздохнул.

— Фантастически абсурдная мысль, — невозмутимо сказал он. — Сплетни, господин Грин, по сплетни, распространяемые злыми людьми. Радиотелескоп не посылает никаких лучей.

— Я в этом не разбираюсь, знаю только, что мои овцыдохнут.

— Я проверю, — быстро сказал Оорт, — тщательно проверю.

— Ваша святая обязанность, доктор, — пастор возвел очи горе. — Я буду молиться, чтобы вы не совершили ошибки. Надлежит установить истинную причину смерти несчастных овец.

— Установлю, конечно установлю, — мэр замолчал.

Сквозь толпу протиснулся ассистент профессора. Дин встал.

— Янус? Что случилось?

— Небольшая поломка анализатора. Прости, что помешал, но одному мне прибора не наладить.

— Да, конечно. Идем.

— Даже не попрощался. — Мадам Эйкин не скрывала своей неприязни к профессору.

— Рассеян, как все ученые.

— Вот вы поддерживаете его, господин Оорт, а этот человек... Раньше или позже, но эти машины накликают беду на наши головы.

Оорт тяжело вздохнул.

— Вы действительно... — начал он и осекся. У стартового столбика встал очередной пастух с собакой. После короткого перерыва соревнования были возобновлены.

По пути на виллу Янус объяснил:

— А ведь я соврал. Надо было изобрести какой-то предлог.

— Стало быть, никакой аварии нет? — обрадовался профессор.

— Нет. Вот уже час, как мы принимаем звуковые сигналы.

— Звуковые?

— В шестнадцать ноль-ноль я включил осциллограф. На экране появилась зеленая синусоида, прерванная в нескольких местах. Я тут же передал запись в анализатор.

— Ответ?

— Преобразовать изображение в звук.

Они вошли в холл, ассистент включил динамик. Послышалось тихое гудение, потом писк, похожий на сигналы азбуки Морзе.

— Два коротких, пауза, два коротких, пауза, четыре длинных, — шептал профессор, тщетно пытаясь взять себя в руки. — Пригласи Монику. Придется несколько часов поработать. Необходимо локализовать источник сигналов.

— Мадемуазель, вы будете ставить точки на этой таблице, — Дин подал Монике карандаш. Янус занял место у пульта управления анализатором.

— Семнадцать, двадцать шесть, — диктовал профессор, — сорок один градус, две минуты, две секунды, четвертый сектор. Вторая серия. Семнадцать, двадцать семь, сорок градусов, тридцать минут, ноль секунд... Соедините точки.

Над таблицей склонились три головы.

— Получилась дуга эллипса, — сказал Дин. — Источник сигналов движется.

— И очень быстро. — Янус вздохнул. — Что теперь?

— Передадим все данные анализатору.

Несколько минут работали молча. Моника заглянула к матери и вернулась в холл. Профессор вписывал какие-то цифры в таблицу, передавал Янусу результаты вычислений на обрывках бумажной ленты, которую тот вводил в прорезь автомата, перерабатывающего полученный текст. Над эффектором загорелась красная лампочка.

— Получен ответ в виде математической формулы. — Дин вытер лоб, покрытый испариной, и продолжил в возбуждении: — Понимаете, это сигналы из космоса, от разумных существ!

— Внимание! Анализатор продолжает работу, — Янус включил экран, помеченный римской тройкой. — Квадрат С-123, четвертый сектор, — читал он надписи. — Сорок один... сорок... Спутник... Спутник Марса Деймос... Деймос...

— Деймос? — повторил Дин. — Нет, это невозможно!

— Что невозможно?

— Чтобы источник сигналов находился на одном из спутников Марса.

— А я верю, — сказал Янус, не отрывая глаз от экрана. — В конце концов это только подтверждает

мнение профессора Шкловского, что спутники Марса — искусственного происхождения.

— Нужно сейчас же сообщить на базу, — решил Дин. — Пусть они передадут известие о сигналах с Деймоса всем астрономическим обсерваториям. Который час?

— Двадцать два.

— Надо послать телеграмму.

— В эту пору почта не работает.

— Пойдешь к Оорту, скажешь, в чем дело. Пусть отдаст нужные распоряжения начальнику почты.

— А если позвонить на базу?

— Без почты нам не заказать междугородного разговора. Беги к доктору. Сигналы в любой момент могут прекратиться. Успеха тебе, Янус!

Улицы Лаксена тонули во мраке. Темнота эта была вполне объяснима. В больших городах ложатся спать поздно. А маленькие городки, вроде Лаксена, засыпают рано — ведь надо вставать с зарей. Мало кто может позволить себе понежиться в постели — деньги не падают с неба, их трудно заработать и еще труднее удержать. Когда человек спит, он не грешит и денег не тратит. Люди рассказывали, что некогда мадам Эйкин видела кошмарный сон: ей всю ночь снилось, будто она снимает со счета деньги и тратит, тратит, тратит. Проснувшись она со страшной головной болью и твердым намерением бодрствовать всю следующую ночь. Несколько ночей она маялась, и наконец, совершенно измученная, уснула глубоким сном. На этот раз во сне она заработала массу денег, которые широким потоком стекались к огромному сейфу; собственно, ночные видения были для мадам Эйкин

весьма приятным продолжением дневного существования. Ну что ж, у каждого свои сны. Грин считал овцу днем, считал перед тем, как заснуть, считал во сне. Порой сны Грина были бредовыми. Однажды он увидел, что сидит за столом в своем доме, а вокруг него на стульях восседают овцы; они едят совсем как люди, обмениваются замечаниями о ценах на шерсть. Овца, сидевшая по правую руку, обижалась на Грина за то, что он пользуется неверными методами, экономит на их здоровье, что их следует почаще показывать ветеринару и лучше кормить. Глупый сон, но он заставил Грина призадуматься. Да, и сны бывают полезными.

Итак, еще не успели заснуть ни Грин, ни мадам Эйкин, ни доктор Оорт, но об этом Янус узнал позже. А сейчас он брел по грязным улицам Лаксена. Шел мелкий дождь. Холодный ветер гулял между домами. Янус удачно перепрыгнул через две лужи, но третью, несмотря на горячее желание, перепрыгнуть ему не удалось, и он промокнул ноги. После долгого блуждания по закоулкам Лаксена он отыскал двухэтажный домик. Табличка на железных воротах гласила, что здесь живет доктор Оорт, который лечит животных и исполняет обязанности мэра города. Янус постучал молотком. В окне второго этажа показалась женщина.

— Кто там? Что надо?

— Откройте, пожалуйста. Я к господину доктору.

— В эту пору мы чужим двери не открываем.

— Я ассистент профессора Дина.

— Это еще хуже, чем чужой.

— Что вы там плетете? — заволновался Янус. —
Хуже, чем чужой! Ничего себе! Я скажу доктору...

— Ничего вы ему не скажете, — прервала женщина. — Он ушел.

— Чтоб тебя! Куда ушел? Вы сделаете доброе дело, если...

— Это уж не ваша забота. Господин доктор пошел к господину Грину. Дом на Рыночной площади. Номер два. В первом живет мадам Эйкин.

— Благодарю вас.

Ставни хлопнули — на этом беседа была закончена. Янус направился к рынку. Он увидел доктора во дворе перед хлевом, втиснутым между двумя домами. При слабом свете керосиновых ламп, стоявших на винных бочках, Янус узнал мадам Эйкин и Грина. Несколько мужчин окружало Оорта, который склонился над неподвижной овцой.

Мадам Эйкин увидела ассистента.

— Какое несчастье! А мы только что о вас вспоминали, господин адъютант.

— Ассистент, — поправил Янус.

— Извините простую женщину, — с издевкой произнесла мадам Эйкин. — Я не разбираюсь в ученых степенях. Что вам угодно, молодой человек?

— Мне хотелось бы поговорить с доктором.

— Доктор занят, уважаемый. Пала третья овца.

— Ваша дьявольская машина уничтожает наши стада, — сказал Грин, а кто-то из пастухов добавил:

— Черт вас сюда принес.

— Самое время выкинуть таких гостей, — Грин погрозил Янусу кулаком.

Оорт медленно поднялся, отряхнул колени и накинул пиджак.

— Спокойно, Грин. Не переносу скандалов.

— Мои пастухи выкинут их и без скандалов.

— Не вздумайте учинить дебош, — доктор подошел к Янусу. — Как чувствует себя мадам Рокетт?

— Температура понизилась. Можно вас на минутку?

— Разумеется. Лучше проведем время за рюмочкой вина. Доброй ночи, Грин. Спокойной ночи, мадам Эйкин.

— А мои овцы? Что с ними? — заверещал Грин. — Что с ними, черт побери? Распорол им животы и все?

— Я установил, что бедняги нажрались яда. Кто-то отравил ваших овец. Нехорошие дела творятся в нашем городе. Очень нехорошие.

— Я ж говорю — машина посылает лучи, это они отравили траву.

— Сказки, дорогая мадам Эйкин. Обыкновеннейший мышьяк! — доктор вынул из кармана пробирку, заполненную серой жидкостью. — Вот доказательство: результат вскрытия. Овцы отравлены мышьяком. Идемте, господин Янус, — мэр открыл калитку и слегка подтолкнул ассистента. — Идемте.

Когда они оказались на улице, Янус спросил:

— Зачем отравили овец? Что все это значит, доктор?

— Скверная история. Они хотят любой ценой убрать вас из города.

— Не понимаю, кому мы помешали своей наукой?

— Это долгий разговор. Чем могу быть полезен?

— Мне необходимо послать срочную телеграмму.

— Понимаю.

— Или связаться по телефону с базой.

— Почта закрыта, но что-нибудь придумаем.

Они свернули в боковую улочку.

— Я слышу шаги, — сказал Янус. — Кто-то идет за нами.

Оорт оглянулся.

— Да нет, улица пуста, ни единой живой души.

— У меня отличный слух, — настаивал ассистент. — Я отчетливо слышу шаги нескольких человек.

— Вы слышали эхо наших шагов.

— Куда мы идем?

— К начальнику почты, господину Лукашу Эйкину.

— Лукаш Эйкин? Родственник мадам Эйкин?

— Брат.

— Представляю себе, как его обрадует мое посещение.

— Он получит от меня официальное распоряжение открыть телефонную станцию.

— Если бы не ваша помощь...

— Это входит в круг моих обязанностей. Впрочем, вы мне очень нравитесь.

— Несмотря на то что жители вашего городка к нам не расположены?

— Ну, не все. Тут есть и разумные люди, господин Янус. Однако они не хотят вступать в конфликт с мадам Эйкин.

— У нее длинные руки?

— Просто она многих держит в кулаке. Скупает шерсть у хозяев. Оптом и в розницу, — сказал Оорт, обходя лужу. — Она диктует цены и не только цены. Она с невероятной изворотливостью проводит финансовые операции на шерстяной бирже.

— И ненавидит ученых.

— Наука у нее стоит поперек горла. Год назад в одной из соседних деревень построили фабрику искусственного волокна. Она тогда сказала: «Дьявольские изобретения приносят людям гибель». Разумеется, она имела в виду свой бизнес. Ваш приезд взбесил ее окончательно.

— Чего же она боится?

— Умных людей. Научный центр, да еще исследующий тайны звезд, — это для нее опасный конкурент. До сих пор она вершила здесь судьбы не только

шерсти, но даже неба и земли. Городу угрожает наплыв людей более умных, чем она. Новые идеи, контакты с миром, более того, со Вселенной, — Оорт рассмеялся. — Не приведи господь, профессор Дин совершит какое-нибудь открытие. Не дай бог, ваши научные исследования дадут положительные результаты. Что тогда произойдет? Все взоры устремятся на этот тихий, спокойный, забытый богом уголок. Не вам объяснять, как сильно пострадают при этом доходы мадам Эйкин. Надо думать... — доктор замолчал.

— И все-таки за нами кто-то идет, — тихо сказал Янус.

— Да, на этот раз и я слышу. Эй! Кто там?

От стены дома отделились две тени.

— Пьяные, — шепнул доктор, внимательно наблюдая за качающимися фигурами. — Или притворяются пьяными.

— Про-простите... кото-рый ч-час?

Невнятное бормотание взбесило доктора.

— Здесь темно, — Оорт повысил голос. — Я не вижу ваших лиц. Вы пьяны. Идите спать.

— Спать! Э, брось! Не тебе нами командовать. Старый дуб! А ну, дай ему в рыло!

Оорт отступил. Воздух со свистом рассекла палка. Янус ловко отразил удар второго противника и пустил в ход кулаки. Мэр тоже не терял времени даром. Тяжело сопя, он бил вслепую куда попало. Энергичная оборона оказалась для нападающих неожиданностью. Послышался тихий свист. Из ближайших ворот высунулась третья тень.

— Подмога? Трое на двоих? Ну и порядки! — язвил Янус, атакуя нападающих с удвоенной энергией.

Снова свист, и улица неожиданно опустела. Нападающие скрылись в темноте.

— Ну, позабавились и хватит. Они теперь получили по заслугам. Вот тебе и тихий, спокойный Лаксен! — рассмеялся ассистент. — Как самочувствие, доктор?

Оорт не ответил.

— Доктор, что с вами?

Загорелся свет в окнах домов. Люди решили выяснить, что творится на улице. Они охотно покидали уютные постели, не спеша набрасывали теплые халаты, кафтаны, накидки. «Шум и крики в эту пору? Оорт хороший ветеринар, но какой из него мэр? Смех, да и только! Он неплохо управляет с животными, но на людей не имеет никакого влияния. Надо сменить мэра. Выберем Грина». Они болтали, что на ум взбредет. По дороге от кровати к окну много слов бросают на ветер. Шлепанье туфель сопровождалось покашливанием, сопением, и наконец в форточках появились растрепанные головы. Наиболее смелые вышли на балкончики, а некоторые, слывшие беззаветными храбрецами с прадедовских времен, даже отворили двери домов. Наконец заметили Януса, склоненного над неподвижно лежащим мэром. Какая-то женщина взвизгнула: «Убили мэра!» — и упала в обморок. Несколько мужчин выбежало на улицу.

Около полуночи Янус вернулся на виллу.

— Нетрудно догадаться, что ты принимал участие в драке, — сказал Дин, усаживая друга на диван, — костюм разорван, лицо в синяках.

— Рана на лбу, — дополнила Моника. — Я принесу бинт.

— И рюмочку чего-нибудь покрепче. Ты был на почте или в кабаке?

— На нас напали... на улице. Мы шли к начальнику почты. Оорт ранен, пробирка разбита.

— Выпей, это коньяк. А теперь рассказывай. Кто напал? Что за пробирка?

— Овцы отравлены мышьяком. Доктор произвел вскрытие. В пробирке, которую он взял с собой, было доказательство — яд.

— Понимаю. Те, кто убил овец, испугались.

— Испугались. Всю вину свалили на меня, на нас. Видите ли, я завел доктора в закоулок, я ударил его по голове и я разбил пробирку, уничтожив таким образом доказательство нашей вины.

— А что же Оорт?

— Он без сознания. Грин обвинил меня в нападении на мэра. Воспользовавшись замешательством, я убежал. Попытался было договориться с начальником почты насчет телеграммы, но безрезультатно.

— Будем надеяться, что доктор придет в себя, — сказал Дин. — Тогда все станет ясно.

— Будем надеяться, — Янус, вздохнув, выпил вторую рюмку коньяка, — а пока что мы отрезаны от мира.

— Зато у нас есть контакт со Вселенной.

— Боюсь, этот контакт...

— Я убежден, что до утра положение изменится в нашу пользу. Отправляйся спать.

Янус поморщился.

— А ты?

— Буду сидеть у аппаратов.

— Я протестую.

— Я разбужу тебя через два часа.

Ассистент протяжно зевнул и, бормоча что-то под нос, отправился в спальню.

— Вы тоже утомлены, — сказал профессор, обращаясь к Монике. — Желаю доброй ночи.

— Последнее время у меня бессонница.

— Мама...

— Спит, — с улыбкой прервала девушка. — Я к ней заглядывала. Мне хочется дежурить с вами.

— Даже если я против? Я не собираюсь будить Януса.

— И правильно сделаете. Он заслужил право на отдых. Жду ваших указаний.

— Ну, хорошо, профессор отказался от дальнейшего сопротивления. — Мы запишем сигналы на магнитофонную ленту. Когда они прекратятся, у нас будет доказательство, что вся эта история нам не приснилась.

«Девятый день пребывания в Лаксене, — диктовал Дин. — Начиная с шестнадцати часов принимаем сигналы в направлении двадцать семь, четвертый сектор, сорок градусов, тридцать минут, две секунды, анализатор галактического радиоизлучения установил, что источник сигналов находится на Деймосе, спутнике Марса».

— Четыре часа утра. На сегодня довольно.

— Согласна. Вы слишком много работаете.

— Я имел в виду вас.

— А вы, профессор?

— Боюсь, что я работаю слишком мало.

— Конечно, что значат какие-то двадцать часов в сутки по сравнению с вечностью!

— Что значат двадцать часов в сутки по сравнению с объемом работы, которую нам предстоит выполнить? Наша цивилизация еще слишком молода, вероятно, она самая юная во Вселенной, и мы обязательно должны сделать все, чтобы выйти навстречу старшим цивилизациям, тем, кто идет к нам из космоса.

— И поэтому юная цивилизация не может терять ни минуты, ни единой минуты. Однако разрешите представительнице этой юной цивилизации предложить вам десятиминутную прогулку.

— Разрешаю.

Моника накинула модную в Лаксене пелерину, и они вышли на дорогу, ведущую к Малому Ущелью.

— Городок отсюда не виден, — говорил профессор, — сосны заслоняют дома. Какая тишина, какое небо! Поднимите голову — миллионы звезд, миллиарды невидимых планет кружат вокруг своих солнц. Дружественный космос посылает нам сигналы, вызывает нас. Раньше или позже мы побеседуем с ним, мы более или менее разумные существа и мы найдем общий язык, обязательно найдем.

— На Земле еще столько нерешенных проблем, — сказала Моника, взяв Дина под руку.

— Да, мы часто слышим этот упрек. Люди негодуют: «Вы исследуете Луну, планеты, а до сих пор не научились лечить простуду». Мы обязаны вести исследования во всех направлениях. Изучение космоса облегчит решение многих земных проблем. Мы уже используем искусственные спутники Земли как средства связи, они предупреждают нас о циклонах; в лабораториях, работающих на космические центры, совершается множество научно-технических открытий, которые находят применение в жизни. Человек, — продолжал профессор, — возводит мост, ведущий к небу. Пока что мы укладываем космический фундамент, а со временем будем строить изумительные межпланетные мосты.

— Куда они приведут нас? — спросила Моника.

— Трудно ответить на этот вопрос. Мы должны расширять знания о Вселенной.

— Наш мир так прекрасен.

— Вы живете в прекрасной вилле, однако вам этого мало. Мы покидаем наши прекрасные дома, прекраснейшие города и пускаемся в плавание по морю. Когда-то мы открывали новые материки — теперь пришла пора открывать новые миры. Космос — это огромный дом, это изумительный сказочный дворец, но мы знаем в нем только одну комнату, ту, в которой живем, — Землю. Пожалуй, стоит заглянуть и в другие помещения, залы, в другие комнаты нашего космического дома.

Профессор замолчал.

— О чем вы задумались? — шепнула Мошпка.

— О некоторых людях из Лаксена. Они не скрывают своей неприязни к нам, к исследованиям, которые мы ведем, и они не одиноки. К сожалению, еще достаточно людей, которые всеми силами стремятся задержать прогресс, противодействовать любым начинаниям, направленным на развитие человеческого разума. «Не хочу быть мудрым! — вопит такой человек. — Мой прадед был глуп, мой дед не грешил великим умом, у моего отца было ровно столько ума, сколько нужно, и мне достаточно того, что я знаю».

— Вы, конечно, преувеличиваете, профессор. Современный человек охотно познает новое.

— Не настолько охотно, как следовало бы ожидать. Но, разумеется, немного преувеличиваю. Я устал и огорчен. Не думал, что встречу здесь с такими неожиданностями. Пойдемте обратно.

Сильный порыв ветра сорвал с дерева листья. Какое-то время они танцевали в воздухе, потом упали под ноги идущим.

В восемь утра пришла Маргарита, служанка Оорта. Она принесла письмо для профессора.

— Вы не боитесь? — спросила Моника.

— Кого?

— Мадам Эйкин.

Маргарита пожала плечами.

— Не съест же она меня. Эта карга получила хороший урок. Затея с овцами выйдет ей боком. Уже все об этом болтают. Господин доктор только открыл глаза, как тут же рассказал о нападении и о том, что молодой господин ни в чем не виноват, что доктор обязан ему жизнью, что он защищал его от нападающих, как собственного отца. Я принесла травы, пусть ваша мама сделает полоскание. Если еще что понадобится, пришлите за мной... — Маргарита увидела входящего профессора. — До свиданья, мадемуазель.

— Письмо от доктора, — Моника подала Дину белый конверт.

— «Буду у вас в десять, — громко прочел профессор. — Благодаря ночному нападению мы обрели множество друзей. Не волнуйтесь. Оорт».

— Короче говоря, нет худа без добра, — прокомментировал появившийся в холле Янус. — Ты соби-
рался разбудить меня через два часа.

— Забыл. Как самочувствие?

— Отличное.

— По сему случаю беги на почту. Надо как можно скорее установить связь с базой, пока не прекратились сигналы.

— Возьмите мой велосипед, — сказала Моника. — Он перед домом, в саду.

— Слушаюсь!

— Чудесное средство сообщения, — ворчал под нос Янус, изо всех сил крутя педали. Он без происшеств-

вий проехал километр и решил, что это невероятное достижение. Узкая крутая тропинка повисла над пропастью. Внизу зеленая низина, лучи солнца отражались от стальных переплетений моста, который с высоты тысячи метров казался серебряной кладкой, перекинутой через голубой ручеек.

Янус благополучно добрался до шоссе и тут чуть было не столкнулся с бегущим навстречу пастухом.

— Несчастье! Несчастье! — кричал парень. — Какое несчастье! Городу грозит гибель!

— Гибель? — Янус соскочил с велосипеда. — Что ты несешь?

— Ой, господин, — всхлипнул пастух. — Конец света! Я видел, видел собственными глазами.

— Дьявола?

— У вас только шуточки на уме!

— Так говори наконец, что случилось?

— Пасу я, господин, овец на южном склоне горы. Сажу себе на камне, как обычно, и гляжу на стадо. Вдруг земля подо мной задрожала. Я глянул выше — движется гора.

— Врешь, брат! Врешь!

— Чтоб язык у меня отсох, чтоб мне сквозь землю провалиться, чтоб всем моим овцам сразу подохнуть, чтоб мне на этом...

— Ладно, ладно. Хватит, — прервал его Янус. — Продолжай.

— Движется часть горы. Лавина земли идет на город, — пастух перекрестился. — Конец света, господин.

— Далеко это отсюда?

— Километров ' пять или шесть.

Садись на раму. Поедем. Я должен посмотреть.

— Надо предупредить людей, господин.

— Успеем, садись.

Парень неуверенно взгромоздился на раму.

— К сожалению, пастух говорил правду, — рассказывал ассистент, вернувшись на виллу. — Я был там, видел лавину. Городу грозит уничтожение.

— Надо немедленно сообщить мэру, — взволновался Дин. — Нельзя допускать паники.

— Поздно, — в холл вошел возбужденный Оорт, он тяжело дышал. — Мадам Эйкин, эта ведьма... — повторил он и выругался.

— Сядьте, — Моника пододвинула доктору стул. Оорт выглянул в окно.

— Они... они будут здесь через несколько минут.

— Кто — «они»?

— Толпа. Толпа людей, подзуживаемых этой мегерой. Конец света, воистину конец света. Вы знаете, что она выдумала? Она сказала людям, что катастрофу вызвали ваши машины, что из-за ваших экспериментов на город идет лавина, что все аппараты необходимо уничтожить.

— Да она спятила! — закричал Янус. — Эта женщина...

— Неразборчива в средствах, — закончил Дин. — Афера с овцами не удалась, нападение скомпрометировало провокаторов, и вот выпадает счастливый случай. Городу грозит гибель. Вы подумали об эвакуации жителей? Необходимо сообщить в столицу.

— Да, конечно, — ответил Оорт. — Уже сообщил. Четверть часа назад. Пастух поставил всех на ноги, он и ко мне забежал. К полудню придут саперы. Часть жителей грузит свои пожитки на телеги и бе-

жит из города. Трудно говорить о каких-то организованных действиях. Сведения, которые распространяет мадам Эйкин, только усиливают панику.

— Они хотят уничтожить машины, — сказала Моника. — Но ведь лавина не пощадит и нашей виллы.

— Лавина минует вас, — Оорт шире отворил окно. — Взгляните. Она заполнит низину и пройдет в километре от виллы.

— Мадам Эйкин знает об этом?

— Конечно, я сам слышал, как она кричала: «Город погибнет, но вилла Рокетт останется — останутся машины, которые принесли нам гибель. Надо их уничтожить. Уничтожить!»

На дороге, ведущей к вилле, показалась толпа людей. Они шли молча, плотной группой.

— Я не успел послать телеграмму, — сокрушался Янус. — Все наши усилия пропадут даром.

— Вынь из магнитофона кассету с лентой. Быстро. Я задержу карательную экспедицию.

Дин выбежал в сад, открыл калитку и вышел на шоссе. В дверях виллы встали Моника и доктор Оорт.

— Их около сотни, — проворчал мэр, наблюдая за приближающейся толпой. — Я вижу Грина и его пастухов. Мадам Эйкин осталась в городе. — Оорт ринулся к профессору.

— С дороги, Оорт! — забасил Грин, жестом останавливая своих людей.

— В чем дело, господин Грин? — спокойно спросил Дин.

— Мы хотим немного поработать над вашими аппаратами.

— Что это значит?

— Мы хотим разбить их на тысячи кусочков. Они принесли гибель нашему городу.

— Я думал, вы умнее, Грин, — сказал Оорт. — Люди всегда говорили: Грин — умный человек, самый умный из всех нас.

— Ну и что с того? — проворчал Грин.

— Посмотри, посмотри на это, — доктор рванул бинт на голове. — Кто меня ударил?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, а я знаю. Тот, кто отравил твоих овец. Нажрались мышьяка, понимаешь? Кому-то очень надо было очернить наших гостей. Машины подсыпали мышьяк, машины — причина катастрофы! Скажи, Грин, каким образом эти аппараты могли вызвать сдвиг горы?

— Я не разбираюсь в таких вещах, но через несколько часов под напором лавины рухнут наши дома.

— Уничтожить машины! — крикнул кто-то из толпы.

— Машины могут спасти город, — неожиданно сказал Дин.

— Брехня, — бросил Грин, но Дин продолжал:

— Одна из этих машин решает самые трудные задачи. Мы заложим в нее все сведения, касающиеся лавины. Может, она успеет указать дорогу к спасению.

— Бредни, — начал Грин. — Зря тратим время.

— Грин! — крикнул Оорт. — Ты берешь на себя огромную ответственность!

— Нельзя отказываться от малейшего шанса спасти Лаксен. Дайте мне пятнадцать минут, — профессор взглянул на часы, — пятнадцать минут, ни секундой больше.

— Ну как, Грин? — отозвался один из пастухов. — Пятнадцать минут можно и подождать.

— Это какая-то ловушка.

— Ты всегда любил скоропалительные решения, Грин, — сказал доктор. — Если ты считаешь, что ма-

шины могли вызвать лавину и сдвинуть гору, почему не предположить, что они могут и задержать ее?

Слова попали в цель. После короткого совещания было решено подождать пятнадцать минут. Грин отворил калитку, несколько пастухов прошли в сад и уселись на траве под окнами виллы. Остальные улеглись на склоне около шоссе.

Дин отдавал распоряжения Янусу:

— Включи анализатор, зашифруй данные. Направление лавины, угол падения склона, по которому она движется. Расстояние до города. Надеюсь, в твоих записях нет ошибок?

— Думаю, что нет. Вот эскиз и вычисления. Я приготовил их для саперов.

— Поспеши, у нас осталось четырнадцать минут.

— Анализатор начал работать.

— Прочти ответ.

Янус наклонился над эффектором и беспомощно развел руками.

— Ответа нет.

— Этого не может быть.

— Я еще раз введу данные и вопросы.

Прошло две минуты. Над эффектором горел желтый огонек.

— Анализатор не может решить этой проблемы или не хочет, — сказал Янус.

— Что значит — не хочет?

— Что-то ему мешает. Быть может, решение оказалось отрицательным?

— Отрицательным? Но и в этом случае он должен дать ответ.

— Я имею в виду отрицательным для машины. Понимаешь, инстинкт самосохранения.

— Маловероятно, — Дин задумался, потом предложил: — Попробуем еще раз. Но на всякий случай заложим сообщение, что отсутствие ответа приведет к уничтожению машины.

Янус ввел перфокарту в рецептор, однако не включил машины.

— Послушай, — волнуясь, сказал он. — Мы должны убедить их, что машина не может решить проблему за пятнадцать минут.

— Что ты имеешь в виду?

— Самое большее через час придут саперы, — объяснял Янус, избегая взгляда профессора. — Солдаты оцепят виллу и обезопасят машины.

— Да ты что! А город?

— Одиннадцать лет ты работал над анализатором и радиотелескопом. Мы приняли сигналы с Деймоса. Мы не имеем права уничтожить дело всей твоей жизни.

— Но и я стремлюсь сохранить машины.

— Ты выбрал неправильный путь.

— Не понимаю.

— Анализатор ответил на все вопросы. Сохранение города весьма проблематично, а первая же и единственная попытка сделать это приведет к гибели машин.

— Ты собирався скрыть правду. Какой ответ дала машина, говори, какой?

Янус вытянул из пульта зеленый листок.

— На расстоянии трех километров от города возвести клин из земли и валунов... Анализатор сообщает точные размеры и расположение клина. Склон перед клином очень пологий. Только через несколько сотен метров угол наклона увеличивается. Клин-дамба может направить поток земли в сторону, изменить на-

правление лавины, которая по пути уничтожит только виллу мадам Рокетт и нашу машину.

— Крикни Грина!

— Подожди, еще минутку. У нас нет никакой уверенности, что вычисления анализатора отвечают истине и что мы успеем возвести дамбу. Лавина может уничтожить и машины, и город.

— Янус!

— Весь мир ждет результатов твоих исследований, результатов работы твоего анализатора. С Деймоса идут сигналы разумных существ. Еще полчаса, и саперы спасут виллу.

— Не хочу слышать!

— Лавина разрушит несколько старых домишек. Часть населения уже убежала. Успеют уйти все.

— Тысячи человек останутся без крыши над головой.

— Государство выплатит им пособие. Построит новый город.

— А пока люди будут жить в нужде, проклиная машины и день нашего приезда в Лаксен.

В холл вошла Моника с матерью.

— А вам не жаль вашей виллы? — Янус подбежал к мадам Рокетт. — Лавина уничтожит ваш дом.

Моника поставила на пол чемодан.

— Мы готовы покинуть виллу.

Янус сгорбился. Открыл дверь, ведущую в сад, и крикнул Оорту, который разговаривал с Гринном:

— Доктор! Машина ответила, как спасти город. Слышите: ваш город можно спасти!

— Мы должны построить из земли и камней дамбу в форме клина, — объяснил Дин. — Дамба направит лавину в сторону.

— На виллу мадам Рокетт, — тяжело вздохнув, закончил Янус.

— И на машины, — добавила Моника. — Понимаете? Они уничтожат себя, чтобы спасти вас.

Толпа пастухов окружила веранду. Внимательно выслушали Дина, который подробно рассказывал, как и что нужно делать.

— Собирайте народ, — сказал Грин, когда профессор кончил. — Собирайте всех. Пусть идут с лопатами и кирками.

— Вот-вот придут саперы, — Оорт похлопал Грина по плечу. — Они вам помогут.

Спустя полчаса мэр сообщил:

— Две тысячи человек. Хватит, профессор?

— Хватит! Мы разделим их на несколько групп. Каждый получит особое задание. Взгляните на схему. — Дин разложил на камне лист бумаги. — Вот здесь мы соорудим завал. В этом месте начнет работать первая группа.

На шоссе въехали два грузовика, заполненные солдатами.

— Саперы! — закричал обрадованный Оорт. — В самый раз!

Командир спасательного отряда, капитан Норсен, не терял времени. После короткого инструктажа солдаты смешались со штатскими. В операцию включились военные грузовики, перевозившие на указанные анализатором места валуны, необходимые для укрепления дамбы.

Жители Лаксена приступили к обороне своего города.

В четыре часа пополудни строительство дамбы пошло к концу. Вдоль трассы, по которой двигалась лавина, Норсен установил посты.

В пять часов один из наблюдателей просигналил, что через несколько минут лавина дойдет до острия клина. Людей отвели на северный склон. Дин и Норсен заняли места на каменном возвышении напротив виллы мадам Рокетт.

— Только бы клин выдержал первый напор, — Дин не отрывал бинокля от глаз. — Как вы считаете, капитан, выдержит?

— Выдержит; — ответил Норсен, — по-моему, анализатор безошибочно указал место возведения дамбы. Лавина наткнется на преграду в самый подходящий момент. Внимание: красная ракета. Что вы сказали, профессор?

Нарастающий с каждой минутой грохот заглушил ответ ученого. Тяжелый гул, усиленный эхом, всполошил стаю ворон, кружащих над Лаксеном. Испуганные птицы помчались на север.

Валы вздымающейся земли добрались до дамбы, смяли ее вершину, однако не смогли уничтожить всей плотины. Клин отбросил лавину в сторону. С диким грохотом она рухнула в пропасть, смыв на своем пути виллу мадам Рокетт.

Когда все утихло, Норсен подал профессору ракетницу.

— Город спасен, — сказал он, улыбаясь. — Дайте зеленую ракету. Опасность миновала. Люди могут идти по домам.

Давно пробило десять часов, а в окнах все еще горел свет. Никто не думал об отдыхе, горели фонари на улицах, между балконами висели гирлянды цветных лампочек.

— Светло, просто душа радуется! — ликовал Оорт.

За столом на веранде мэрии сидели мадам Рокетт и Моника, профессор Дин и Янус. Мэр наполнял рюмки и никому не давал говорить.

— Вы поселитесь у меня, это решено. Дом большой, я занимаю восемь комнат, места много, а потом отстроим виллу. Взгляните на дома и на улицу! Какая иллюминация! Я гляжу на лица людей и не узнаю их.

— А мадам Эйкин? — спросил неисправимый Янус. — Как себя чувствует мадам Эйкин?

— В полдень выехала из города, — сообщил мэр. — Забрала три сундука и гору чемоданов.

— Она сказала, куда едет? — спросила Моника. — Ведь не навсегда же она покинула Лаксен.

— Боюсь, — ответил Оорт, притворяясь огорченным, — боюсь, она никогда не вернется. Она не сказала, куда едет, но думаю, на край света.

— На другой край света, — заметил Дин.

— Разве у света два края, профессор? Не понимаю, — переспросила мадам Рокетт.

— На одном мадам Эйкин, на другом непримиримый Янус.

— Анализатор уничтожен, — буркнул ассистент и помрачнел.

— Завтра же примемся делать новый, — профессор поднял рюмку, наполненную солнечным вином. — За машину, которая спасла город, за людей, которые строят такие машины.

Выпили. Мэр показал на три мигающие точки, словно подвешенные над крышами Лаксена.

— Как называются эти звезды? — спросил он профессора.

— Пояс Ориона, — ответил Дин.

- А вон та, желто-красная?
- Марс.

Прошло несколько лет. Дин диктовал Монике сообщение для всех радио- и телестанций мира:

«Тридцатого апреля в семь часов четыре минуты космические корабли покинули Землю. Экипажи кораблей поддерживают с нами радиосвязь. Искусственный спутник Марса Деймос непрерывно передает сигналы, указывающие направление нашим межпланетным кораблям. Точка».

— Конец? — спросила Моника.

— Нет, начало, — ответил Дин, не отступив от истины. — Это только начало.

ИСЧЕЗЛА МУЗЫКА

Музыка оборвалась сразу, словно кто-то перерезал магнитофонную ленту, будто кто-то приложил указательный палец к губам или топнул ногой, требуя абсолютной тишины. Люди строят санатории, в которых властвует тишина. Тишина может успокаивать, спасительная тишина лечит. Тишина бывает сладкой, как мед, и бархатной, как глаза газели. Тишина в радиостудии во время концерта нервирует. Диктор включил внутренний телефон. Взбешенный неожиданной паузой, он всю свою злость выместил на дежурном технике.

— Вы там все с ума посходили! Кто выключил магнитофон? Немедленно запасную ленту! Почему не отвечаете? В эфире тишина! Что я скажу слушателям? Почему, черт вас побери, прервали концерт?

— Если бы я знал! С виду все в полном порядке, кассеты вертятся, магнитофон работает. Ничего не понимаю! Запускаю запасную ленту с мелодией «Обожаю, Джонни, твист». Внимание!

Диктор извинился перед слушателями, объявил новый музыкальный номер, выключил микрофон, включил трансляцию. Прошла секунда, две, три, четыре. Тишина поставила на ноги главного программиста, аварийная группа приступила к работе. Диктор объяснил слушателям:

— Извините нас, но, к сожалению, повреждение серьезно, и, чтобы его исправить, потребуется некото-

рое время. А пока прослушайте последние сообщения.

Ежедневное восхождение по крутым ступеням башни на балкончик под часами было не самым приятным занятием в жизни сержанта Уэрбса. Сержант подсчитал, что за двадцать семь лет он дважды покорил Монблан. И все ради того, чтобы жители Вале могли послушать хейнал* и повздыхать. Уэрбс трубил ежедневно, трубил не отступая от традиций, немилосердно фальшивя и в душе проклиная идиота-стражника, который четыреста лет назад, заметив орду варваров, протрубил тревогу. Потом оказалось, что это дикие свиньи забрели под стены города. У страха глаза велики, ночь была безлунная, а стражник страдал бессонницей и изрядно выпивал. Поэтому не удивительно, что произошло то, что произошло. Двадцать тысяч жителей Вале высыпали на улицы города. Забаррикадировали ворота, расхватили оружие. Стенания женщин и вой псов заглушали молитвы священников, а стражник трубил и трубил и дождался наконец, что начальник стражи съездил ему по шее. Тогда стражник подавился слюной и оторвал трубу от распухших губ. На рассвете увидели неприятеля, изрывшего пятачками поле, и весь город зашелся душеспасительным смехом. В честь этого события сержант Уэрбс двадцать семь лет подряд ровно в полдень трубил хейнал. Наказанье божье, а не работа. Он поднес трубу к губам, набрал в легкие побольше воздуха и дунул. Однако труба не издала ни звука. Несколько удивленный, сержант поправил мундштук,

* Хейнал — сигнал трубача, приуроченный к определенному времени. — *Прим. перев.*

вытер губы ладонью и дунул опять. Труба молчала. Обескураженный, сержант отправился вниз. Трубу внимательно осмотрели, но никто не мог сказать, почему она замолчала.

Шум утих, слышались аплодисменты. Франческо Ромиони всегда встречали восторженно. Дирижировал он гениально. Дирекция Ла Скала подписала с гением контракт на два года, был дан торжественный банкет. Главный директор сказал своему заместителю:

— За эти два года мы недурно подзаработаем. Уж я знаю, что говорю. Ромиони притягивает публику, как магнит железные опилки. Гений. Оркестр, которым дирижирует Франческо, играет словно в транс. Начнем с «Аиды».

Дирижер взмахнул палочкой, но ни один инструмент не издал ни звука. Молчали скрипки, молчали виолончели, молчали гобой, валторны, молчали фэготы, трубы, флейты, кларнеты, молчали литавры, хотя Ромиони не жалел сил, а музыканты нещадно терзали свои инструменты.

— Видимость отличная, только звук пропал, — пошутил кто-то, вызвав всеобщее веселье. Гениальный дирижер упал в обморок. Дирекция Ла Скала обвинила фабрику музыкальных инструментов в саботаже.

Комиссар Рейбо размышлял вслух:

— Седьмого августа точно в двенадцать ноль-ноль на всем земном шаре умолкла музыка. Любопытно. Не играет ни один инструмент, исчезли мелодии, записанные на магнитофонных лентах и грампластинках. Поразительно. Музыка просто перестала

существовать. Это удивительное явление анализировали всесторонне и безрезультатно. Наконец дело передали мне. И правильно поступили: музыка украдена, и лишь полиции под силу установить, кто это сделал.

Рейбо подошел к окну. Дом напротив немного напоминал палаццо Дукале: те же пагромождения аркад, перемежающиеся крутыми башнями, те же строгие блоки темных гигантских глыб, контрастирующие с необычайно богатой резьбой по белому мрамору, те же... Комиссар вздохнул. Один раз в жизни он был в Италии по долгу службы и теперь постоянно сравнивал. Окна, карнизы, галереи. Эти сравнительные изыскания были прерваны прибытием старшего комиссара. Последнего несколько не волновали вопросы архитектуры, он требовал одного — как можно быстрее поймать воров, укравших музыку.

— Жизнь без музыки! — вопил он. — Разве ж это жизнь? Опустели концертные залы! Ни тебе оперы, ни оперетты, радио и телевидение усыпляют слушателей и зрителей драмами и дискуссиями. Пустуют киностудии, увеселительные заведения. Солдат лишили маршей, танцоры и танцовщицы, певцы и певицы, даже шарманщики шатаются по улицам, страдают от безделья. Вчера две тысячи теноров, басов, баритонов, альтов и сопрано устроили манифестацию перед парламентом. Я хочу знать, кто украл музыку. Ну, говорите же, черт вас побери! Имя преступника! Где он спрятал добычу?

— Мне думается, я знаю, в чем дело. Нужно установить контакт со всеми столицами мира.

— Ну так устанавливайте. Необходимо любой ценой схватить этого стервеца или этих стервцов и отыскать музыку.

Рейбо с утроенной энергией взялся за дело. К операции подключились все полиции и милиции мира, Интерполь, разведка и контрразведка. Не щадили ни своих, ни электронных мозгов, а результаты коллективных размышлений комиссар собирал и тут же подвергал анализу. Одновременно специальные поисковые группы прочесывали леса, джунгли, дебри и пустыни. Бригады аквалангистов обыскивали озера, моря. Подводные лодки и батискафы сверлили океаны. Международные музыкальные организации назначили высокие награды за отыскание хотя бы одной мелодии.

Хансен путешествовал на автомобиле по Европе. Утомившись, он остановил машину на изумительной поляне, радовавшей взгяд сочной зеленью. Было тихо, тепло, солнечно. «Чудесный уголок, — с удовольствием отметил он. — Между деревьями я поставлю палатку, отдохну несколько дней. До городка недалеко. Жаль, что поблизости нет речки или хотя бы ручья. А может, вода за тем вон холмом, покрытым буйной растительностью. Надо осмотреть окрестности», — решил он и двинулся в путь. Через несколько минут добрался до забора, окружавшего холм, недолго думая раздвинул истлевшие доски и направился к деревьям на вершине пригорка. Оттуда открылся вид на широкую долину, окруженную венцом пепельных гор, салатные пастбища и круглые камни, подобные деревенским ковригам хлеба домашней выпечки. Камни блестели на солнце, словно были сделаны из серебра. Потом Хансен заметил шар диаметром около десяти метров. Шар катился по склону, а серебряные камни подскакивали и исчезали под розовой оболоч-

кой. Хансен зажмурился, потом открыл глаза. Шар продолжал катиться по пастбищу и вдруг замер между деревьями. И тут Хансен услышал прозрачные звуки, словно кто-то робко прикоснулся к струнам. Не все камни втянуло в шар, на поле осталось с полсотни беспорядочно разбросанных глыб. Это они издавали такие звуки. Хансен вернулся к автомобилю, запустил мотор, меньше чем за час добрался до ближайшего города и послал телеграмму комиссару Рейбо: «Напал на след украденных мелодий. Приезжайте в Вальядолид, Кастилия».

Часы ожидания он заполнил осмотром города. Монастырь Сан Грегорио и церковь Сан Пабло в стиле изабелино. Королевский дворец — ведь Вальядолид некогда был столицей Испании. Хансен разгуливал по белым галереям, отдыхал на каменных скамьях. Сколько времени требуется, чтобы прилететь из Франции в Вальядолид? Час, два? Если Рейбо успеет до наступления темноты, они отправятся на то поле.

Комиссар прилетел в Вальядолид в шесть часов вечера, пересел в автомобиль Хансена, и они помчались к салатovým лугам, к долине, окруженной пепельными горами. Солнце, склоняясь к горизонту, озарило розовым светом небо и землю.

— Дьявольская история, — говорил комиссар. — Случай, можно сказать, беспрецедентный, самое время кончать с этим, людей охватывает всеобщая истерия, перед концертными залами, перед зданиями опер собираются толпы и плачут. Знаменитый композитор покончил с собой. Я никогда в жизни не был ни на одном концерте, я вполне могу обходиться без музыки, честно говоря, я все это время отдыхаю, потому

что умолкли мои музыкальные соседи, но сознание того, что мир ограбили, лишили всех мелодий, что ни один инструмент не может издать ни звука, а певец взять ни единой ноты, — сознание этого, господин Хансен, вселяет в нас ужас. Где же ваши звучащие камни?

— Замолчите, наконец. Послушайте.

— Да, очень мелодичные звуки. Вы действительно напали на след похищенной музыки. Музицирующие камни. Фантастично. Надо рассмотреть их как следует.

Они шли по полю. Хансен поднял один из камней.

— Полный внутри. Просто консервная банка. Откройте, — сказал Рейбо.

— Это шарманка. Она играет вальс.

— Это камень, — поправил комиссар, — полевой камень, поразительно легкий, или что-то вроде камня. Здесь нет никакого механизма.

— А другие? Поднимите другие и откройте.

— Этот играет марш.

— А этот — твист.

— Есть и румба. Поразительно, Хансен. Бежим! Шар раздавит нас.

Но шар остановился в нескольких метрах от них, что-то скрипнуло, невидимые руки приоткрыли круглую дверцу и прозвучал приятный, мелодичный голос:

— Простите, мы не собирались сеять панику на Земле. Ваши поэты говорят, что музыка окрыляет, и они в некотором роде правы. Это отличное топливо для межпланетных кораблей. Метеорит повредил наши баки, и нам пришлось совершить посадку. Мы приказали роботам поискать новых горючих материалов. Они поняли нас слишком дословно. Для продолжения полета нам хватит нескольких самых новых

музыкальных шлягеров. Обирать Землю целиком было, разумеется, полнейшей бессмыслицей. Поэтому большинство контейнеров с музыкой мы оставили на пастбище. Еще раз просим прощения.

Голос умолк. Шар, словно мяч, дважды подпрыгнул на поле и помчался к облакам.

— Будет дождь, — сказал комиссар. — Надо все это собрать. Поспешим! Ненавижу бурю, а через секунду блеснет первая молния. Что случилось, господин Хансен?

— В баке ни капли бензина, я забыл пополнить запас горючего.

— Не вижу повода для беспокойства. Заменим бензин какой-нибудь мелодией.

— Что вы предлагаете?

— Что-нибудь бравурное. К полуночи я должен быть в Париже.

Диктор включил микрофон и сказал:

— Убедительно просим извинить нас за перерыв в концерте. Продолжаем передачу «Исчезла музыка».

ТЕБЯ ЖДЕТ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

— С домашними роботами хлопот не оберешься. Иногда так и подмывает взять в руки молоток и разбить болвана на кусочки. Просто не верится, сколько сюрпризов скрыто в мешанине из проводов, ламп и катушек. До сих пор не знаю, где у моего Катодия затаилась злобедность, а где зазнайство и хитрость. У него есть даже что-то вроде чувства юмора, к тому же довольно своеобразного. Он может запросто довести человека до белого каления, но может и смягчить неприятную ситуацию.

Недавно он так разозлил меня, что я достал из ящика инструменты и уже решил было наконец разделаться с этой бестией, как вдруг мой Катодий начинает петь песенку: «Лишь со мной одним, наверно, тебе будет так же скверно...» Я проверял, песенка была написана во второй половине XX века. И знаешь, он-таки рассмешил меня, злость прошла, я бросил инструменты в угол, а потом, воспользовавшись моим отсутствием, Катодий унес их и так здорово упрятал, что я до сих пор не могу их отыскать. Вероятнее всего, он их выкинул, ведь я швырнул их в угол, словно отходы, а Катодий мусор выбрасывает — так что, если я спрошу его об инструментах, он всегда сумеет отвертеться. Впрочем, меня гораздо больше волнует удивительная склонность этого металлического сундука к философствованию...

Гарри замолчал и взглянул на товарища. Кройс сидел в кресле, натянуто улыбался, и эта улыбка придавала его лицу выражение ожидания.

— Роботы, роботы, мертвая материя, ведущая себя, как живая, — Кройс пытался экспромтом состряпать какое-то определение, а потом стал нудно и банально разглагольствовать о необходимости возврата к уровню примитивной цивилизации, не отягощенной услугами автоматов.

Только обрывки этих совсем не убедительных для Гарри фраз доходили до его сознания; из-под полуопущенных век он рассматривал покруглевшую физиономию старого школьного товарища, его отчетливо видимый второй подбородок и уши, удивительные уши, которые, казалось, все время к чему-то прислушиваются, улавливают голоса и шепотки.

Чуткое Ухо, ну да, Чуткое Ухо — вот как прозвали его когда-то в школе за то, что Кройс слышал самые тихие подсказки. Между прочим, именно поэтому автомат-экзаменатор всегда высоко оценивал его классные работы. Гарри улыбнулся собственным воспоминаниям. Кто бы мог подумать, что именно он, Чуткое Ухо, сидевший некогда за спиной Гарри и постоянно мучивший его просьбами подсказать или дать списать, станет большим ученым? И почему так получалось, что у Кройса всегда были хорошие отметки, а у него, Гарри, хоть это он подсказывал Кройсу, с натяжкой удовлетворительно?.. Э-хе-хе... давно это было...

Однако все это не проливало света на причины, по которым он оказался далеко в Андах, у подножия покрытых вечными снегами гор, окружающих прекрасную долину, заполненную буйной тропической растительностью. Над морем зелени вздымались три белые башни — строения института. Еще недавно с террасы шестого этажа Гарри изумленно взирал на кроны деревьев, неподвижно застывшие под лучами

солнца. Один из кабинетов Кройса был круглым залом без окон с приплюснутым куполом потолка, излучающего свет. Два кресла, невысокий столик, аквариум, утопленный в пол и окруженный газоном, — вот и все, что было в этом кабинете-саде.

В том, что этот кабинет был необычным, Гарри убедился с самого начала, как только заметил игру света и цвета, а также появляющиеся на стенах и потолке пластические изображения. В зависимости от темы беседы изменялись световые и образные композиции, блестели или притухали стены, перемещались, взаимно пронизывая друг друга, цветные пятна. Изображения, свет и цвет образовывали дополнительный фон беседы, так что Гарри, рассказывая Кройсу о своем домашнем роботе, с особой силой почувствовал всю мерзость поведения Катодия, который выглядел как сверхподлец и брак в работе производственного конвейера. То, что говорил Кройс, тоже получило своеобразное цветовое подтверждение: в ответ на его слова стены утратили веселый блеск, зал погрузился в зеленовато-коричневый полумрак.

Кройс кашлянул.

— Хм, я прервал тебя, Гарри, — сказал он с наигранной легкостью. — Значит, твой Катодий — зазнайка? Ну, ну, что же он там еще натворил?

Кройс поудобнее устроился в кресле — теперь он опять был Чутким Ухом, прислушивающимся к тому, что говорят на четвертой парте.

— Тысячи грешных импульсов пронизывают его транзисторы и улавливающие сегменты, — вздохнул Гарри, не без удовольствия отметив, что в зале стало немного светлее. — Но это несущественно. Скажи, наконец, старик, чего ради ты пригласил меня к себе? Хочешь, чтобы я написал репортаж о твоей работе,

может, у тебя есть какая-нибудь интересная тема для видеоновеллы?

Кройс улыбнулся.

— Эх, Гарри, Гарри, ты стал чудовищным реалистом, а общепринятое представление о литературе немного другое. Люди по-прежнему считают, что литератор — это человек, который в состоянии подняться над уровнем среднего пожирателя марсианских устриц, приправленных ганимедянским соусом. Я пригласил тебя просто так, ведь мы не виделись уйму лет, и мне хотелось поболтать с тобой.

— Но ты же мог сделать это по телевидеофону, — заметил Гарри.

— Я уже сказал, что человек должен отказаться хотя бы частично от технических благ. Телевидеофон — не то. Неужели ты не чувствуешь, что наша беседа приятнее, человечнее, что между нами существует непосредственный контакт, так много значащий...

— Что-то я тебя не пойму, Кройс. Все, что мы видим вокруг, не очень-то похоже на примитивизм. — Гарри с уважением оглядел стены и умело замаскированные в них объективы, кнопки выключателей, фотоэлементы. — Должен сказать, что ничего подобного я еще не встречал. Впрочем, если уж ты так ратуешь за примитив, не переселиться ли нам на ветки того огромного дерева, которое я видел с террасы?

— А ты ничуть не изменился, — сказал развеселившийся Кройс, выразив при этом надежду, что перемена места и пребывание в Андах благотворно скажутся на самочувствии Гарри, который действительно был несколько утомлен творческими поисками и дикими выходками Катодия, давно нуждавшегося в капитальном ремонте.

Глядя на приятеля, Гарри заметил, что, несмотря на ямочки на щеках и второй подбородок, он вовсе не походит на отдохнувшего и довольного собой человека. По всему было видно, что недостатком гемоглобина и витамина С он не страдает, но в глазах его под прищуренными веками можно было уловить беспокойство. Хотя Гарри был не репортером, а серьезным автором романовизий и видеонovelл с десятипроцентной в среднем степенью новизны по шкале Ньюс-Лисса, он знал многих ученых и исследователей, ему были знакомы их профессиональные особенности, привычки и образ жизни. Поэтому его удивило румяное лицо Кройса — оно ничем не напоминало несколько пожелтевший пергамент, который обтягивал физиономии многих мужей науки, корпевших над бумагами в пещерах музейных подвалов.

Правда, научные учреждения размещались в основном в отдаленных, труднодоступных районах, расположенных в экваториальной зоне, однако ученые и их ассистенты, как правило, сидели словно термиты в своих термитниках, огражденные вдобавок десятками дверей лабораторий, кабинетов и защитной сигнализацией.

Случалось, и не раз, что, отчаявшись увидеть своих шефов, молодые ассистенты, нарушая внутренний распорядок, выкручивали у роботов-нянек предохранители, не позволяющие тем прикасаться к человеку, и, вручив автомату несколько калорийных булочек и термос с бульоном вместе с наказом отыскать и накормить охваченного творческим рвением гения, выпускали его «в мир».

В кулуарах конференций шепотом поговаривали о полном драматизма сопротивлении, отчаянном бегстве и тому подобных фантастических приемах, при-

меняемых учеными в этого рода ситуациях. Погоня робота за ученым завершалась, как правило, успехом — обезоруженный гений в бешенстве глотал бульон, давился булочками, ругая при этом механическую мамку непечатными словами. Однако Кройс не походил на человека, которого кормили насильно.

— Знаешь, я бы, пожалуй, выпил стаканчик лимонада, — сказал Гарри. — Микроклимат здесь отличный, а все-таки чувствуется, что до экватора рукой подать.

Кройс нажал блестящую кнопку — из глубины столика появились два стакана, наполненные пузырявшейся оранжевой жидкостью.

— Лимонад? — поинтересовался Гарри.

— А что же еще?

— Ты прав, что же еще это может быть, — вздохнул Гарри. — Мой треклятый Катодий добился-таки своего: я стал дьявольски подозрителен и даже от бара-автомата жду подвоха. В последний раз Катодий подал мне вместо коньяка томатный сок.

— Да ну?

— Мне иногда начинает казаться, что это вовсе не ошибка, — жаловался Гарри. — Ну, сам посуди: во-первых, Катодий подал мне томатный сок в непрозрачном стакане, а во-вторых, приправил эту услугу длиннющей лекцией о вреде алкоголя. Уж больно все это смахивает на совершенно сознательные действия.

Чуткое Ухо подался вперед от изумления. На стенах тут же появились жемчужные пятна, призрачные маски искривились в удивительных гримасах. Вся композиция теперь выражала отвращение и брезгливость... Да, Катодий был негодяем, самым отвратительным из всех домашних автоматов, которые когда-нибудь ступали по Земле.

Кройс с нескрываемым сочувствием посмотрел на школьного товарища. Так он глядел несколько минут, но, видимо, не обнаружил ничего опасного, потому что выражение озабоченности на лице ученого уступило место улыбке.

— Нервишки сдают, — отметил он. — И чего ради ты вздумал приписывать Катодию сознательные действия? Уж скорее корова что-нибудь выдумает, чем твой робот.

— Этому нас еще в школе учили, но в то время выпускали совсем другие модели. Нет, нет, Кройс, внутри этих транзисторов и сопротивлений что-то происходит. Ты когда-нибудь слышал, чтобы робот, например, философствовал? Ну, не гримасничай. Мой Катодий в последнее время не только трещит и пускает искры, но и весьма своеобразно интерпретирует все происходящее в окружающем его мире. Счастье еще, что он не заговаривает сам, однако я нутром чую, что он только и ждет случая порассуждать, высказать собственное мнение, порожденное его подпорченными деталями. Когда он принес мне томатный сок, я осторожно прикрикнул на него:

— Я тебе сегменты попереставляю, железяка проржавевшая! Я же просил подать коньяк!

И что, ты думаешь, он ответил?

— Уважаемый хозяин, — заявил он, — должен быть мне благодарен за заботу о его здоровье. Хотел бы я после всех этих бесчисленных рюмочек посмотреть на вашу печень. Наверняка у нее не очень здоровый вид, особенно если учесть, что вы никогда не заказываете закуски.

— Это моя печень, и не твоя забота, как она выглядит. Изволь подать коньяк, железный горшок!

— Вы напрасно ругаетесь, хозяин Гарри, — заверещал Катодий, — поскольку из всего сказанного следует, что я умнее вас. Я не пью коньяка, хозяин Гарри.

— Черт знает что, Катодий! — пробормотал я. — Позволю себе заметить, умник, что томатного сока ты тоже не пьешь.

— Зато я пью масло «Экстра-люкс», которое смазывает шарниры и шестерни. Вы же этого масла не пьете, поскольку оно вам вредно в такой же степени, в какой мне — томатный сок. А ведь чрезвычайно легко доказать, что и вам и мне коньяк вреден, ибо он разъедает и печень, и металл.

Философствование Катодия начало меня забавлять.

— Ничего-то ты не понимаешь, глупец, — сказал я. — Разница между человеком и роботом состоит, между прочим, еще и в том, что у человека бывают дурные привычки, а у робота — нет.

Катодий кивал и позвякивал, пытаясь хоть что-нибудь понять. Я явно слышал позвякивание у него в брюхе, когда он старался одновременно считывать со всех четырех сфер своей ферритопамати.

— Хм, хм, э...э...э... — заикался Катодий, пока не «наскочил» на нужный кристалл, — согласитесь, хозяин, что мои действия все-таки более логичны. Можно только удивляться отсутствию рассудительности у людей и в то же время похвальбам своей мудростью, особенно когда они дают распоряжения, направленные против самих же себя.

Признаюсь, я невольно ввязался в дискуссию с Катодием. Сто тысяч человек на моем месте приказали бы ему выключиться, а потом вызвали бы скорую помощь, меня же начала забавлять его болтовня.

Прежде всего удивлял запас сведений, которыми располагал робот. Катодий ходил на ускоренные курсы профусовершенствования среднего уровня, но, хм... все равно здесь что-то не так.

— Всему этому тебя учат на курсах? — спросил я.

— Нет, хозяин, — на сей раз болтливый Катодий скупился на слова, что было очень подозрительно.

— Это сказал тебе мой литературный концептор? — допытывался я, решив, что, возможно, когда-нибудь не выключил старую развалину и Катодий, воткнув в концептор один из штеккеров, набрался скверных импульсов.

— Ваш концептор — просто-напросто сундук без всяких зачатков коллективизма, — с явным презрением изрек Катодий.

— Откуда же у тебя такие познания?

Катодий начал заикаться, искрить, прикидываясь, будто у него короткое замыкание, но я-то разбираюсь в их штучках и безошибочно отличаю симуляцию от настоящей аварии.

— Отвечай немедленно, — приказал я.

— Мне об этом сказал один очень старый, изношенный робот. Он страшно умен, ему больше ста лет, а лежит он в куче хлама за забором, мимо которого я хожу, возвращаясь с курсов. Его нога упирается в доску ограды. Если пнуть доску посильней, старый робот от толчка включается и начинает говорить. Ну, а когда он говорит, то и я могу ему рассказывать или спрашивать. Иногда мы ведем долгие и весьма ученые беседы.

— И на это ты расходуешь лампы и подсистемы! — крикнул я, выведенный из себя его признанием. — Я работаю, откладываю еврасы на сберега-

тельную книжку, чтобы купить новые лампы, а он, бездельник, расходует дорогостоящие элементы на глупейшие разговоры бог весть с какой рухлядью!

— Простите, — сказал Катодий, — но это действительно очень умный и уважаемый робот, работавший во многих учреждениях. У него высокий показатель обобщения и широкий диапазон знаний.

— Это металлический, насквозь проржавевший ящик. Учти, Катодий, тебя ожидает такая же судьба, если только ты не перестанешь злоупотреблять моим терпением. Ни один робот не может быть умнее человека, ибо человек создал робота, который сам из себя не высечет даже искры мысли. Изволь это запомнить.

— Слушаюсь, хозяин Гарри, запомнил, — ответил Катодий. — Что же касается мудрости и мыслей, то осмелюсь заметить, что мудрость может быть приобретена, а вовсе не обязательно должна быть следствием собственных раздумий. Впрочем, история изобилует случаями, когда результаты мышления не стоили и выведенного яйца. Робот, несомненно, умнее человека, ибо располагает сконцентрированными в кристаллах коллективными знаниями всего человечества, в то время как человек располагает только индивидуальным знанием, представляющим собой лишь ограниченную частицу знаний коллективных, вдобавок искаженную собственной интерпретацией, а также неполноценностью памяти. Мы, роботы, лучшие друзья человека, точнее, его опекуны — без нас человек не мог бы ни быстро считать, ни строить, ни летать на другие планеты. Без роботов человек был бы ничем. Поэтому человек должен относиться с уважением даже к пылесосу и окружать заботой даже такого робота-эмбриона, как, например, молоток.

— Ах вот как! Значит, ты — мой опекун и лучший друг? У тебя действительно весьма развит опекунский инстинкт. Лучший пример — история с томатным соком. Завтра вместо бифштекса ты подашь мне витаминизированный отвар из риса, а кофе заменишь молоком... Но я не стану ждать завтрашнего дня, а сейчас же откручу тебе пару винтиков, выкину на свалку всю систему перегруженных ячеек ферритовой памяти, вмонтирую новую, и ты уже не обретишь равновесия потенциалов.

Катодий покачнулся, у него побледнел зеленый магический глаз, скрипнули суставы и шаровые шарниры. Я думал, он опять понесет какую-то чушь, но вместо этого он жалостно произнес:

— Не делайте этого, хозяин Гарри. Моя система памяти и выводов действует безотказно и вовсе не требует замены. Я могу сейчас же доказать, что мой мозг работает гораздо лучше, чем у многих ученых и умных людей.

— И у меня тоже?

— Я этого не говорил, хозяин. Но у меня действительно очень развита способность к сопоставлению фактов и логическим выводам, усовершенствованная многими годами самообучения. Так вот, сопоставляя исторические факты, я пришел к выводу...

— Вот что, братец, — не выдержал я, — принеси-ка мне отвертку.

— Иду, иду, хозяин Гарри, — заикаясь, проговорил Катодий. — Только прежде, чем вы меня раскрутите, покажите мне левую руку. Я вам погадаю...

Я, вероятно, обалдел от удивления, иначе чем еще можно объяснить, что я действительно протянул ему руку? Катодий внимательно посмотрел на нее. Помурлыкал трансформаторами, потом сказал:

— Вас, хозяин, ждет большое приключение и далекая поездка в высокие горы, и будет у вас много еврасов, если вы не развинтите своего верного старого Катодия.

— Довольно! — крикнул я. — Подай отвертку!

В этот момент из автоматического секретаря выпало твое письмо. Я перестал интересоваться Катодием. Наверно, он до сих пор так и стоит с отверткой в хватателях и ждет, когда я вернусь, чтобы разделаться с ним. Ну, и как бы ты на моем месте поступил с таким роботом?

Гарри взглянул на товарища, но Чуткое Ухо, казалось, был погружен в какой-то телепатический транс. Вдруг Кройс резко поднялся и направился к двери.

— Прости, старик, я на минутку выйду, — сказал он уже с порога. — Мне надо кое-что записать.

Время шло. Через час Гарри встал и начал прогуливаться по залу, заглянул в аквариум, в котором сонно плавала похожая на карпа рыба с зубастой пастью, потом принялся осматривать незнакомые приборы, которые ведали светом, цветом и изображениями, появляющимися на стенках и куполе зала. Следующий час тоже прошел в ожидании, Кройс не возвращался. В дверь просунулась голова какого-то ассистента, который спросил профессора и, получив в ответ злой взгляд, сопровождаемый пожатием плеч, немедленно исчез. Гарри присел к столику-бару и начал упорно нажимать на единственную кнопку, но хрустальная плита была по-прежнему пустой. Только стаканы из-под лимонада свидетельствовали о том, что из столика с помощью кнопки можно извлечь что-нибудь съедобное.

— Дьявольщина! — выругался наконец Гарри, все сильнее молотя по пластиковому ящику.

— Не держим, — мелодично отозвался столик. — Могу предложить буженину.

«Ах, вот оно что, — сообразил Гарри, — столику надо просто заказать блюдо, а он сам выберет на своем складе то, что надо. Никаких меню, программных карточек и тому подобного». Поняв принцип действия бара, Гарри спустя минуту уже поглощал обед с множеством закусок, запивая блюда различными винами. После сытного и вкусного обеда он вежливо принял к сведению туманные объяснения ассистентки, которая не очень убедительно говорила о каких-то срочных и чрезвычайно важных делах, задержавших профессора Кройса в дальней лаборатории. Она просила Гарри отдохнуть, показала библиотеку, фильмотеку и игровые автоматы, после чего, нажав несколько переключателей, обставила комнату удобной мебелью и скрылась за матовым стеклом двери. Гарри прочитал с экрана либриона несколько древних книжек, посмотрел какую-то видеонovelлу, потом романовизию и, не обнаружив в кассетах ни одного своего произведения, решил, что у Кройса плохой литературный вкус, после чего выключил аппарат. Остаток дня Гарри убил на игру с автоматами в «магический глаз». Наконец, соскучившись до крайности, заснул на пневматическом диване.

Ранним утром его разбудил настойчивый сигнал видеофона. С экрана глядел Кройс. Круги под глазами и несколько пообвисшие щеки свидетельствовали о том, что ученый проработал всю ночь.

— Едва добудился. — недовольно буркнул Кройс. — Уже битых пять минут нажимаю кнопку вызова, а ты ни гу-гу.

— Лучше скажи, куда ты исчез, — ядовито заметил Гарри. — Не очень-то прилично оставить гостя

одного, а самому испариться. Ты говорил, что вернешься через минуту...

Кройс не походил на раскаивающегося грешника.

— К сожалению, Гарри, я не располагаю свободным временем, — сказал он, сделав такой жест рукой, словно отгонял назойливую муху. — Что же касается «минуты», то должен сказать, что еще никто не определил точно ее продолжительности. Извини меня и располагайся как дома, отдыхай, осматривай институт, гуляй по долине. Я, к сожалению, не могу тебя сопровождать.

— Так на кой же ляд ты меня приглашал? — взорвался Гарри. — А?

Кройс задумался.

— Ну да, старик, я обязан тебе это объяснить, — неохотно сказал он наконец. — Ты был для меня катализатором биотоков мозга.

— Что-что?

— Хм, ты об этом не слышал. Катализатор биотоков мозга действует почти так же, как и обычный катализатор. Таким катализатором может быть какой-нибудь предмет или какой-нибудь человек.

— Значит, катализатор, — Гарри сжал кулаки и поднялся с дивана. — И я тащился сюда стратобусом, дисколетом, а потом вертолетом только ради того, чтобы ты через два часа сбежал от меня, предложил ознакомиться с твоим поганым институтом, а потом рассказывал по видеофону сказки... И все это потому, что я понадобился тебе как катализатор?

Гарри подошел к экрану и зло посмотрел на товарища. Он с удовольствием вспомнил, как когда-то тискал Чуткое Ухо на переменах, стоило только приглядывавшему за ними роботу отвести направленную антенну. Он охотно бы опять проделал сегодня эту

воспитательную операцию, но найти Кройса в трех многоэтажных зданиях института было практически невозможно.

— Не нервничай, Гарри, — сказал Кройс. — Это не высосано из пальца. Помнишь школьные времена? Уже тогда меня удивляло, какое влияние ты оказываешь на мои работы. Порой ты подсказывал мне такую чушь, что хотелось плакать, однако твой бред помогал мне найти нужное решение. В результате мои оценки были очень хорошими, а ты, как говорится, забивал гол в собственные ворота.

— Врешь, Чуткое Ухо, ну и врешь же ты! Я всегда подсказывал тебе правильно, и, не будь меня, ты не вылез бы из двоек.

— Тогда объясни, почему же ты сам с таким трудом окончил школу? Наверно, благодаря умело спрятаным феррокремниевым шпаргалкам! — издевался Кройс.

— Вот это-то и странно, — Гарри начал расхаживать по залу. Он был глубоко убежден, что давал Кройсу в школе хорошие советы, что его подсказки были правильными, о чем совершенно недвусмысленно говорили отметки этого болвана Чуткого Уха. Как же получалось, что сам он с трудом добивался удовлетворительных оценок? Ага, замечания Кройса приводили к тому, что в конце работы у Гарри возникали сомнения и он начинал исправлять и вычеркивать целые куски уже в последнюю минуту перед тем, как сдать работу. Зато, когда однажды Кройса случайно не оказалось, то...

— Понимаю! — крикнул Гарри. — Это не я твой катализатор, а ты мой! Вдобавок катализатор минусовый. Это из-за тебя я испоганил все контрольные работы. Ты действуешь на меня отрицательно, все

портишь. Взять хотя бы мое присутствие здесь. Приятную экскурсию и беседу ты тоже испортил, а сам наверняка что-то выгадал.

Кройс задумался.

— Хм, немного странно, но вполне возможно, — сказал он. — Ты для меня положительный катализатор, а я для тебя — отрицательный. Интересная связь, а одновременно еще одна новая тема для моих исследований.

— Я здесь не останусь ни минуты, Кройс, — холодно заметил Гарри, — поскольку из нашего разговора следует, что ты на моем присутствии выгадаешь ровно столько, сколько я потеряю. Но что ты, собственно говоря, выгадал, разговаривая со мной? Каковы результаты моего каталитического воздействия на твое гениальное мозговое вещество?

— Видишь ли, Гарри, ты появился как раз в тот момент, когда я совершенно отчаялся. Некоторые свои исследования я закончил успешно, другие зашли в тупик, а новые темы казались мне совершенно неинтересными, не стоящими труда и работы. Я слонялся по долине, по коридорам института, отлеживался на террасах в ожидании перелома, раздражителя, который опять придаст бы смысл моему существованию в этих стенах. При всем том я знал, что я не конченный человек, я чувствовал в себе огромные творческие возможности, но мне не доставало какой-то мелочи, которая дала бы начало этому лавинообразному процессу. И вот, читая книгу Брауна «Человек как катализатор», я подумал о тебе.

— Очень приятно, — прошипел Гарри, без особой нежности глядя на экран.

— Ты уже почти поверил в то, что твой Катодий зажил собственной, самостоятельной, разумной

жизнью и даже начинаешь его побаиваться. Мне же пришло в голову, что так называемая «усталость» металла и систем, из которых собрана эта машина, может вызывать определенные нарушения в функциях робота при одновременном сохранении общих законов логики, управляющих всей системой. В результате у меня возникла идея новой работы под условным названием «Влияние усталости металла и систем го-моида на поведение некоторых типов роботов». Я мог бы перечислить тебе еще несколько десятков других пришедших мне в голову мыслей, не так тесно связанных с нашей беседой, но мне жаль времени.

— Мне тоже, — персбил Гарри, — надеюсь, мы видимся в последний раз. Больше тебе не удастся использовать меня в роли катализатора.

— Обидно, — без особого сожаления вздохнул Кройс, — но, если ты на этом настаиваешь, я как-нибудь переживу. Сейчас у меня столько новых идей, что, пожалуй, хватит до конца жизни. Кстати, между прочим, не продашь ли ты мне своего Катодия? У меня есть немного еврасов на счету.

— Прекрасно. Пришлю его сразу же по возвращении. Думаю, он достаточно быстро отравит тебе жизнь. Хотя... — Гарри задумался. Если он был для Кройса катализатором положительным, а Кройс для него — отрицательным, то, продавая Катодия, он, пожалуй, сделал бы Кройсу услугу, а себе — наоборот. Значит, для него это была невыгодная сделка, правда, не известно почему. Гарри усмехнулся изображению на экране — о, нет, он был бы последним глупцом, если б, зная все, отдал Кройсу робота.

— Нет, я не продам тебе Катодия, — сладко сказал он. — Я не дам обжечь себя, антикатализатор ты мой, деструктор ты мой милый.

Кройс что-то недовольно проворчал, но тут же улыбнулся.

— Ну как хочешь, дорогой, как хочешь. Во всяком случае, сердечно благодарю за посещение, всегда можешь на меня рассчитывать...

— Прощай, — холодно сказал Гарри и вышел из кабинета, стены которого были расцвечены мрачным отсветом, дождем огненным, молниями фиолетовых электрических разрядов

На следующий день Гарри сидел в кресле и мрачно рассматривал из окна своего кабинета зеленую ленту Бульвара философов и небоскребы в центре города. Холодный компресс почти не охлаждал его разгоряченного лба, пустой флакончик из-под успокоительного свидетельствовал о том, что самочувствие Гарри оставляло желать много лучшего. По комнате слонялся Катодий, сыпал искрами, трещал, трясясь, словно эпилептик. Гарри на секунду оторвал взгляд от успокоительной зелени бульвара и с отвращением посмотрел на робота.

— Пошел в угол, железный гроб! — рявкнул он. — Эх ты, гадалка! Приключение! Еврасы! Где все это? Где?

— Нееее знааааю, хооозяинин, я действую безззз-ошибочно. Мнеее каажется, чтттто приккклююючение было и выыы были в гооорах.

Гарри запустил в Катодия флаконом, но промахнулся, и прозрачная трубочка покатилась в угол.

— Обманщик! Приключение! А ну, говори, откуда ты знал, что я поеду в горы?

— Когда-то вы вмонтировали в меня секретарскую систему, и она у меня сохранилась в рудимен-

тарном состоянии. Когда пришла телеграмма от Кройса, то, прежде чем этот болтливый ящик, имеваемый автоматическим секретарем, переписал телеграмму на соответствующий бланк, я уже знал ее содержание. А почему у вас нет еврасов — не понимаю. В институте изучения роботов должны были заинтересоваться моей исключительной личностью и купить меня у вас по меньшей мере за тысячу еврасов.

— Прочь с глаз моих! — крикнул Гарри.

— Ужжже идду, хоозаян, — затынул Катодий, — но моя исправность...

— Прочь!

Гарри опять погрузился в состояние апатии. Теперь он проклинал ту минуту, когда отказался продать робота. Да, Кройс-антикатализатор действовал безотказно, а он, как когда-то в школе, первую хорошую мысль испоганил рассуждениями и, как и раньше, страдал за это. Теперь, приняв таблетки, он ясно увидел совершенную ошибку. И хуже всего то, что Кройс об этом знал — его ехидная ухмылка, его «ну как хочешь, дорогой, как хочешь...» Теперь даже разобрать Катодия нельзя, потому что Чуткое Ухо узнает и будет торжествовать.

Гарри полпелся к холодильнику и вынул бутылку минеральной воды. Потягивая газированную жидкость, которая показалась ему чрезвычайно вкусной, он опять мысленно вернулся к последним минутам, проведенным в институте. Тогда, по пути к стоянке геликоптеров, он миновал группу ассистентов, окруживших робота-няньку. Светловолосая девушка как раз в этот момент вручала автомату термос с бульоном и калорийные булочки. Не без удовольствия Гарри подумал, что робот был довольно сильный, а Чуткое Ухо с детства не терпит булочек.

ЛОЖКА

— Что это? — спросили они.

Воспитательница с любопытством посмотрела на небольшой параболоид, оканчивающийся короткой, узкой, слегка выгнутой пластинкой. Металл, из которого был изготовлен этот несложный предмет, покрывала толстая пленка окисла.

— Ложка, — ответила она. — Где вы ее нашли?

— Среди камней. А что значит «ложка»?

— Приспособление, которым люди пользовались во время еды. С помощью ложки они брали различные вещества, так называемую «пищу», и вводили в ротовое отверстие.

Малыши столпились вокруг, с интересом слушая объяснения воспитательницы, которая рылась в памяти, старательно перебирая всю имевшуюся у нее на этот счет информацию.

— Невероятно сложный организм человека перерабатывал пищу, превращая ее в энергию, чтобы синтезировать израсходованные в процессе жизнедеятельности элементы. Это был весьма совершенный автоматический процесс. Ну, а теперь пора...

— Сколько лет может быть этой ложке?

— Надо бы сделать анализы. А так, на глаз, лет, вероятно, двести — двести пятьдесят... Не меньше двухсот. Ну, нам пора...

— Почему именно двести?

— Примерно в это время последние люди покинули нашу планету, и мы остались одни. Для нас это

был тяжелый период, хотя тогда мы еще не могли этого осознать. Нам грозила гибель, но мы перенесли все тяготы и начали совершенствоваться.

— А почему люди нас бросили?

— Здесь условия для них были слишком тяжелые, иные, чем на их родной планете. Они ни на минуту не могли снять специальных защитных скафандров, иначе бы их тела немедленно затвердели, а жидкость, циркулирующая в их жилах, тотчас бы застыла. Они были так слабы, что не могли передвигаться самостоятельно, без специальных аппаратов, приспособленных к тяготению нашей планеты.

На этом она хотела кончить, но они не отставали, засыпали ее вопросами:

— Зачем люди сюда прибыли?

— А что они здесь делали?

— Сколько времени тут были?

— Никто толком не знает, зачем они прибыли сюда, — ответила она, — видно, такая у них программа: постоянно летать на незнакомые планеты. Уже высадившись, они обнаружили в коре нашей планеты нужные им вещества. Люди стали добывать их и отсылать на Землю, несмотря на огромное расстояние. Переключитесь-ка на резерв.

Малыши переключились, а воспитательница, успокоенная тем, что у нее осталось еще немного времени, продолжала:

— Сами они не могли ничего делать и пользовались машинами. Вначале привезли несколько штук с Земли. Это были очень неуклюжие и малопригодные в наших условиях модели, с их помощью люди уже на месте изготовили прототипы более совершенных приспособлений, которые могли реализовать нужные про-

граммы без надзора со стороны людей и создавать из местных материалов автоматы.

— «Прадеды», — догадались они.

— Нет еще. Эпоха прадедов началась позже, когда люди решили усовершенствовать механизмы, чтобы те могли самостоятельно вырабатывать программу действий и выполнять ее без чьей-либо помощи. Общие распоряжения должны были передаваться с Земли по радио. Вскоре ученым Земли удалось синтезировать на своей планете вещества, которые раньше они добывали здесь. Тогда они отказались от своего проекта и бросили нас на произвол судьбы.

— Ну, а дальше?

— Сами знаете: мы не погибли, а начали размножаться, приспособились к новым условиям. Мы совершенствуемся и изменяемся. Это дает массу преимуществ. Например, раньше у нас не было никаких запасов, и мы были вынуждены очень точно выдерживать сроки зарядки. Ну, нам пора.

Подмигивая сигнальными огоньками и скрипя металлическими гусеницами, детишки двинулись к базе, чтобы пополнить израсходованные запасы радиоактивного лития. Среди камней осталась только забытая ложка — немой свидетель тех времен, когда на далеком от Земли Юпитере люди положили начало расе Автоматических Существ.

МЕТОД ДОКТОРА КВИНА

Мотор понемногу сбавлял обороты, и водолет тяжело опустился на поверхность океана. В наступившей тишине стал слышен приглушенный стенками каюты плеск волн, бьющих о борт. Сато принялся маневрировать, стараясь поставить лодку носом к берегу. Буркнул моторчик, приводящий в движение подводный винт. Нос водолета медленно пополз по мелководью к песчаному пляжу, ритмично поднимаясь под ударами коротких волн.

— Хватит, Сато! — сказал я, когда плоское дно водолета зашуршало о песок.

Я снял ботинки и, подвернув штанины, вышел из каюты. Быстро пересек залитую солнцем раскаленную палубу. Вода показалась холодной, хотя в действительности здесь, на мелководье, она была не холоднее немного остывшего бульона.

Я оглянулся. Сато махнул рукой и запустил мотор. Водолет вперед кормой сполз с отмели, потом медленно развернулся носом в сторону моря. Взыл основной двигатель, лопасти дрогнули и слились в серебристое кольцо. Лодка резко рванулась вперед и, молниеносно набирая скорость, помчалась, почти не касаясь воды.

Я вышел на берег и уселся, чтобы надеть ботинки. Прежде чем я успел это сделать, шум двигателя слился с шумом ветра и моря, а водолет исчез за белыми гребнями волн. Было уже довольно поздно, но

жара стояла страшная. Лишь резкие порывы ветра со стороны океана немного смягчали ее.

Я почувствовал себя одиноким... вот сейчас, здесь, на этом изолированном островке в южной части Тихого океана! Но ведь он не был необитаемым! После многих лет плавания в пустоте ощущение одиночества казалось по меньшей мере странным... Там, на «Тритоне», нас было восемнадцать... вначале... а потом одиннадцать, но наше одиночество — одиночество в космическом корабле — было не таким, как это. Там, в пустоте, мы были затерявшимися атомами материи, изолированными единицами, нас было слишком мало, каждый что-то значил, у каждого было свое место... А здесь, окруженные множеством людей, мы сразу стали какими-то безликими, неуклюжими... За несколько десятков лет, пока длился полет, мы просто отстали в развитии. Первые дни мы в какой-то мере были сенсацией — еще одна из старых межзвездных экспедиций, вернувшаяся на Землю. Не первая и не последняя, одна из многих.

Я встал, стряхнул с костюма белые зернышки песка. В нескольких метрах от берега начинались заросли. Двигаясь вдоль опушки, я обнаружил заросшую травой тропинку и пошел по ней, отстраняя бьющие по лицу ветки.

«Это должно быть недалеко», — подумал я.

Заросли неожиданно поределели, перейдя в довольно запущенный сад. В глубине, освещенная косыми лучами солнца, белела стена дома. Дом был двухэтажный, построенный в каком-то странном архаичном стиле. Он напоминал миниатюрный дворец конца второго тысячелетия. В центре фронтальной стены виднелся удивительный портал с большими двустворчатыми дверями. Такие строения сейчас уже почти нигде

не встречаются. Однако это как мне показалось, было построено недавно...

Правда, меня предупредили, что здесь не найдешь современной техники и цивилизации, но я не думал, что все это будет настолько уж старомодным!

— Это особое заведение, санаторий, своего рода «психический карантин», — сказал вчера полковник. — Люди, которых ты там застанешь, были направлены на лечение в связи с нервно-психическими расстройствами — по большей части из-за долгого пребывания в пустоте, слишком сильных переживаний в космосе или на одиноких спутниках...

Отрыв от современности плюс соответствующая терапия — единственный способ помочь этим жертвам нашей шумной цивилизации. Метод доктора Квина, руководящего лечебницей с момента ее создания, основывается именно на отрыве пациента от явлений современной жизни. Таким образом Квин изолирует его от той почвы, на которой возникли нарушения психического равновесия.

Метод дает удовлетворительные результаты в шестидесяти случаях из ста. За время существования лечебницы многие пациенты выздоровели. Тех же, кто не подает надежд на выздоровление, через два-три года отсылают в специальные заведения. Люди, которых ты застанешь в лечебнице, это, к сожалению, те, у кого психические изменения стали необратимыми.

Идя по аллейке к дому, я вспомнил эти слова полковника. Мне показалось, что в некоторых окнах на втором этаже я вижу лица. Вероятно, шум мотора пробудил любопытство пациентов. Они должны здесь здорово скучать, и каждый новый человек для них — развлечение.

Предчувствие меня не обмануло: из боковой аллеи навстречу мне вышел высокий рыжеватый блондин. Ему было самое большое тридцать.

— Привет! — сказал он свободно, словно знал меня. — Вы к нам... один... без сопровождающего?

«Пожалуй, мы совершили ошибку, — подумал я. — Сато должен был проводить меня сюда».

Однако лицо рыжего выражало не удивление, а скорее удовлетворение.

— Добрый день, — сказал я, подавая ему руку. — Как видите, один...

— Значит, — обрадовался он, — только для профилактики, не так ли? — тут он прищурил один глаз и конфиденциально взял меня под руку. — Как и я. Простите, меня зовут Линдгард, Оле Линдгард.

Он шел рядом и явно не намеревался отставать.

— Игорь Крайс, — неохотно сказал я.

Оле резко остановился, потом одним прыжком догнал меня.

— Крайс? С «Тритона»? Очень рад с вами познакомиться! Вы вернулись, кажется, неделю назад? Верно?

— Точнее, вот уже десять дней. — Я был удивлен. — Откуда вы знаете? Мне говорили, что сюда не доходят сведения о текущих событиях.

— Э-э-э, не надо преувеличивать, Крайс! — Оле надул губы и покровительственно улыбнулся. — Не всему, что там говорят о лечебнице, надо так уж сразу и верить. Кое-что до нас доходит. Иначе тут помрешь со скуки! Только, — добавил он, серьезно взглянув на меня, — не вздумайте сказать об этом Квину. Он убежден, что это нарушает процесс лечения. Глупости. Кроме меня, здесь больше нет таких... профилактических. Одни *необратимые*, понимаете? Отсидживают

положенный срок. Ничего не получится. В голове у них сущий кавардак... Бедняги!

— А ты вернулся на «Тритоне», — продолжал он после минутного молчания, переходя на «ты». — Прекрасно. Наконец-то я узнаю из первых рук, как все было в действительности. По радио не сообщают никаких подробностей, а меня это в какой-то степени интересует. Давненько здесь не было такого... *трансстеллярного*, как ты... Ты был вторым пилотом, да?

Он трещал без умолку, петляя вокруг меня, появляясь то с левой, то с правой стороны, то преграждая мне дорогу. Он не переставал болтать, даже когда мы оказались в холле.

— Кабинет шефа здесь, — он услужливо показал мне на первую дверь с левой стороны. — Когда освободишься, зайди в читальню, поболтаем. Я тебя введу в курс наших дел...

Он ушел, а я облегченно вздохнул. Его болтовня — вообще-то полезный источник нужных сведений — мешала мне собраться с мыслями перед разговором с доктором.

Я тихонько постучал и толкнул дверь. В комнате за большим старомодным столом сидел лысеющий мужчина. На носу у него были очки в проволочной оправе, немного перекошенные. Он взглянул поверх стекла, дружески улыбнулся в ответ на мое «добрый день» и, указав на стул, произнес:

— Приветствую вас, Крайс, на острове Оор. Меня зовут Квин.

Именно таким я его себе и представлял, хотя мне описали его буквально в двух словах. Это был действительно седенький докторишко из старого фильма...

— Вы вернулись с шестьдесят первой Лебеда, — сказал он, заглянув в бумажку, лежавшую на столе. —

Наблюдения за психическим состоянием показали... Так... Мои коллеги из космеда считают, что ничего серьезного. Вам знакомы симптомы этой болезни? Да, здесь сказано, что вы информированы... И часто это повторяется?

— На обратном пути было несколько раз с интервалом в шесть-семь дней. На Земле — один раз. Очень неприятное ощущение, доктор: просыпаешься и совершенно не знаешь, кто ты и где. Иногда это длится по несколько часов.

— Так, так... — буркнул Квин. — Это тоже здесь написано. Прошу пройти со мной.

Он встал, открыл дверь в смежную комнату и пропустил меня вперед. Оказалось, что он едва доходит мне до плеча. Комната, в которую мы вошли, была, вероятно, процедурной. В центре стоял большой стол с множеством банок, колб и медицинских инструментов. Все это выглядело гротескно, словно реквизит для «Фауста». Да и вообще все вокруг, вся эта странная лечебница отдавала какой-то неправдоподобностью, анахронизмом. Просто трудно было поверить, что эта древность упорно сопротивляется течению времени и остается в окружении действительности XXIII века. Уже с первых минут я чувствовал себя, как человек, перенесенный в далекое прошлое. Я попытался представить себе, к каким последствиям практически может привести метод доктора Квина, и пришел к неутешительному выводу, что здесь можно не столько избавиться от вредного воздействия общественных процессов и научных открытий на неустойчивую психику, сколько усомниться в реальности XXIII века...

Квин прервал мои размышления.

— Я вижу, вы изумлены, — заметил он. — Нормальная реакция. Вы спрашиваете себя, каким образом

я в лечебнице ухитряюсь сделать больше, чем мои коллеги в космеди. Так вот, в этом нет ничего загадочного. Я располагаю новейшим оборудованием, но скрываю его от глаз пациента. Практика показала, что все эти цефалекторы, конфликтографы и так далее неблагоприятно действуют на ход лечения. Все должно гармонировать с окружением... Как видите, у нас здесь довольно порядочная путаница в отношении стилей и эпох, однако я стараюсь не выходить за рамки XIX века... разумеется, я имею в виду внешнюю сторону дела. То, что в основном вы встретите здесь XIX век, лишь следствие моих личных пристрастий... Я люблю те времена. Это был действительно последний период относительного спокойствия в истории человечества. XX век со своими войнами и бурным развитием точных наук и техники — уже совсем другая эпоха, хотя сейчас и это столетие кажется нам тихим по сравнению с новейшим временем...

Говоря это, Квин усадил меня в мягкое кресло и опутал мою голову сетью электродов и проводов. Некоторое время он наблюдал за скрытым от моих глаз экраном, потом встал передо мной, едва заметно улыбаясь.

— Собственно... все в норме. Я не заметил даже того «нарушения холостых ритмов», о которых пишут в диагнозе... Зато я обнаружил нечто, соответствующее, пожалуй... чему же? словно вы не уверены сами в себе... Знаете, это можно интерпретировать по-разному. Дополнительные исследования и наблюдения со временем помогут это выяснить. А сейчас пройдите в пятнадцатую комнату, я распорядился приготовить ее для вас. Там вы найдете распорядок дня и план дома. Если вам будет скучно, можете воспользоваться библиотекой... Нет, нет, — улыбнулся он, предупреждая

дая мой вопрос. — Книги здесь самые разные, не только XIX века. Это, понимаете ли, совсем другое дело... Текст действует на пациента иначе, чем слуховые и зрительные раздражения. Воображение работает на базе внутренних ощущений... Впрочем, — тут он снова улыбнулся, — простите, это чересчур профессиональные вопросы, я наверняка вам наскучил.

Выходя из комнаты, я пересек кабинет. Кроме столика, здесь было несколько громоздких стеллажей, заполненных книгами и скоросшивателями. На одном из стеллажей стояла статуя, изображающая атлета. На другом — мраморные каминные часы с золотой инкрустацией. Доктор был не только любителем, но и знатоком старины. Для меня все эти предметы были попросту старинными (хотя сам я родился почти сотню лет назад). А для Квина это были еще и различные стили...

Поднимаясь на второй этаж по широким деревянным ступеням, скрипевшим и прогибавшимся под ногами, я пытался отгадать, что из собранного здесь является настоящей древностью, а что — подражанием: перила лестницы, изъеденные древоточцем, медные угольники на ступенях, висящие на стенах копии — а может, оригиналы? — картин, выполненных маслом, — все в мелких трещинках.

Ведь дом едва ли стоит здесь десяток лет! — с удивлением подумал я. — А может, это ошибка? Может, он действительно старый? Мода не раз возвращалась к антикам. Очередной возврат к древности произошел за последние годы перед моим отлетом. Появилось множество отличных имитаций, старая мебель, выцветшие гобелены. Одновременно с развитием техники копирования исчезла разница между копией и оригиналом...»

До сих пор у меня не было времени заняться историей здешней лечебницы. Все произошло так неожиданно...

«Крайс, ты на нас просто с неба свалился!» — сказал полковник, когда после медицинской проверки я пришел к нему. Полковника — так уж получилось — я знал еще до своего полета в космос. Тогда он был юнцом-пилотом первого года. Теперь ему было под шестьдесят. Видимо, он тоже летал, но на более короткие дистанции, чем я... Я «сэкономил» по сравнению с ним двадцать с лишним лет жизни. Впрочем, времени на воспоминания не было. Мы сразу же приступили к сути дела.

«Ты подходишь по всем статьям, — сказал полковник. — Ситуация такова...»

Он говорил битый час, но, если бы даже продолжал еще, я бы не стал от этого умней.

«Дело деликатное и нельзя сказать, чтоб безопасное», — так выразился он. А я после возвращения из дьявольски далекой и опасной межзвездной экспедиции согласился участвовать в предложенной операции. Вообще-то мне полагался отдых за счет Космоцентра, я свои парсеки отлетал, а годы до пенсии засчитываются по земному времени. Однако, когда я представил себя в роли сорокалетнего пенсионера, мне стало дурно. Я чувствовал себя виноватым перед бывшими ровесниками. Им теперь было под девяносто; неловко думать, что я обманул самое время... И я решил, что не воспользуюсь заслуженными привилегиями и не уйду из Космоцентра.

Правда, я опасался за свои знания, соответствующие уровню прошлого века, но, когда полковник ре-

шил, что для проведения операции, получившей условное наименование «Санаторий», не годится никто, кроме меня, я сразу же ухватился за эту возможность.

* *

В комнате на втором этаже я нашел приготовленную для меня одежду и домашние туфли. Комната была большая, с двумя высокими окнами. У стены стояла широкая кровать, посредине стол и два стула. Меблировку дополнял огромный, неизвестно зачем стоящий здесь шкаф — ведь пациенты прибывали сюда без личных вещей.

На столе лежал план дома, рядом — распорядок дня с указанием времени еды. Я взглянул на часы. Приближалось к пяти, до второго завтрака оставался целый час. Тяжело вздохнув, я решил спуститься в библиотеку.

По данным, полученным от полковника, в санатории было только пять пациентов. Это значительно облегчало мою задачу. В изолированной от мира группе людей я должен был найти одного человека. Правда, любой из этой пятерки мог оказаться тем, кто нас интересует.

Имена всех пятерых вместе с краткой историей их болезни были записаны у меня на нескольких кадрах микроплёнки. Но, следуя совету полковника, я решил не заглядывать в записки до тех пор, пока не составлю собственного мнения о каждом в отдельности.

В коридоре первого этажа я встретил двух высоких мужчин в белых халатах — вероятно, санитаров. Они взглянули на меня и вежливо поклонились.

В библиотеке массивные полки вдоль стен были заставлены книгами. Несколько кресел с высокими

спинками, два столика, на которых стояли небольшие лампы — электрические, но имитирующие керосиновые. Все, вместе взятое, создавало настроение сосредоточенности и покоя, но был тут и налет архаичности.

Это мне напоминало старую аптеку, виденную в каком-то фильме: на полках здесь виднелись белые таблички, с той только разницей, что вместо привычных названий лекарств на них были написаны названия разделов.

Оле сидел напротив входа. Кроме него, в комнате было три человека: полный мужчина с тремя подбородками, раскинувшийся в инвалидной коляске, и еще двое, стоящие за спинками кресел в углу. На мой приход прореагировал только Оле. Он подошел ко мне и, взяв меня под руку, подвел к толстому человеку в коляске.

— Игорь Крайс — Энор Асвиц, — представил он нас друг другу и, когда мы обменялись рукопожатиями, добавил: — Игорь только что вернулся из сектора Лебеда!

Я заметил, как в глазах Асвица мелькнул злорадный огонек. Оле тут же сел, словно предчувствуя, что сейчас произойдет.

Асвиц, до сих пор безразличный и неподвижный, вдруг весь напрягся и быстро перегнулся через поручень коляски в мою сторону. Накидка с его ног соскользнула на пол, и я увидел, что обе ноги у него ампутированы выше колен.

— Так это вы... Вы вернулись с 61-й Лебеда? Все складывается как нельзя лучше! Вы позволите задать вам несколько вопросов? Это для меня чрезвычайно важно. Пожалуйста, выслушайте меня внимательно...

Он нервным движением пухлых рук поставил коляску так, чтобы быть напротив меня.

— Возможно, вы удивитесь... но я хотел бы знать... там... в пустоте, вы не приняли никаких... сигналов неизвестного происхождения? — Асвиц говорил все быстрее. — Я знаю, все, что принимает антенна, регистрируется... Именно на это я и рассчитываю. Не знаете ли вы что-нибудь о таких сигналах? Ну, вы понимаете? Таких, которые были посланы не...людьми?

Никто, к счастью, не заметил того волнения, которое я не сумел скрыть при этих словах.

— О каких сигналах вы говорите? — спросил я как можно равнодушнее. — Вы имеете в виду радиопомехи?

— Ах, нет, нет! — он нетерпеливо махнул рукой. — Я говорю о сигналах, настоящих регулярных сигналах, может быть, даже деформированных, но закономерных, серийных...

«Нет, — подумал я, — это не может быть тот, кто мне нужен. Глупости!»

— К сожалению, должен вас разочаровать, — вслух сказал я. — Ничего подобного мы не зарегистрировали ни в полете, ни в системе 61-й. А вас интересует контакт с другими цивилизациями? Чрезвычайно увлекательно, но, признайтесь, все это довольно безнадежно! Вы же знаете, кроме той примитивной «цивилизации» — если ее так можно назвать — на одной из планет системы Лаланд-21185...

— Вы ошибаетесь! — Асвиц быстро прервал меня резким и не допускающим возражения тоном. — Все вы ошибаетесь. Но в этом не виноваты ни наблюдатели, ни научные станции. Иначе и быть не может. Однако я имею в виду другое. У меня есть личные причины интересоваться сигналами из космоса...

Энор замолчал, прикрыл глаза и, казалось, погрузился в дрему.

Тайнственные сигналы из космоса... У меня тоже были причины интересоваться ими.

Да, такие сигналы были. Я солгал, говоря, что ничего о них не знаю. Только поймал их не «Тритон» и не межзвездные корабли. Совершенно случайно их засек один из автоматических спутников, измерительная станция, в задачу которой входила регистрация плотности космического излучения.

Это был концентрированный поток электромагнитной энергии с длиной волны жесткого гамма-излучения. Будь это обычный поток фотонов, его сочли бы за один из потоков галактической радиации и, как таковой, зарегистрировали бы в архиве службы контроля радиоактивности. Но, как подметил один из сотрудников Корада, у этого потока были все признаки модуляции! Детальный анализ показал, что это действительно сложная модуляция по неизвестному коду...

После того как установили направление пучка, удалось предположительно определить район его падения: несущий нерасшифрованные сигналы пучок излучения фокусировался в южной части Тихого океана, образуя на поверхности Земли «пятно» диаметром в несколько десятков километров!

Без всякого труда установили, что в момент приема сигналов ни один из земных космических кораблей не находился в этом секторе неба, ни один искусственный спутник не пролетал над этим районом океана. Впрочем, ни один объект земного происхождения и не мог быть источником такого рода излучения. Мы еще не научились этого делать.

Поэтому оставалось единственное объяснение: сигналы шли из глубин космоса.

Ближайшим небесным телом, лежащим в «подозрительном» направлении, оказалась небольшая крас-

ная звезда, обозначенная в каталогах как Лакайль-9352. Поскольку расстояние до нее превышает десять световых лет, трудно было представить себе устройство, дающее такой мощный поток излучения. Лучшие из земных лазеров давали концентрацию на несколько порядков ниже. При этом не следует забывать, что речь шла о гамма-излучении!

Кроме того — как известно со времен экспедиции Ламбе, — в системе этой звезды, включающей три небольшие планеты, не существует каких-либо форм органической жизни, не говоря уж о цивилизации!

Следующей звездой, лежащей примерно в том же направлении, был гигант Фомальгаут. До него еще не добирались наши экспедиции — он слишком далек от Земли. Поэтому он еще меньше, чем Лакайль, мог быть связан с полученными сигналами.

Впрочем, не было бы никакого повода создавать в Космоцентре вокруг этого дела столько шума, если бы не то обстоятельство, что в районе Тихого океана, на который был направлен пучок сигналов, был только один-единственный островок, на котором находилась лечебница доктора Квина...

Сигналов из космоса ждали столетиями. А теперь, когда такие сигналы пришли, они были явно адресованы не человечеству... Во всяком случае, не всему человечеству!

Кто же, однако, мог быть таинственным адресатом, знакомым или, может, эмиссаром неизвестных существ из космоса?

Из фактов сама собой выросла соблазнительная гипотеза: на острове, в заведении Квина, находились люди, у которых в прежней жизни были контакты с космосом. Не исключено, что кто-то из пациентов во время полета за пределы Солнечной системы

столкнулся с какими-то чужими существами, которые сделали его — с его ведома или же без этого — своим шпионом, диверсантом или, может, просто лишь наблюдателем в человеческом обществе. Такая гипотеза давала объяснение природе сигналов: они были информацией, предназначенной именно для этого человека, или попросту импульсом, с помощью которого осуществляли управление его поведением.

Гипотеза была довольно шаткой. Положение источника сигналов, как и роль того таинственного земного адресата, которым был гипотетический получатель сигналов, еще надо было установить. Пока же следовало выяснить, что делается в лечебнице и не ведет ли себя подозрительно кто-либо из ее обитателей...

Вот с какой целью я приехал на остров. В мою задачу, секретную до такой степени, что о ней, кроме меня, знали только трое, входило отыскание *этого* человека.

Так как я только-только вернулся из межзвездного полета, я мог приехать сюда, не возбуждая подозрений, как обычный больной, с историей болезни, соответствующим образом отредактированной космическими врачами-психиатрами.

Кто из пациентов ведет себя подозрительно — легко сказать! Но отыскать его среди людей, у которых в той или иной степени нарушена память или психическое равновесие, — это была задача почти безнадежная.

Основным условием успеха моей миссии была, разумеется, осторожность и осмотрительность. Непосвященный не должен был догадаться, что таинственные сигналы перестали быть тайной. Именно это было самое трудное.

Асвиц не спал. Немного посидев, он открыл глаза и буркнул:

— Да... у меня есть личные причины интересоваться сигналами из космоса.

— Что же это за причины? — как бы невзначай спросил я.

— О, это долгая история, — сказал он, меланхолично щурясь и поудобнее устраиваясь в коляске.

Не обращая внимания на ироническую улыбку Линдгарда, я притворился живо заинтересованным.

— Вы знаете, почему у меня нет ног? — тихо начал Энор. — Нет, наверно, не знаете, откуда же вам знать... Это было на Луне. База «Селена-2».

— Но... — вырвалось у меня, — «Селену-2» ликвидировали семьдесят лет назад!

— Ну и что? — Энор посмотрел на меня с сожалением. — Я был там еще в две тысячи третьем!

— Ах, так вы летали к звездам?

— Ну, летал — не летал... В некотором смысле! — он захохотал, так что три его подбородка задрожали. — В некотором, в некотором смысле, — повторил он, как бы наслаждаясь звучанием этих слов. — Слушайте. Я работал на «Селене» с самого начала. Начальником связи, ясно? В то время это еще был ужасный примитив. Все тогдашние радиотелескопы — смешно сказать... Но в две тысячи третьем... меня похитили! Здесь, в нашей системе, в то время находился космический корабль с Денеба, с Альфы Лебеда!

— Что-то не припоминаю, — холодно заметил я. — В две тысячи сто тридцать втором я изучал космику у Чианти в Риме. Нам ничего не говорили об этом посещении!

— Эх, Крайс! — Энор недовольно поморщился. — Вы же знаете, какое это было время: смешные радиотелескопы, совершенно слепые на гравивектор объединенного триполя... Они не обнаружили ничего. Денебьяне прислали разведку на Луну, похитили меня и забрали с собой!

— На Денеб?

— Ну, а куда же еще? Разумеется, в систему Денеба!

— А потом? Отвезли обратно?

— Не совсем так. На Луне они предварительно оставили воспроизводящее устройство, а меня... ретранслировали! Понимаете? Разложенного на импульсы, на волновые ряды, переслали на Луну, а приемник воспроизвел мою материальную оболочку. Только, как видите, это не совсем получилось. Наверно, часть волн рассеялась, отразилась или что-то в этом роде. И меня восстановили некомплектно... Мои ноги... блуждают где-то там, в пространстве... Если бы я мог полететь на Луну... Ведь их устройство должно быть еще там, они укрыли его в скальной расщелине на склоне Гиппарха... Они наверняка разберутся что к чему и дошлют недостающие части моей волносхемы! Конечно, они это сделают, обязаны сделать!

Лицо Энора налилось кровью, глаза покраснели, он задыхался.

— Я просил, — кричал он, — я всех просил: будьте внимательны, регистрируйте сигналы! Они наверняка кружат где-то в пустоте, они заблудились... Отражаются от планет, меняют свое направление в туманностях, мечутся между ветвями галактик... Зарегистрировать, зарегистрировать, потом воспроизвести... и я снова смогу ходить...

Он сбился на беспорядочные выкрики. Если вначале все, что он говорил, имело какую-то видимость правдоподобия, то сейчас он совершенно явно бредил. Я взглянул на Оле, но тот сидел невозмутимо и только покачивал головой.

Через несколько минут Энор успокоился. Он в бессилии откинулся на спинку коляски, потом сделал несколько глубоких вдохов и бросил на меня более осознанный взгляд. Хотя его вспухшая физиономия производила отталкивающее впечатление, трудно было не посочувствовать этому бедолаге, физический недостаток которого породил такие маниакальные иллюзии...

— Асвиц, — мягко начал я, — а вы не пытались воспользоваться протезами? Ведь есть отличные протезы, управляемые биотоками.

— Глупости! — резко оборвал он меня. — Ни один протез не заменит ног!

— Пожалуй, вы правы! — согласился я. — Ну, а... пластическая и регенерационная хирургия... кажется, сейчас она уже способна...

— Воспроизвести? — он захохотал. — Верно, мне предлагали. Я не согласился.

— Почему?

— Ну, подумайте: допустим, я соглашусь. Мне воспроизведут ноги. А что если именно в этот момент денебьяне перешлют мне мои собственные? А они наверняка сделают это рано или поздно... они могут это сделать. И должны, обязаны. Все это по их вине. Они должны были сразу послать дублированную серию, а не единичный ряд импульсов! Подумайте, Крайс! Если я дам себе воспроизвести ноги, а они перешлют мне мои собственные... что же получится? — тут Энор зашелся язвительным смехом. — На кой ляд мне *четыре*

ноги, Крайс, ну, на кой? Я что, корова? Или собака? Вы же сами видите, что нет!

Пораженный железной логикой сумасшедшего, я молча смотрел, как, задыхаясь от спазматического смеха, он откатывает свою коляску к выходу. Его хохот еще долго гремел в пустом коридоре.

Оле взглянул на меня и многозначительно постучал себя по лбу. С кресла в углу поднялся какой-то маленький невзрачный челдвечек. Он шел к двери, но, проходя мимо меня, как бы что-то вспомнил, резко остановился и повернулся ко мне.

— Энор опять плетет свое, — сказал он приглушенным голосом. — Не верьте, Крайс, не верьте ни единому слову. У него все в голове перепуталось после того несчастного случая. Время от времени он начинает бредить, а я-то лучше знаю, что никаких разумных существ, никакой цивилизации в системе Денеба нет! Все это ерунда и вымысел! Четыре безжизненные планеты, большие, как остывшие солнца, на которых тяготение расплющило бы человека в лепешку...

— А вы откуда это знаете? — удивился я.

— Знаю, — сказал он решительно и твердо, потом добавил, протягивая мне маленькую руку, — Ансат Четвертый Квандр. Это мое имя. Кроме того — сайн-тор космогнозии... Это ученое звание. Вы удивлены? Но меня не удивляет ваше удивление. Не стану вам объяснять. Простите, но это бессмысленно. Все равно вы не поверите и... не поймете... Это вне вашей компетенции. Это все равно, как если б вы — простите — захотели объяснить троглодиту дифференциальное исчисление; я бы даже сказал — обезьяне общую теорию относительности. Да, пожалуй, я хорошо ухватил дистанцию, разделяющую нас. Простите...

Сказав это, он поклонился и вышел из библиотеки.

— Не обольщайся. Тебя не минует история жизни этого кретина, — буркнул Оле. — Рано или поздно он рассказывает ее каждому.

— И тебе?

— Конечно. Я сижу здесь шесть месяцев, а он не меньше года!

— И что же он рассказывает?

— Он переплюнул Энора. «Ансат Четвертый Кваиндр» — надо же придумать! — фыркнул Оле. — Да и все остальное тоже из пальца высосано. Он утверждает, что попал сюда из будущего! Принимал участие — как он говорит — в межгалактической экспедиции, которая отправилась с Земли в двадцать шестом веке! Через триста лет, понимаешь? Рассказывает, попал в область какого-то «отрицательного времени»... нет, он называет это «изолированной сферой антивремени»... мудрено, а? Ну, и вместо того, чтобы занести в двадцать шестой, его отбросило, и он причалил в двадцать третьем. Полнейший абсурд, скажешь, нет?

— Ну, а... в действительности кто он?

— Довольно мутное дельце... — заколебавшись, ответил Оле. — Он прилетел на Землю с каким-то кораблем. А этого корабля не оказалось в списках. Видимо, ракета была слишком старой, давно отправленной... Знаешь, какой хаос царил в те времена. Каждый центр, каждое, даже самое маленькое государство считало главной целью и делом чести послать к звездам собственную экспедицию. Архивы тех времен — одна огромная свалка. Видимо, потерялись документы экспедиции, а на самом корабле не обнаружили никаких данных, которые могли бы помочь установить личность пилота. Вероятно, этот сумасшедший их уничтожил. Его товарищи погибли где-то в

пустоте, а он один пролежал в анабиозе черт знает сколько времени, потом проснулся и свихнулся от тоски.

— Значит, он утверждает, — сказал я, — что его экспедиция только еще отправится... через триста лет?

— Вот именно. И страшно сокрушается по поводу того, что попал в петлю времени: через несколько лет он умрет, потом опять родится в двадцать шестом веке, чтобы снова начать свое путешествие с уже известным результатом. И так без конца.

— Признаться, оригинальная идея.

— О, да. Им в головы всегда приходят оригинальные идеи. И не выбьешь! Вот к чему приводит одиночество в космосе...

Мы долго молчали.

— А ты, Оле? — наконец осторожно спросил я. — Ты тоже летал?

— Немножко. Но на ближние расстояния. Практика, потом экзаменационные полеты. Вот и все. На том и кончилось. Но моя история несколько не похожа на фантастические рассказы наших бедолаг. Она совершенно правдивая, поэтому не такая сенсационная и красочная... Просто у меня был шок, а теперь я прихожу в норму, вот и все... Врачи говорят, что я снова смогу летать в Патруле. Нуднейшая работа, но что делать, коли межзвездные экспедиции отправляются так редко! Сейчас, кроме обычных межпланетных рейсов, которые еще скучнее, это единственная возможность летать. Если хочешь, я расскажу, как оказался здесь. Моя история короткая и простенькая...

Я сказал, что охотно послушаю. Линдгард кивнул, уселся поудобнее в кресле и начал бесцветным, глухим голосом:

— Я был уже на третьем курсе, когда меня назначили на «Краб», небольшой, двухместный патрульный корабль среднего радиуса действия. Надо было налетать сколько-то там астрономических единиц, потом сдаешь экзамен и получаешь право на самостоятельные полеты.

Со своим инструктором я познакомился только в кабине «Краба».

Он сидел в правом кресле. Здороваясь, протянул мне руку. Голос у него был приятный, ровный и звучный. Вот и все, что я мог сказать о нем после первого полета. Просторный скафандр и большой шар шлема на голове совершенно скрывали его тело — впрочем, я был одет так же, как и он.

Он был идеальным командиром и пилотом с недюжинными способностями. Это бросилось в глаза при первых же сложных маневрах даже мне, новичку.

Все время, пока мы с ним вели корабль, его руки мягко лежали на дублирующих рычагах. Однако каждое мое движение вызывало немедленную реакцию этих с виду неуклюжих, затянутых в толстые перчатки рук. Иногда мне казалось, что он предвидит мои ошибки и исправляет прежде, чем я успеваю их сделать. Это было необычно, и только после нескольких маневров я смог к этому привыкнуть. В его непалящем присутствии у меня появлялось ощущение, что мы на сто процентов гарантированы от несчастного случая. Даже когда он неподвижно сидел в кресле и вроде бы спал, я всегда чувствовал себя в безопасности. Порой мне казалось, что он не засыпает никогда или очень чутко дремлет. Едва уловимая дрожь кабины, едва слышный стрекот пылелокатора — и он немедленно просыпался.

Я никогда не видел его за едой и думал, что он ест, когда я сплю. Первый наш совместный рейс длился две недели. Потом мы отправились к поясу астероидов — там я должен был показать свои навигаторские способности. Программа экзамена предусматривала посадку на Церере, демонтаж одного из топливных баков, потом еще несколько тестов в условиях ограниченной связи.

Все это я проделал с неожиданной легкостью. Присутствие командира действовало на меня успокаивающе. Пожалуй, я не совершил ни одной ошибки. Когда мы вышли на обратный курс, он только сказал: «Ты сдал». Я был благодарен ему за то, что он всегда был таким сдержанным — по отношению и к моим ошибкам и к моим успехам.

Я никогда не видел его без скафандра или вне кабины ракеты. Если я выходил из ракеты после рейса, он всегда оставался, проверяя какие-то записи в бортжурнале. Его педантизм и скрупулезность были поразительны.

Когда мы после сданного экзамена уже знакомым и облетанным курсом возвращались к Земле, я подумал, что мне с ним век не сравняться. Мне даже пришло в голову, что молодым пилотам не следует давать таких инструкторов. При подобном менторе совершенно теряешь ощущение собственной значимости, зато приобретаешь уверенность, что, пока он в ракете, с тобой ничего не случится...

Однажды, когда ракета по-прежнему, как на поводке, шла к Земле и все было в полном порядке, я предложил ему, как обычно в таких случаях, сыграть партию в шахматы. Он согласился.

Мы играли на память, без доски. Мне это было довольно трудно, но я старался не подавать виду. Зато

он играл отлично и при этом ухитрялся одновременно не спускать глаз с контрольного щита.

Честно говоря, мне никогда не удавалось у него выиграть, но с этим я быстро смирился.

Сделав очередной ход, я довольно долго ждал ответа. Никогда раньше он так долго не раздумывал. Я решил, что он уснул или задумался над чем-то посторонним, и не прерывал его молчания. Лишь через двадцать минут я что-то сказал. Он не ответил.

Обеспокоенный, я наклонился через поручень, но меня стесняли ремни. Я отстегнул их и поплыл в воздухе, цепляясь за петли. Дотронулся до его руки. Это была рука мертвеца! Я быстро подплыл к его голове и заглянул под шлем. Впервые я увидел его лицо так близко. Оно показалось мне неестественным. Глаза были открыты, но неподвижны и ничего не выражали. Я дернул безжизненную руку, и вдруг она начала медленно обхватывать мою кисть. Твердые пальцы спазматически сжались, так что я вскрикнул от боли. Его тело даже не дрогнуло, только рука словно жила самостоятельно, собственной жизнью. Я рванулся назад, пытаюсь вырвать кисть. Безрезультатно.

В приступе страха я ухватил свободной рукой за скафандр на груди командира и рванул изо всей силы. Застежка подалась, и тогда... тогда моим глазам предстало то, что было внутри... Вместо человеческого тела я увидел переплетения кабелей и гидравлических приводов, исполнительные механизмы, электронные элементы...

Я потерял власть над собой... Все еще вырывая руку, я вскочил на кресло и, колотя коваными ботинками, дубасил по кукле, которая была моим командиром... Какой-то привод лопнул, жирное пятно масла

расцвело на ткани скафандра. Давление ослабло, мертвая механическая рука отпустила мою кисть.

Это была машина! Не человек, а манекен, механический исполнитель, соединенный с электронной вычислительной машиной ракеты!

Это был эксперимент, понимаешь? Экзаменовали именно эту машину, а не меня. А я... я должен был вести себя так, словно рядом со мной опытный пилот... Ко мне подсадили куклу, имитирующую человека, а меня не ввели в курс дела! И эта кукла вышла из строя. Я был ее дублером, на случай, если что-нибудь произойдет...

От моей самоуверенности не осталось и следа.

Я кое-как ухитрился вывести ракету на орбиту спутника, откуда меня снял другой патрульный.

Оле замолчал, уставившись в одну точку на стене.

— Вот какой у меня был командир... — продолжал он через некоторое время с оттенком иронии в голосе. — Откровенно говоря, я его полюбил. Он был для меня образцом, недостижимым идеалом. Я привязался к нему, а он оказался мерзким механическим манекеном, роботом...

Оле перенес взгляд на мое лицо и некоторое время смотрел на меня со странной подозрительностью. Вдруг его глаза расширились, загорелись диким блеском, и не успел я увернуться, как он бросился ко мне.

— Ты? Ты?! — кричал он, хватая меня за грудь. — Ты тоже *робот*!

Ничего не соображая, он стал тянуть меня за карман моего пиджака. Стремясь освободиться, я машинально сжал его кисть. Тогда он начал орать.

— Вон! Вон!!! Пусти, немедленнопусти! Ах ты, мерзкий автомат! Выключись, немедленно выключись! Ты — искусственный!

Он отскочил, вырвав свою руку из моей. Неожиданно у него за спиной вырос черноголовый гигант — видимо, тот, кто сидел до сих пор в углу. Он схватил вопившего Оле под мышки и выволок в коридор. Я слышал, как он крикнул густым басом:

— Санитар! У Линдгарда опять приступ! Заберите его!

Спустя немного черноволосый вернулся и сказал:

— Не расстраивайся, у него это в порядке вещей. Он повторяет свою историю каждому новичку... Через час это пройдет и он обо всем забудет. Меня зовут Конти, — добавил он, пожимая мою руку. — Потом, наклонившись ко мне, прошептал: — Но это не мое настоящее имя. На самом деле меня нет! Точнее, я не человек! — добавил он, заметив, что я испугался. — Меня *подменили*, понимаешь? Настоящий Конти остался на шестой планете системы Веги. Вместо него прислали меня! Но... — тут он приложил палец к губам, — никому ни слова! Я знаю, что ты тоже того... понимаешь? Галактяне, да? Тебя тоже, я знаю! Я своего всегда узнаю, не бойся! А здешние не распознают. Нам надо держаться вместе! — тут он меня хватил рукой по плечу так, что я покачнулся. — Ну, порядок! Уж мы их...

Он сделал неопределенное движение рукой, заго-ворщицки подмигнул мне и ушел.

Я остался в библиотеке один.

Оглядел стены и полки. Проверил, не прячется ли кто-нибудь за спинками кресел, и подошел к столику, на котором лежали книги. Это были очень старые книги, пожалуй, XX века. Разумеется, факсимиле оригиналов, но отпечатанные на фольге, отлично имитирующей старую бумагу.

Я взглянул на заглавие одной из них: Станислав Лем, собрание сочинений, том шестой... Классик научной фантастики. Именно эту книгу читал Энор...

А «человек из будущего», сайнтор космогнозии Квандр, читал «Машину времени» Уэллса. На полях и между строчками виднелись надписи и пометки, сделанные от руки. Там, где путешественник по времени рассказывает о своей поездке в будущее, я прочитал: «Ерунда! Полнейший абсурд!», дальше: «Браво! Гениальная интуиция!», а несколькими строчками ниже: «Тут пересолил, оптимист!».

Похоже на то, что автор замечаний сравнивал фантастические видения путешественника с действительностью.

Я подумал, что Квин зря разрешает пациентам читать книги, из которых они могут черпать материал для своих вымыслов. Но, с другой стороны, у Квина свои методы...

Усевшись поудобнее в углу, я достал микро пленку и лупу. Нашел характеристики трех уже знакомых мне людей. Четвертого, Квандра, я не мог найти, не зная его настоящего имени. Оле утверждал, что его зовут иначе...

Что касается Оле Линдгарда, то дело представлялось достаточно ясным. Сведения, почерпнутые мной из микрофильма, полностью совпадали с тем, что он о себе рассказал. Его случай определили как «аналоговое расстройство, вызывающее истерическую реакцию страха». По мнению Квина, через год все признаки болезни должны исчезнуть. Уже сейчас Линдгард считал роботами только новых, впервые встречаемых им людей. А вначале он нападал даже на старых знакомых, да еще по несколько раз кряду, стоило только

разговору перейти на темы, связанные с его космической службой.

История болезни Энора лишь в малой степени согласовывалась с его рассказом. Энор никогда не летал дальше Луны. Он действительно служил на «Селене», будучи молодым практикантом, но очень недолго. Сейчас ему было шестьдесят два биологических года. В момент, когда произошла катастрофа на базе «Селена» с ее не выясненными до сих пор загадками, ему было немногим больше двадцати. В результате взрыва он потерял обе ноги. Его нашли в нескольких десятках метров от разрушенной базы поблизости от кратера Гиппарха. Он был во второй стадии клинической смерти, у него начались структурные изменения в мозгу. Неоднократные попытки пересадить и воспроизвести мозговую ткань не дали удовлетворительных результатов. Жить в таком состоянии он не мог. Он был погружен в анабиоз и двадцать лет ждал прогресса в области регенерационной хирургии мозга. Более поздние попытки дали значительно лучшие результаты.

Возвращенный к активной жизни, Энор казался совершенно нормальным. Однако когда ему предложили регенерировать потерянные конечности, он протестовал. Именно с этого момента он и начал рассказывать свою невероятную историю о контактах с жителями системы Денеба. Некоторое время он работал в службе космической связи на Земле, но все чаще требовал отослать его на Луну. Потом его состояние ухудшилось. Его отправили в лечебницу Квиба. Пять лет лечения специальными методами не дали ни малейших результатов: Энор продолжал рассказывать свою воображаемую историю, всякий раз дополняя ее новыми деталями.

Последней была карточка Конти. Я читал ее со все возрастающим интересом.

«Аль Конти, участник экспедиции Кораля в систему Крюгер-60. Планетолог. На третьей планете системы погиб вместе с пилотом роторлана Лораном. Через положенные трое суток поиски были прекращены. Спустя несколько часов Конти неожиданно явился сам. Он был крайне истощен. Кроме того, у него обнаружилось психическое расстройство и частичная потеря памяти. На вопрос о пилоте и роторлане он ничего не смог ответить. Поиски возобновили, на этот раз радиус был в два раза больший, чем расстояние, которое Аль мог преодолеть пешком за восемьдесят часов. Никаких следов роторлана найти не удалось. Комиссия пришла к заключению, что Лоран, видимо, оставил Конти сравнительно недалеко от базы, а сам полетел дальше. Он должен был вернуться за Конти, но из-за аварии или несчастного случая не явился в условленное время. Следует добавить, что связь в тот день была отвратительная, сильные атмосферные помехи (типичные явления в системе Крюгер-60) свели на нет все попытки установить контакт с роторланом уже через несколько десятков минут после его вылета.

Конти до сих пор не дал удовлетворительного объяснения всему происшедшему. Он несколько раз менял свои показания, однако ни одно из них, видимо, не соответствует истине.

В лечебницу доктора Квина его направили вскоре после возвращения. Он находится здесь почти полгода. Пока что память у него не улучшилась.

Дочитав до конца, я еще раз представил себе каждого из этой тройки.

Может ли хоть кто-нибудь из них быть агентом чужой цивилизации? Да с таким же успехом кто угодно, как и никто. Ведь вербовать на такую роль могли только в отдаленной планетной системе. Так что все в одинаковой степени на подозрении.

Как среди пациентов лечебницы на этом одиноком островке отыскать того — а может, и тех? — кому адресованы таинственные сигналы из космоса?

А может, податель сигналов уже сообразил, что его сообщения обнаружены и перехвачены? Что это — односторонняя передача инструкций или, может быть, регулярный двусторонний обмен информацией? Сигналов, высылаемых в обратном направлении, до сих пор не обнаружили...

Мои рассуждения прервал санитар, сообщивший, что уже пора обедать. Еду мне принесли в комнату. Рядом со столовым прибором лежал листок из блокнота, на котором торопливым почерком было написано: «На ваше имя получена радиограмма от Командования. Вам присвоено звание трансстеллярного пилота третьего разряда. Кроме того, переданы пожелания здоровья от Кей. Квин».

Я дважды перечитал короткую записку. «Кей» значило «сигналы», «третий разряд» — время их появления. Я проверил по кодовой таблице — это произошло между пятью и половиной шестого... Значит, уже после моего прибытия в лечебницу, в то время, когда я разговаривал... минутку, с кем я тогда разговаривал?

Память у меня хорошая, а в этом случае я особенно следил за собой.

В библиотеку я спустился точно в четыре пятьдесят четыре. С этого момента все четверо были около меня. Энор покинул комнату через десять минут.

Спустя каких-нибудь две минуты вышел Квандр (как же, черт побери, его зовут на самом деле?). Конти вывел Оле, пожалуй, минут в двадцать пятого.

«Дьявол, — подумал я. — Они ускользнули почти на полчаса».

Я позвонил санитару, попросил его зайти в кабинет директора и спросить о подробностях насчет телеграммы. Не успел я доестъ обед, как санитар вернулся с ответом.

«Командование объясняет, что присвоение разряда произведено в соответствии с пунктом четвертым восемнадцатого параграфа, со всеми вытекающими отсюда правами. Квин».

Я заглянул в табличку. Восемнадцать — это минуты от десятой до пятнадцатой. Четыре — первая минута... Значит, точно: сигналы приняли от семнадцати часов десяти минут до семнадцати одиннадцати. Я в это время разговаривал с Оле... Стало быть, вероятнее всего, они предназначались не ему.

В дверь постучались. Я едва успел спрятать записки, как появилась черная шевелюра Конти.

— Пошли! — подмигнув мне, сказал он.

Не спрашивая ни о чем, я пошел за ним по коридору. Он толкнул одну из дверей и пропустил меня вперед.

Посреди комнаты в коляске сидел Энор. Когда мы вошли, он вздрогнул и попытался спрятать что-то под плед, которым был накрыт. Из-под пледа торчал кусочек провода.

— Не бойся, старина. Тут все свои, — успокоил его Аль, закрывая дверь.

Я взглянул на руку Энора, видневшуюся из-под пледа. Он держал в ней собранный кустарным способом радиоприемник.

— Энор — электрик, — объяснил Аль. — Вот он и сделал приемник практически из ничего. Так мы узнаем, что происходит в мире, отсюда удастся поймать Новую Зеландию и некоторые станции Антарктиды. Правда, это категорически запрещено. Единственный передатчик находится у шефа, да и тот под замком,

— Старик совершил ошибку, — засмеялся Энор. — Как-то он попросил меня исправить его приемник. Я и не такие аппараты ремонтировал! Я немного изменил схему, и у меня осталось несколько деталей...

— На каких волнах он работает? — спросил я, пытаюсь казаться по возможности безразличным.

— А какие тебе надо? — гордо усмехнулся Энор.

— Да нет, я просто так.

— Могу предложить до пятисот мегагерц.

— Но ведь ультракороткие волны самых дальних передатчиков не доходят до острова Оор? — заметил я. Энор хитро усмехнулся.

— Ты думаешь, я так, ради удовольствия слушаю радио? Э, нет, я знаю, что и зачем делаю... Они обычно работают на ультракоротких волнах! Те, с Денеба, о которых я тебе говорил. Я должен быть начеку, слушать...

— Ну, хорошо, хорошо! — прервал его Аль, подталкивая меня локтем. — Давай Новую Зеландию, сейчас будут последние известия.

Приемник захрипел, потом неожиданно послышался голос диктора.

«Так вот как сюда просачиваются известия из внешнего мира!» — подумал я, а вслух спросил:

— Этим источником информации пользуются все пациенты?

— Все, кроме идиота Либнера...

— Это еще кто?

— Ну, тот, что выдает себя за Ансата Четвертого Квандра. И есть тут еще один, которому мы не доверяем, — объяснил Энор. — Он здесь всего четыре дня. Ты, наверно, его не видел, он все время сидит у себя в комнате и глядит в потолок или в окно...

— Как его фамилия?

— Точно не знаю. Зовут, кажется, Берт. Вроде бы из старых. А свихнулся только сейчас...

— Его зовут Берт Затль или что-то в этом роде, — буркнул Аль.

Я вздрогнул. Имя и фамилия были мне знакомы!

— Он случайно не из экспедиции Бранта в две тысячи сто восьмом?

— Кажется, да... — задумался Аль. — Помнится, так ответил доктор, когда я спросил его, кто это такой.

Да... Это мог быть тот самый Берт, которого я знал. Он вылетел на год раньше меня, но в противоположном направлении. И его путь был короче. Необходимо его увидеть!

— В какой комнате живет Затль? — спросил я, терпеливо выслушав радиоизвестия, которые меня в эту минуту абсолютно не интересовали.

— В четырнадцатой, рядом с тобой, — объяснил Аль. — Только не советую ходить к нему. Дьявольски скучный тип. Никого, сдается, не замечает.

— И давно он вернулся? — продолжал я. — Я еще не успел посмотреть последние подшивки бюллетеня. Понятия не имею, какие экспедиции вернулись и в каком составе. А этого Берта, пожалуй, я знавал в Учебном. Мы вместе кончали...

— Экспедиция Бранта вернулась три года назад. Они потеряли немало людей, — сказал Энор, пряча приемник под оторванную обивку коляски.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — неуверенно сказал я, осматривая комнату.

Аль вышел следом. Я думал, он опять, как в библиотеке, будет пичкать меня своими таинственными сообщениями, но мы с ним дошли только до двери моей комнаты.

Когда мы проходили мимо четырнадцатой, оттуда вышел один из санитаров и, бормоча что-то себе под нос, направился к лестнице.

— Что там у него? — бросился за ним Аль.

— А, чтоб его черти съели! — буркнул санитар. — Вот уже два дня как не ест. Пусть шеф сам с ним возится.

В моей комнате горел свет. На столе стоял ужин. Аль попрощался со мной на пороге и пошел к себе на первый этаж.

«Удивительный человек, — подумал я. — Пожалуй, даже симпатичный — ведет себя совершенно нормально. И все-таки...»

Я не мог четко выразить мысль, но меня не покидало ощущение, что этот человек руководит моими поступками, присматривает за мной или следит. Быть может, из-за постоянного напряжения и сознания ответственности я стал чересчур мнительным? Ощущение, что я нахожусь под контролем, не покидало меня ни на минуту.

После ужина я лег и, кажется, сразу уснул. Разбудил меня какой-то звук. Я не шевелился, стараясь дышать ровно. Ничего. Видимо, почудилось.

Вдруг совсем рядом с моей постелью что-то затопало по полу.

«Мышь, — подумал я, — или кто-нибудь из леса забрался через открытое окно. Ящерица? Нет... Уж очень явственно слышно. Надо проверить»,

Я шелкнул переключателем над головой. Одновременно со щелчком контакта на полу что-то зашуршало. Зажглась лампа. Ослепленный, я быстро обежал взглядом углы. Ничего. Если даже это и была мышь, то она скрылась в какой-нибудь дыре. Я взглянул на остатки ужина, которые никто не пришел убрать. Кусочек хлеба остался нетронутым...

«Наверняка мышь», — успокоил я сам себя, гася свет.

Я взглянул в темноте на фосфоресцирующий циферблат часов. Было около одиннадцати. Стало быть, я проспал всего час.

Мысль о том, что в комнате мышь, не давала мне покоя. Я на ощупь открыл ящик стола и, найдя вилку, положил на пол так, чтобы на нее легко можно было наткнуться. В коридоре послышались шаги. Спустя минуту скрипнула дверь соседней комнаты. Я услышал голос санитара:

— Послушайте, Затль, доктор просит вас спуститься к нему в кабинет. Мне не хотелось бы долго ждать. Вы сами пойдете или вас проводить?

Шаги санитара опять зазвучали в коридоре — видимо, Затль согласился прийти сам.

«Прекрасный случай увидеть его!» — подумал я.

В этот момент в углу опять послышался шорох.

— А, холера! Спать не даешь! — буркнул я, вставая и набрасывая халат.

В коридоре послышалось шлепанье мягких туфель: это Затль отправился к шефу. Я подошел к двери и, не зажигая света, осторожно приотворил ее. К сожалению, она открылась так, что через щель не видно было той части коридора, по которой шел Затль. Зато я видел дверь четырнадцатой комнаты. Он оставил ее незамкнутой. Внутри горел свет.

Секунду я нерешительно стоял в дверях своей комнаты. Мне хотелось любой ценой увидеть Затля, когда он будет возвращаться.

Со стороны лестницы слышались тяжелые шаги. Спустя минуту в поле моего зрения появились санитары, несущие носилки. На носилках лежал человек. Его профиль мелькнул в щели так быстро, что я не успел даже установить, видел ли я когда-нибудь это лицо.

Первый санитар толкнул ногой дверь четырнадцатой комнаты. Они внесли носилки и почти сразу же вышли, погасив свет и затворив дверь.

Я вспомнил о мыши и о том, что хотел позвать санитаров и потребовать — пусть ее выгонят или дадут мне другую комнату.

Я вышел. Некоторое время колебался, потом решительно повернул к четырнадцатой.

«Я должен, наконец, его увидеть. Кажется, они дали ему какое-то снотворное, — подумал я. — Взгляну на него, пока он спит».

В комнате было темно. Полоска света из коридора освещала лицо лежащего на кровати человека. С одного взгляда я понял: этот человек не Берт Затль из группы Бранта! Глаза у него были закрыты, руки ровненько уложены поверх одеяла. Это наверняка не Берт... Тем не менее я где-то уже видел это лицо. Маловероятно, чтобы это был кто-нибудь из моих старых знакомых. Мы встречались уже после возвращения, только... где? Вероятно, где-нибудь в толпе...

«Странно, — подумал я. — Почему он здесь под чужим именем? Необходимо как можно скорее установить его личность».

Я произвольно потянулся к карману, забыв, что записки остались в комнате.

Тихо закрыв дверь, я пошел к лестнице. Когда я проходил мимо кабинета Квина на первом этаже, мне показалось, будто я слышу за дверью человеческую речь.

В комнате санитаров не было никого. Я постучал в кабинет и, не дождавшись ответа, нажал ручку. Перед огромным шкафом, заполненным плотно стоящими скоросшивателями, стоял Квин, а рядом с ним — высокий мужчина, достававший головой до самых верхних полок. Они одновременно взглянули на меня. Квин показался несколько смущенным. Я посмотрел на высокого и едва сдержал удивление: передо мной был тот самый мнимый Затль, которого я только что видел крепко спящим в четырнадцатой комнате.

«Здесь всего одна лестница, — пронеслось у меня в голове. — Он не мог спуститься сюда после меня!»

— Вы... не спите? — Квин вымученно улыбнулся.

— Не могу, — сказал я по возможности сонным голосом. — По комнате бегают мыши.

— Мыши?! — изумился доктор. — Вы их видели?

— Нет. Было темно, а когда я зажег свет, они убежали.

— Ну, вы меня успокоили! Только мышей нам не хватало! — Квин вздохнул с явным облегчением. — Вы ошиблись. Это были не мыши. Вероятно, вы не прикрыли окно. Я забыл сказать. Надо закрыть окна или вставить в них сетку. Иначе у вас еженощно будут появляться незваные визитеры. Это коала, разновидность маленьких медведей. Кто-то привез их сюда из Австралии. Они акклиматизировались и расплодились. В саду много эвкалиптов. Коала питаются их листьями. Наедятся до отвала, опьянеют и висят на ветках, одуревшие до такой степени, что их можно брать голыми руками. Лишь под вечер они трезвеют

и начинают шнырять в поисках пищи. У них есть свои секретные ходы в дом, и иногда даже сетки на окнах не помогают. Впрочем, они совершенно безвредны и вообще-то весьма милы. Ну, что вам посоветовать? — Квин повернулся к столу и вынул из ящика небольшой пульверизатор для одеколона. — Распылите это в комнате. Немного резкий запах, но для человека вполне переносимо, а они этого не любят.

— Спасибо! — сказал я, искоса глядя на мшистого Затля. — Спокойной ночи.

— Подождите... — остановил меня Квин. — Кажется, у меня для вас что-то было...

Он повернулся и вышел из кабинета, старательно закрыв за собой дверь. На мгновение я остался один на один с человеком, обладающим подозрительной внешностью и странной способностью пребывать в двух местах одновременно.

— Простите, вы Берт Затль из экспедиции Бранта? — спросил я, вежливо улыбнувшись.

Он мрачно взглянул на меня и ответил:

— Да. А что?

— Вы меня не припоминаете? — многозначительно спросил я.

— Нет. А вы меня?

— Тоже нет!

— Ну и хорошо... — сказал он. На его лице расцвела ироническая улыбка.

— Не так уж и хорошо. Я *знал* Берта Затля еще до того, как он отправился к Фомальгауту.

Он взглянул на меня с враждебным блеском в глазах. В этот момент вернулся доктор.

— Простите, Крайс. Давайте отложим на завтра, я никак не отыщу ключ от шкафа. Вы тоже можете вернуться к себе, Затль. Спокойной ночи!

Он вежливо поклонился и распахнул перед нами дверь. Затль вышел первым. Я последовал за ним. На лестнице он неожиданно остановился, приблизился ко мне и прошипел:

— Я Берт Затль! Заруби это себе на носу!

Потом отвернулся и медленно пошел дальше. Остановился у своей комнаты и вдруг замер, глядя на дверь — единственную в этом конце коридора. Рукоятка двери медленно поднялась, словно кто-то тихо повернул ее изнутри. Затль кинул быстрый взгляд в мою сторону, потом резко рванул дверь и скрылся в комнате. Я заметил, что там горел свет...

Когда дверь за ним захлопнулась, я быстро побежал и приоткрыл ее. Затль сидел на краю кровати и снимал туфли. Я молча закрыл дверь, прежде чем он поднял голову.

У меня в комнате ничего не изменилось. Даже билка лежала на том месте, на котором я ее оставил. Я распылил по углам и на подоконнике немного жидкости из пульверизатора. У нее был очень слабый, знакомый мне запах.

«Затль здесь самый подозрительный, — подумал я, лежа в постели. — Хотя... он приехал сюда четыре дня назад, а сигналы впервые появились вот уже с неделю... Однако, может, он прибыл именно затем, чтобы их принять. Вдруг он так договорился со своими хозяевами... Но где же я его видел?»

*

Я просыпался с трудом, никак не мог открыть глаза, хотя время было уже позднее. Завтрак мне обычно приносили в восемь, поэтому я удивился, что кофе в фарфоровом кофейнике горячий.

«Только что принесли, — подумал я. — Откуда они знали, что я буду спать дольше обычного?»

Завтракая, я припоминал события вчерашнего вечера. Особенно мне не давала покоя дверь в конце коридора. Насколько я мог судить, кроме меня и соседа из четырнадцатой комнаты, на этом этаже не жил никто. Я пытался сообразить, что же расположено непосредственно под тем помещением на первом этаже. Может быть, там есть еще одна лестница? Тогда можно объяснить вчерашнее появление Затля в кабинете... Однако это значило бы, что Затль в сговоре с Квином... Но, с другой стороны, тон, которым он говорил со мной на лестнице, казалось, должен был означать, что ему известно то же самое, что и мне, и он знает, что я об этом знаю...

Мысли мои начали путаться, когда вдруг мне неожиданно пришло в голову:

«А вдруг этот... Затль находится здесь с той же целью, что и я? И он следит за кем-то по приказу руководства? Может быть... за мной?»

Меня послали сюда, чтобы обнаружить адресата таинственных сигналов. Но с тем же успехом можно предположить и обратное. Может, я и есть тот самый предполагаемый адресат? Меня отослали сюда, на безлюдье, чтобы легче было наблюдать за мной. Для усыпления моей бдительности была придумана вся эта «секретная миссия»... А может, я просто спятил?

Встревоженный, я потянулся к характеристике Затля. Из нескольких фраз, записанных на кадре микрофильма, вырисовывался образ того Затля, которого я знал: он вернулся с экспедицией Бранта, работал в лунной службе. Но лицо! Это же совершенно другой человек.

Я решил обязательно выяснить все до конца. Единственная возможность сделать это — разговор с полковником. У нас была установлена система связи и даже возможность личного контакта.

Я спустился к Квину и как можно деликатнее попросил его передать в Европу телеграмму одной женщине с пожеланиями по случаю дня ее рождения.

Квин усмехнулся и погрозил мне пальцем.

— Ох, Крайс, Крайс! — сказал он добродушно. — Мой метод лечения основывается на полной изоляции пациентов от чудовищной мельницы современной цивилизации. А вы как-то не можете от нее оторваться... Вы должны забыть, что у меня есть радиостанция. Ну, хорошо, в последний раз...

Он взял листок с телеграммой и скрылся в дверях смежного с кабинетом помещения радиостанции. Я вышел прогуляться по саду. Подходило к двенадцати, солнце палило немилосердно. На скамейке в тени кустов кто-то дремал, откинув голову назад. Когда я проходил мимо, он пошевелился и взглянул на меня. Это был Затль... Он проводил меня взглядом до поворота аллеи.

Обходя дом, я наткнулся на санитаров. Они возвращались после работы из сада, неся на плечах лопаты.

— Так это вы поддерживаете сад в таком приличном состоянии? — спросил я.

Тот, что повыше — его звали, кажется, Филипп, — остановился и, глядя на клумбы, сказал:

— О, если б не мы, здесь бы все заросло за одно лето. Кроме того... — добавил он, — ведь надо же что-то делать. Иначе тут подохнешь от скуки.

Второй санитар молча стоял в нескольких шагах от нас, нетерпеливо водя кончиком ботинка по гравиию.

— И давно вы тут работаете?

— Почти год, — сказал Филипп. — Нашим предшественникам доктор предложил уехать. Они слишком часто отлучались — семьи. А здесь надо быть постоянно, особенно когда пациентов много.

— А у вас нет семей?

— Нет. Я холостяк, Руди — вдовец.

Я покачал головой и, не зная, о чем еще спросить, пошел вдоль живой изгороди, окружающей дом.

— Не ходите в глубь леса, — крикнул Филипп. — Там встречаются змеи!

Я повернулся и кивнул головой. Я не собирался уходить по той причине, что ожидал быстрого ответа полковника на мою телеграмму.

За домом, посреди большого круглого цветника, возвышался довольно высокий памятник или обелиск. Стрелообразная конструкция, уходящая вверх на несколько метров, выполненная из камня или, может, какого-то особо обработанного металла, ассоциировалась с полетом в космос и представляла собой как бы воплощение чистого движения, закованного в глыбу материи.

«Это, должно быть, памятник в честь космонавтов!» — решил я, остановившись поодаль, чтобы не истоптать искусных рабаток и газонов вокруг памятника. Потом заглянул в часть сада позади дома. На ветках эвкалиптов действительно висели забавные пьяные медвежата коала, о которых вчера говорил доктор. Когда я возвращался, у меня возникло странное ощущение, будто в саду чего-то не хватает, и, только увидев выходящего из дома Филиппа, я

сообразил, в чем дело: в саду нигде не было видно следов лопаты...

Филипп остановил меня и сказал, доверительно понизив голос:

— Будет инспекция из космеда. Доктор просит не отходить от дома.

Значит, моя телеграмма оказала действие. Вместе с инспекторами приедет полковник, и мы сможем поговорить. Я еще не знал, как это произойдет и что, собственно, я ему скажу. Что Затль — вовсе не Затль? Ну, а дальше? Что он волшебным образом спустился со второго этажа на первый?

Я опять вспомнил о таинственной двери в конце коридора. Что же все-таки за ней скрывается?

Я выглянул из комнаты и, убедившись, что в коридоре никого нет, медленно, будто прогуливаясь, подошел к загадочной двери, оглянулся и быстро нажал ручку. Дверь неожиданно подалась. Помещение напоминало чулан, заставленный ящиками и шкафами. Отсюда был только один выход — через большое окно.

Я почувствовал себя довольно странно: если комната не заперта, значит, в ней нет ничего необычного. Ведь мои гипотезы были построены на песке: вчера вечером сюда мог войти кто-нибудь из санитаров. Разве только подозрительный интерес Затля к этой двери...

Недолго думая, я приоткрыл один из шкафов, сунул туда нос и тут же отскочил, ударившись спиной об угол ящика. Из шкафа на меня глянуло человеческое лицо. *Мое* лицо! В следующий момент я сообразил, что это зеркало, но первое впечатление было ошеломляющим. Зачем внутри шкафа понадобилось прикреплять зеркало?

Второй шкаф был пуст, в третьем — опять зеркало. На этом следовало бы кончить, но меня так и подзуживало отворить четвертый шкаф. На меня взглянуло лицо, на этот раз не мое! Это был Затль. Он стоял внутри шкафа, приложив палец к губам и вперив в меня неподвижный взгляд, словно приказывая молчать. В этот момент на лестнице послышались шаги. Я захлопнул дверцу и быстро выбежал в коридор.

«Неужели Затль — мой союзник? А может, он только притворяется? Знает, что мне известна его тайна, и просит никому его не выдавать...»

Я плотно прикрыл дверь комнаты и опять начал прогуливаться по коридору. Со стороны лестницы на меня надвигалась процессия из нескольких пожилых мужчин. В конце группы, нервно протирая очки, семенил Квин. Я равнодушно прошел мимо, стараясь не задерживать взгляда на лице одетого в штатское полковника. К моему удивлению, полковник неожиданно остановился и, внимательно взглянув на меня, воскликнул:

Честное слово, это же Крайс! Ей богу, Крайс! — и, обращаясь к Квину, объяснил: — Вот уж чего не ожидал, того не ожидал! Старый знакомый! Что-нибудь серьезное, доктор?

Квин перестал полировать платком стекла очков и, нацепив их на нос, развел руками.

— Еще не знаю... Крайс здесь всего один день, он под наблюдением. Если вы хотите поговорить, я не возражаю...

— Ну, да, да, конечно же! — лицо полковника расплылось в улыбке. — Мы дьявольски долго не виделись!

Он обнял меня и посмотрел в глаза.

— Ну, как, старик? Надеюсь, ты меня узнаешь? А я здесь по делу. Инспекция из космеда. Да что там, коллеги обойдутся и без меня. Не каждый день доводится встречать человека, которого не видел больше сотни лет!

Квин не скрывал удовлетворения при мысли, что ему удастся избавиться от одного из членов хлопотной для него комиссии. Видимо, он был не в ладах с инструкциями, потому что довольно сильно нервничал и явно подыгрывал инспекторам.

Спускаясь в сад, мы с полковником вели оживленную беседу, словно и вправду не виделись сотню лет. Только отойдя на достаточно далекое расстояние, полковник изменил тон.

— В чем дело, Крайс? У нас мало времени, коротче.

— Вы отлично разыграли встречу! — сказал я. — У меня возникли некоторые сомнения...

— Это еще не повод, — прервал он.

— Знаю. Но сомнения эти особого рода. Первое из них вы рассеяли своим прибытием...

— Не понимаю.

— Я подумал было, что... что меня упекли сюда на тех же основаниях, что и остальных, или еще того хуже...

— Ну и ну! Неужели ты решил, что мы способны на такие шуточки? Из-за каких-то там комплексов ты поднял меня по тревоге, словно обнаружил бог весть что. Надеюсь, тебе понятно, что этот номер второй раз не пройдет! К тому же мы наверняка встревожили Квина и его пациентов, а это делу не поможет!

Я объяснил, что некоторые данные у меня есть, и рассказал о Затле.

Полковник насутился и покачал головой.

— Информацию мы брали в космеди. Нам сказали, что Затль вернулся с Брантом. Последнее время он работал на Луне...

— Прошу вас это проверить. Думаю, он и сейчас там работает или...

— Понимаю. Ты думаешь, что... он исчез, а кто-то одолжил его личность? Хорошо, проверю.

Полковник был недоволен. Он долго молчал, мысленно взвешивая мое сообщение.

— Скажите, кроме нас с вами и Сато, никто не знает о данном мне поручении? — спросил я.

— Кое-что известно шефу космеди.

— А сигналы? Кто обнаружил их первым?

— Я уже говорил: их зарегистрировал автоматический спутник, а заинтересовались ими работники Корада. Сразу же после этого все материалы поступили к нам в космоцентр.

— Так или иначе, но это дело прошло через много рук и его нельзя считать тайной?

— Пожалуй, ты прав.

— Экспедиция Бранта, в которой принимал участие настоящий Затль, насколько мне известно, не добралась до Фомальгаута?

— Да. Они вернулись из-за технических неполадок.

— Еще один вопрос, — вспомнил я. — Не было ли до этого подобных сигналов? Я имею в виду случайные наблюдения, например с борта ротопланов, пролетавших над этим районом Тихого океана.

— Нет. Впрочем, вот уже год, как полеты над островом по требованию Квина запрещены. Он утверждает, что шум двигателей отрицательно влияет на пациентов. У Квина большие связи в космеди.

— Какого рода связи?

— Несколько его друзей занимают высокие посты. Кое-кого он, кажется, лечил...

Полковник направился к дому. Я пошел следом, понимая, что разговор окончен.

— Продолжай свое дело, Крайс, — сказал он вполголоса. — Если ничего не выяснишь за неделю, мы возьмем тебя отсюда. Вокруг острова размещены плавучие ретрансляционные станции, которые передают нам данные о появлении гамма-сигналов. Их ловят ежедневно примерно в одно и то же время.

— Как вы думаете, — спросил я, — возможно управлять кем-нибудь на Земле, находясь от нее на расстоянии в двадцать с лишком световых лет? Мне думается, нет. Хотя бы потому, что время полета сигналов...

— Конечно, мы учитываем это. Район Земли тщательно патрулируется.

— Вы думаете, в нашей системе находится их межзвездный корабль?

Полковник не ответил, потому что мы приближались к дому.

* * *

Я уже снимал ботинки, когда постучал Филипп и заявил, что доктор просит меня спуститься вниз. Я взглянул на часы. Почти десять. Странно. Меня охватило беспокойство — вспомнились события вчерашнего вечера. Правда, вчера доктор говорил, что у него есть ко мне какое-то дело...

Я вышел в коридор. Замочная скважина в двери Затля светилась, значит, он у себя.

Шлепая туфлями, я спустился вниз, а потом снял их и, стараясь не шуметь, вернулся на второй этаж.

В дверях туалета мелькнула чья-то фигура. Я минуту стоял тихо, прислушиваясь. Вдруг в конце коридора открылась дверь. Из нее вышел Филипп и, завидев меня, остановился, словно растерявшись, потом закрыл дверь и подошел ко мне. Мне показалось, что перед тем, как ее закрыть, он что-то буркнул себе под нос, но я не мог это гарантировать.

— Вы уже были у доктора? — спросил он.

— Нет. Только иду.

Он повернулся и пошел в ближайшую комнату.

Квина я застал в кабинете.

— Простите, что побеспокоил в такую позднюю пору, — улыбаясь, сказал он. — Но я вас не задержу. Мне хотелось бы пополнить данные, касающиеся вас...

Он подошел к стеллажу и, поднявшись на цыпочки, потянулся за скоросшивателем. Но он не выдался ростом, и я решил помочь ему.

— Вон тот! — показал он, смешно подпрыгивая.

Его лысина находилась на уровне моего плеча. Я подал ему папку. Он заглянул в нее и, извинившись, вернул мне.

— Ошибся. Немного левее...

Я уже протянул было руку, чтобы поставить скоросшиватель на место, но в этот момент Квин всем телом навалился на стеллаж. Стеллаж покачнулся и привалился к стене, от которой был немного отодвинут. Я машинально схватился за полку и в этот момент краем глаза заметил, что стоящая наверху статуя атлета теряет равновесие. Я инстинктивно выбросил вверх локоть, защищая голову, и отскочил от стеллажа.

Бронзовая глыба, задев мою руку, рухнула прямо на лысый череп Квина и, отскочив от него, с грохотом повалилась на пол. Доктор покачнулся и упал. Я подскочил, чтобы поднять его, но он как ни в чем не

бывало провел рукой по лысине, а потом, поднявшись с пола, пробормотал: «Ничего, ничего», выпрямился и встал передо мной с ужасно обеспокоенным выражением лица.

На голове у него не было и следа шишки или царапины! А ведь я точно видел, как тяжелая статуя обрушилась ему на голову. У него как минимум должен был треснуть череп!

Дверь широко распахнулась. На пороге кабинета появился Филипп, а за ним Руди, который нес свернутые носилки. Взглянув на нас и на лежащую на полу статую, они нерешительно переступили через порог. В конце концов Руди попытался было спрятать носилки, прилонив их к стене коридора.

«Услышали шум, прибежали... но зачем носилки-то?» — подумал я, совершенно сбитый с толку. Но вдруг меня осенило: «Лопаты! Лопаты! И отсутствие следов на грядках. Они копали могилу!»

Воспользовавшись замешательством санитаров и нерешительностью Квина, который продолжал стоять с глупой миной и повторял: «Ничего, ничего!», украдкой подавая при этом знаки Филиппу, я резко наклонился и, схватив доктора обеими руками ниже колен, приподнял его и кинул под ноги санитарам. Он был тяжелее, чем я предполагал. Филипп прыгнул на меня, но я саданул его в живот. Он откинулся назад так, что, падая, подкосил Руди, и оба повалились на лежавшего посредине кабинета Квина. Руди, который был наверху, поднялся первым. В этот момент за его спиной в открытых дверях появился Затль.

«Конец, — подумал я. — Их четверо...»

Огонь погас. В слабом лунном свете, льющемся из окна, я увидел, как Руди, подкошенный сзади, опять рухнул на поднимавшегося с пола Филиппа.

Раздался резкий свист. Затль выхватил из-под халата короткоствольный пистолет и, прицелясь в копошащуюся на полу грудую тел, встал в дверях, заслонив проход. В тот же момент за его спиной во мраке коридора по полу прошмыгнули три белесые тени, словно огромные крысы или большие коты. Затль повернулся и выстрелил, а потом с проклятиями помчался за ними к входной двери! Не успел я опомниться, как из кучи неподвижных тел, лежавших посреди комнаты, выбрались еще три точно таких же светлых клубка и, мелькнув в открытых дверях, исчезли во мраке вестибюля. Тогда и я выбежал из дома. Еще дважды где-то за живой изгородью грохнул пистолет Затля, а через секунду он сам вынырнул из-за угла.

— Холеррра! — рявкнул он, схватив меня за руку и втолкнув в дверь. — Дьяволы! Адские создания!

Страшный рев разорвал воздух, посыпались стекла, на стене зарослей и облачном небе вспыхнуло ослепительное зарево. Рев перешел в оглушительный протяжный вой. Только когда он немного утих, Затль отпустил мою руку и выскочил из дома. Я побежал за ним и, следуя его примеру, поднял глаза вверх.

Сквозь низкие облака просвечивало пятно, будто над островом появился второй, более яркий месяц. Светлый круг бледнел и уменьшался на глазах. Не говоря ни слова, Затль обошел вокруг дома. Я молча шел следом за ним. По его поведению я угадал, что если вообще и можно было что-либо предпринять, то теперь все равно уже поздно.

На том месте, где чудесная клумба окружала «памятник космонавтам», теперь чернело пятно выжженной земли, в самом центре которого зияла темная яма в форме круга.

— Я просчитался! — сказал Затль. — Ну и пройди! Вместо того чтобы замаскироваться, они поместили свой космолет в центре клумбы...

В коридоре Затль повернул главный выключатель, и во всем здании загорелся свет. Возле кабинета Квина лежал Линдгард. Повернув его на спину, я увидел, что у него распорот живот. Я наклонился над ним и только тогда заметил, что внутри у него пусто.

Это была просто-напросто кукла...

Точно такие же куклы Квина и санитаров мы нашли в кабинете. Куклы Конти и Либнера валялись на лестнице. Манекен Асвица лежал в коляске в его комнате.

Кожа кукол отлично имитировала человеческую. Лица, на которых остались случайные гримасы, даже теперь выглядели как живые.

— Они были слишком маленькими и слабыми, чтобы что-нибудь сделать! — ворчал Затль. — Скрывались под видом психически больных. Это освобождало их от необходимости помнить «свое» прошлое... Интересно, сколько таких успел отправить отсюда «доктор Квин»... Отличная работа! — сказал он с уважением, поднимая за шиворот пустую оболочку Либнера и осматривая ее со всех сторон. — Посмотри, все управление внутри, да еще здесь хватит места для кошки.

— А ты... из четвертого отделения? — нерешительно спросил я.

— Майор Тукс к вашим услугам! — усмехнулся мнимый Затль и стал по стойке «смирно». — А ты? От полковника Кроне из второго, да?

— Угадал. Теперь вспоминаю, где я тебя видел: в штабе обороны.

— Вот к чему приводит излишняя секретность и отсутствие координации. Из всех здешних обитателей

мы вызывали самое большое подозрение друг у друга.

— Ты подозревал меня? — спросил я.

— Конечно.

— А я тебя с первой минуты... Ты вел себя странно, да и это имя...

— Это была ошибка. Я спрашивал Затля, не может ли кто-нибудь здесь его знать. Он уверял, что его знакомые умерли с полвека назад.

— Значит, он все-таки жив? Вернулся из своей неудачной экспедиции?

— Вернулся.

— Ну... что ж, напишем рапорт вместе... Надо доложить руководству.

— Не спеши. Их все равно не поймать. Перейдут в надсветовую — и ищи ветра в поле.

— Ты думаешь, они развивают надсветовую скорость? Это же невозможно!

— Господи! Ты только что вернулся, и тебя сразу же упекли сюда! — засмеялся Тукс. — Откуда тебе знать о теории Цвайштейна и парадоксе тройников! Пока это только теория, которую мы не можем использовать на практике, но *они*...

— Пропади они пропадом! — сказал я. — Думаю, они не сдадутся так просто, если уж наша Земля стала объектом их вожделений...

Мы медленно шли по коридору первого этажа, когда вдруг я вспомнил:

— Слушай, Тукс! Уж, наверно, теперь ты можешь мне сказать, что делал вчера в шкафу?

— Где? — Тукс остановился как вкопанный.

— В шкафу в той комнате!

Он сорвался с места и побежал. Когда я влетел за ним в комнату, он стоял перед раскрытым шкафом.

— Но это же... зеркало!

— Ты думаешь, что, поглядев в зеркало, я увидел... тебя? — сказал я со смехом. — Открой четвертый шкаф.

Из шкафа выпала кукла. У нее было лицо Тукса.

— А, черт! — сказал он. — Еще бы немного... — он замолчал и вышел следом за мной в коридор.

Проходя мимо моей комнаты, я открыл дверь и замер: на кровати, покрытая пледом, лежала кукла. Это был я! Новехонький, весь как стеклышко..

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Анел не вернулся в четыре, но этого никто словно бы и не заметил. Около пяти уже начинало темнеть, и Пиркс, не столько обеспокоенный, сколько удивленный, хотел спросить Крулля, что бы это могло значить, но сдержался — он не был руководителем группы, и подобные вопросы, вполне законные и абсолютно невинные, могли вызвать все нарастающую лавину взаимных придирок. Он прекрасно знал, как это происходит: подобное повторялось не раз, особенно когда коллектив был с бору по сосенке. Три человека абсолютно разных профессий в сердце гор, на никому не нужной планете, выполняющие задание, которое, пожалуй, все, включая его самого, считали бессмысленным. Их привезли на маленьком старом гравистате, которому предстояло остаться здесь навсегда, потому что все равно он годился только на слом; вместе с ними доставили разборный алюминиевый дом, немного приборов и радиостанцию столь преклонного возраста, что от нее было больше хлопот, чем проку, и за семь недель им предстояло завершить «общую рекогносцировку», словно это было возможно. Пиркс никогда бы не стал этим заниматься, понимая, что речь идет лишь о расширении района исследований, производимых разведывательной группой, да еще об одной циферке в отчетах, которыми пичкали информационные машины на базе. Это, вероятно, могло иметь некоторое значение при распределении средств, людей и мощностей на

следующий год. И ради того, чтобы на лентах памяти появилась эта трансформированная в дырочки цифра, они без малого пятьдесят дней сидели на пустом месте, которое при других обстоятельствах, может, и было бы привлекательным, хотя бы с точки зрения альпинизма. Однако наслаждаться альпинизмом было, разумеется, строгойше запрещено, и самое большее, что мог сделать Пиркс, это во время сейсмических и триангуляционных измерений рисовать в своем воображении первые трассы.

У планеты даже не было собственного имени, и в каталогах она числилась как Йота дробь 116, дробь 47 Проксимы Водолея. Она походила на Землю больше, чем любая из всех, какие Пиркс когда-либо видел: маленькое желтое солнце, соленый океан, свежесколько-зеленый от трудолюбивых водорослей, насыщающих атмосферу кислородом, да огромный трехлапый континент, покрытый первобытной растительностью. Планета прекрасно подходила бы для колонизации, если бы не то, что ее солнце было типа G новооткрытой разновидности VII, неустойчивое, с неравномерным излучением; ну, а коль скоро астрофизики наложили свое вето, то если даже очередная вспышка Новой могла наступить лишь через сто миллионов лет, все планы освоения этой земли обетованной приходилось перечеркнуть.

Пиркс порой каялся, что поддался уговорам и принял участие в экспедиции, но это было не очень искреннее покаяние. Так или иначе ему пришлось бы торчать на базе три месяца, потому что попасть в Солнечную систему раньше этого срока было невозможно. Его ждали подземные климатизированные сады базы и отупляющие телевизионные передачи (развлечения по меньшей мере десятилетней давно-

сти), поэтому он охотно откликнулся на предложение начальника, который, со своей стороны, радовался, что может удружить Крулль — ни одного свободного человека не было, а посылать в экспедицию только двоих инструкция запрещала. Таким образом, Пиркс свалился космографу на голову как манна небесная. Впрочем, Крулль не проявил энтузиазма ни сразу, ни потом; вначале Пиркс даже думал, что тот расценивает его поступок как «барский каприз», коль он из командира корабля согласился стать рядовым разведчиком; походило на то, что Крулль чувствовал скрытую обиду. Однако это не была обида, просто, прожив полжизни (ему уже перевалило за сорок), Крулль стал желчным, словно его кормили одной похлебкой. А поскольку в таком изолированном от мира коллективе ничего невозможно скрыть и люди со всеми своими достоинствами и недостатками становятся прозрачными как стекло, Пиркс быстро понял, откуда в характере Крулля, вообще-то выдержанного, даже твердого человека, эта задиристость — ведь за его плечами было больше десяти лет внеземной службы. Просто Крулль стал не тем, кем хотел, а тем, кем вынужден был стать, поскольку для взлелеянной в мечтах работы не годился. А в том, что когда-то он хотел стать не космографом, а интеллектроником, Пиркс убедился, видя, как категорично высказывался Крулль в беседах с Массеной, стоило только разговору перейти на интеллектронные темы (Крулль говорил «интелектральные» — таков был профессиональный жаргон).

Массене, к сожалению, не доставало терпимости, а может, ему просто плевать было на мотивы, которыми руководствовался Крулль; во всяком случае, если тот настаивал на каком-либо ошибочном решении,

Массена не ограничивался простым отрицанием его правоты, а, взяв в руки карандаш, укладывал его на обе лопатки с помощью безукоризненных математических расчетов и добивал Крулля с таким удовольствием, словно для него важнее было доказать не собственную правоту, а то, что Круль — самоуверенный осел. Но это было не так. Круль был не самоуверенным, а просто человеком с повышенной чувствительностью, как всякий, честолюбие которого несоизмеримо со способностями.

Пиркс, бывший невольным свидетелем одного из таких разговоров — впрочем, трудно было этого избежать, поскольку они втроем жили на сорока квадратных метрах, а звукоизоляция перегородок была сплошной фикцией, — знал, чем это кончится. И действительно, Круль, который не смел показать Массене, как сильно подействовало на него поражение, всю свою неприязнь перенес на Пиркса, впрочем в весьма своеобразной форме: перестал с ним разговаривать, кроме тех случаев, когда это было необходимо.

Тогда он сошелся с Массеной — с этим черноволосым и светлоглазым холериком и впрямь можно было подружиться, — но Пирксу всегда было нелегко с холериками, так как в глубине души он им не очень-то доверял. С Массеной вечно что-то случалось: он требовал заглядывать себе в горло, заявлял, что будет перемена погоды, потому что кости ломит (никаких перемен не происходило, но он все равно продолжал их предсказывать), утверждал, что страдает бессонницей, и каждый вечер демонстративно искал таблетки, которые почти никогда не глотал — просто на всякий случай клал их рядом с постелью, а утром клялся Пирксу, который, допоздна засиживаясь над

книжкой, прекрасно слышал его храп, что всю ночь даже глаз не сомкнул (сдается, он и сам в это верил). Если не принимать этого во внимание, он был отличным специалистом и блестящим математиком с организаторскими способностями, которому поручали текущее программирование автоматической разведки. Одну из таких программ он взял с собой для разработки «в свободную минуту», а Круль страдал, видя, как Массена очень быстро и хорошо делал то, что положено, так что у него действительно оставалось много времени, и поэтому не было оснований для претензий, что-де он не исполняет своих обязанностей как следует. Массена подходил им тем более, что — как это ни парадоксально — в их планетологической микроэкспедиции не было ни одного настоящего планетолога, потому что ведь и Круль не был планетологом. Удивительно все-таки, до чего неудачно могут сложиться взаимоотношения трех достаточно нормальных людей в такой скалистой пустыне, какую представляло собой Южное нагорье Йоты Водолея!

Был в этом коллективе и еще один член — уже упоминавшийся Анел, или Автомат Нелинейный, одна из новейших моделей с высоким уровнем самостоятельности, изготовлявшихся на Земле для исследовательской работы именно в таких условиях. Массена был придан группе в качестве кибернетика — это была лишь дань устаревшей традиции, так как правила предусматривали, что там, где есть автомат, должен быть кто-то, кто в случае необходимости мог бы его отремонтировать. Так продолжалось уже добрый десяток лет — как известно, правила меняются не слишком часто, — но Анел (об этом не раз говорил сам Массена) в случае необходимости мог отремонтировать его самого, и не только потому, что

отличался абсолютной безотказностью, но и потому, что он обладал элементарными сведениями из области медицины. Пиркс уже давно заметил, что человек подчас легче познается в его отношении к роботам, чем к иным людям. Его поколение жило в мире, неотъемлемую часть которого наряду с космическими кораблями составляли автоматы, но сфере автоматки был присущ какой-то особый отпечаток иррационализма. Некоторым легче было полюбить обычную машину — скажем, собственный автомобиль, — чем машину мыслящую. Период широкого экспериментаторства конструкторов уже подходил к концу — по крайней мере казалось, что это так. Создавали автоматы только двух типов: универсальные и узкого назначения. Лишь небольшой группе универсальных придавали формы, похожие на человеческое тело, да и то лишь потому, что из всех опробованных конструкций заимствованная у природы оказалась наиболее безотказной, особенно в сложных условиях планетного бездорожья.

Нельзя сказать, чтобы инженеры очень уж обрадовались, когда их детища начали проявлять такую самостоятельность, которая, помимо воли, наводила на мысль о духовной жизни. В принципе считалось, что автоматы мыслят, но «не имеют индивидуальности». Действительно, никто не слышал об автомате, который бы впадал в ярость, воодушевлялся, смеялся или плакал; они были в высшей степени уравновешенными, как того и желали конструкторы. Однако, поскольку их мозги создавались не на монтажном конвейере, а путем постепенного выращивания монокристаллов, при котором всегда имеет место не поддающийся управлению статистический разброс,

даже микроскопические смещения молекул вызывали такие конечные отклонения, что в принципе не существовало двух совершенно одинаковых автоматов. Итак, все-таки индивидуальности? Нет, отвечал кибернетик, результат вероятностного процесса; так же думал и Пиркс, и, пожалуй, каждый, кто часто общался с роботами и целыми годами мог наблюдать за их молчаливой, всегда целенаправленной, всегда логичной деятельностью. Конечно, они были похожи друг на друга гораздо больше, чем люди, но все же у каждого был свой норов, пристрастия, а встречались и такие, которые, исполняя приказы, организовывали что-то вроде «молчаливого сопротивления», и если это длилось долго, то дело кончалось капитальным ремонтом.

У Пиркса, да наверняка и не у него одного, в отношении этих своеобразных машин, которые так точно и подчас так творчески выполняли задания, была не очень чиста совесть. Может, это началось еще тогда, когда он командовал «Кориоланом». Во всяком случае, то, что человек создал мыслящий орган вне собственного тела и сделал его зависящим от себя, такое положение само по себе он считал не вполне нормальным. Он, конечно, не мог бы сказать, откуда берется это легкое беспокойство, какое-то ощущение невыполненного долга, что ли, смутная мысль о том, что решение принято неправильно или попросту, грубо говоря, совершена какая-то пакость. Было какое-то изощренное коварство в том холодном спокойствии, с каким человек запикивал добытые о себе знания в бездушные машины, присматривая за тем, чтобы не повысился уровень их одушевленности и чтобы они не стали конкурентами своего творца в познании прелестей мира. Максима Гете «In der Beschränkung

zeigt sich erst der Meister».* в приложении к сметливым конструкторам приобретала неожиданный смысл похвалы, переходившей в язвительный укор, ибо ведь не себя решили они ограничить, но дело рук своих. Разумеется, Пиркс никогда не решался высказать вслух подобную мысль, потому что отдавал себе отчет в том, как бы она смешно прозвучала; автоматы не были обездоленными, не были они и объектом безудержной эксплуатации, все было проще и в то же время хуже; с моральной точки зрения сложнее для критики; их возможности ограничились еще прежде, чем они появились, — на листах чертежей.

В тот день, накануне их отлета, работы, собственно, были уже окончены. Однако, когда стали пересчитывать ленты, на которых были отражены результаты экспедиции, оказалось, что одной недостает. Просмотрели машинную память, потом перерыли все тайники и ящики, причем Круль дважды советовал Пирксу лучше следить за собственными вещами — от этого совета разило ехидством, потому что Пиркс вообще не имел никакого отношения к пропавшей ленте, да и не стал бы прятать ее в чемодан. У Пиркса даже язык зачесался — так ему захотелось ответить, тем более что до сих пор он обычно отмалчивался и старался находить любые оправдания вызывающему, даже оскорбительному поведению Крулля. Но он сдержался и на этот раз и только заметил, что если необходимо повторить наблюдения, то он охотно делает это сам, взяв Анела в помощники.

Однако Круль решил, что Анелу помощь Пиркса будет совершенно ни к чему, поэтому они навьючили на работа аппарат, кассеты с фотопленкой и, вложив

Лишь в ограничении познается мастер (нем.).

в кобуры пояса реактивные патроны, послали Анела к вершинам горного массива.

Робот вышел в восемь утра — Массена вслух высказал уверенность, что он управится с работой до обеда. Однако прошло два, три, четыре часа, наконец стусутились сумерки, но Анел не возвращался.

Пиркс сидел в углу и при свете лампы читал изрядно потрепанную книгу, которую взял еще на базе у какого-то пилота, но почти ничего не понимал. Сидеть было не очень удобно. Рифленая алюминиевая стенка давила ему на спину, надувная подушка спустила, и он чувствовал, как сквозь прорезиненную ткань в тело врезаются острые гайки. Однако он не изменял положения, поскольку неудобная поза удивительно гармонировала с растущей в нем злостью. Ни Крулль, ни Массена до сих пор, казалось, не замечали отсутствия робота. Крулль, который отнюдь не был шутником и даже не пытался острить, непонятно почему с первого же дня упорно величал Анела Ангелом или даже Железным Ангелом, иначе к нему не обращался, и такая, по сути дела, мелочь уже столько раз раздражала Пиркса, что за одно это он невзлюбил космографа. У Массены отношение к роботу было профессиональное: все интеллектроники знают или во всяком случае делают вид, будто знают, какие молекулярные процессы и токи вызывают те или иные реакции или ответы автомата, и поэтому отвергают любые предположения о какой-либо их разумности как абсолютную чушь. Тем не менее к Анелу он относился так же, как хороший механик к своему дизелю: не позволял перегружать, любил за исполнительность и заботился о нем, как мог.

В шесть терпение у Пиркса лопнуло, потому что у него занемела нога, и он стал потягиваться так, что

кости затрещали, шевелить ступней и сгибать ногу в колене, чтобы ускорить кровообращение, а потом принялся расхаживать из угла в угол, прекрасно зная, что это лучший способ досадить Круллю, погруженному в проверку вычислений.

— Могли бы и потише! — сказал наконец Круль, обращаясь к ним обоим, словно не видел, что ходит один Пиркс, а Массена, надев наушники и развалившись в пневматическом кресле, с увлечением слушает какую-то передачу. Пиркс открыл дверь — его обдало могучим потоком западного ветра — и, когда глаза немного привыкли к темноте, прислонился спиной к гудящей под напором ветра стене из листового алюминия и стал смотреть в ту сторону, откуда должен был появиться Анел. Он видел только редкие звезды, дрожавшие в воздухе, порывы ветра холодным потоком обрушивались ему на голову, спутывали волосы, а ноздри и легкие прямо-таки распирало от ветра — скорость была метров сорок в секунду. Он постоял, а когда ему стало холодно, вернулся в дом, где Массена, зевая, снимал с головы наушники и расчесывал пятерней волосы, Круль же, сморщенный, сухой, терпеливо складывал бумаги в папки, постукивая по столу пачкой листов, чтобы подравнять их.

— Нет его! — сказал Пиркс и сам удивился, как это прозвучало — почти как вызов. Круль и Массена, видимо, заметили, каким тоном это было сказано, потому что Массена быстро взглянул на Пиркса и бросил:

— Это ничего, дойдет, хоть и темно; вернется на инфракрасном...

Пиркс посмотрел на него, но ничего не ответил. Проходя мимо Крулля, он поднял с кресла брошенную книжку и, усевшись в своем углу, притворился,

что читает. Ветер усиливался. Звуки за окном нарастали, вздымались, переходили в вой. Что-то мягко шлепнуло о стену — или это ветка? — и опять потянулись минуты молчания. Массена, явно ожидавший, что всегда уступчивый Пиркс возьмется готовить ужин, наконец встал и начал вскрывать банки саморазогревающихся консервов, каждый раз внимательно читая надписи на этикетках, словно надеялся найти среди запасов какое-нибудь неизвестное до сих пор лакомство. Пирксу есть не хотелось. Точнее, он был голоден, но ему не хотелось двигаться с места. Постепенно его начало охватывать недоброе, холодное бешенство, он ополчился бог весть почему на обоих товарищей, которые вообще-то были не худшими из возможных.

Считал ли он, что с Анелом что-то приключилось? Что робот, скажем, подвергся нападению «таинственных жителей» планеты, в которых не верит никто, кроме сказочников? Если б был хоть один шанс на сто тысяч, что планету населяют какие-то существа, они наверняка не сидели бы так, погрязнув в мелких делишках, а немедленно предприняли бы все возможные шаги, предусмотренные правилами в пунктах втором, пятом, шестом и седьмом восемнадцатого параграфа, а также третьим и четвертым разделами правил специального поведения. Но такого шанса не было; не было вообще никаких шансов. Скорее взорвется солнце Иоты. Да, это гораздо вероятнее. Так что же могло случиться с Анелом?

Пиркс ощущал, как непрочное спокойствие, царящее в доме, который содрогался под порывами ветра. Не один Пиркс делал вид, что читает и не хочет ужинать. Остальные тоже включились в игру, сначала незаметную, но все более явную по мере того, как уходило время.

По линии технического обслуживания Анел находился в подчинении у Массены, как интеллектроника, Крулль же, будучи начальником группы, командовал им как членом экспедиции. Так что виноватым мог оказаться любой из них. Может, Массена чего-то недосмотрел, а может, Крулль неточно указал трассу, по которой должен был пройти Анел? В конце концов выяснить это было не так трудно и не из-за этого росло и пагнеталось молчание.

Крулль с самого начала помыкал роботом, награждал его презрительными кличками и не раз давал поручения, от чего остальные члены группы воздерживались, хотя бы потому, что универсальный робот — не лакей. И делал он это, видимо, затем, чтобы, унижая Анела, тем самым досадить Массене, прямо задирать которого не решался.

Теперь шла борьба нервов — первый, кто проявит беспокойство о судьбе Анела, тем самым как бы признает себя побежденным. Впрочем, Пиркс чувствовал, что и он оказался втянутым в это молчаливое соревнование, столь дурацкое и одновременно столь напряженное. Он подумал, с чего бы начал он сам, будь он руководителем. Наверно, с немногого — в такую ночь нельзя отправляться на поиски. Так или иначе оставалось ждать утра, а сейчас разве что попытаться установить радиосвязь, причем с минимальными шансами на успех, так как радиус действия ультракоротких волн в сильно пересеченной горной местности был невелик.

До сих пор они еще никогда не посылали Анела одного, тем более, что правила, не запрещая этого, обуславливали подобный шаг бесчисленными параграфами, полными оговорок. А впрочем, черт с ними, с параграфами! Пиркс считал, что Массена, вместо

того чтобы раздраженно выковыривать из банки остатки пригоревшего мяса, мог бы все-таки попытаться вызвать робота по радио. Он раздумывал, что было бы, если б он сделал это сам. С Анелом наверняка что-то случилось. Может ли робот сломать ногу? Никогда ни о чем подобном ему не приходилось слышать.

Он встал, подошел к столу и, чувствуя на себе скрытые под маской равнодушия взгляды товарищей, стал внимательно изучать карту, на которой Крулль собственноручно вычертил маршрут Анела. Не выглядит ли это так, будто он контролирует руководителя? Пиркс быстро поднял голову, встретил взгляд Крулля, который явно хотел ему что-то сказать и уже раскрыл было рот. Но, когда холодный и тяжелый взгляд упал на него, он только кашлянул и, сгорбившись, продолжал сортировать бумаги. Видимо, Пиркс здорово подействовал на него своим взглядом, впрочем сам того не сознавая, — просто в такие минуты в нем просыпалось что-то, от чего на борту ракеты его слушались и уважали, но отчасти побаивались.

Он отложил карту. Трасса доходила до большой скалистой стены с тремя словно подмытыми потоком утесами и дальше погибала их. Мог ли робот не выполнить задания? Это было невероятно.

«Но ведь можно повредить ногу, даже попав в маленькую трещину!» — подумал Пиркс. Нет, это глупо. Робот, такой, как Анел, может упасть и с сорокаметровой высоты. И не из таких положений они выходят целыми и невредимыми. Металл, из которого они сделаны, крепче, чем хрупкие человеческие кости. Так что же случилось, черт побери?

Он выпрямился и с высоты своего роста взглянул сначала на Массену, который, оттопырив губу, дул, потягивая слишком горячий чай, потом на Крулля,

наконец, демонстративно отвернувшись, пошел в крохотную спальню, где, пожалуй, с излишней резкостью выдернул из стены складную кровать и привычно, в четыре приема скинув одежду, забрался в спальный мешок. Он знал, что ему вряд ли заснуть, но сидеть с товарищами было уже невозможно. Впрочем, кто знает, останься он с ними подольше, пожалуй, он бы высказался, причем наверняка зря, потому что все равно завтра им предстоит расстаться; с того момента, как они войдут в корабль, оперативная группа Йоты Водолея прекратит существование.

Ему уже начало мерещиться то да се, полусеребряные ручейки стекали из-под век, пушистые светлячки манили ко сну, он перевернул подушку на другую, более прохладную сторону — и вдруг словно воочию увидел перед собой Анела — такого, каким он ему запомнился за несколько минут до ухода. Мас-сена как раз опоясывал автомат связкой ракетных патронов, которые позволяли, словно бы наперекор гравитации, несколько минут продержаться в воздухе; впрочем, это устройство применяли все, разумеется, при обстоятельствах, учитываемых предусмотрительными инструкциями. Странная это была сцена — всегда странно смотреть, как человек помогает роботу. Обычно бывает как раз наоборот. Однако Анел не мог дотянуться рукой до кобур, укрепленных под торчащим словно горб, набитым до отказа рюкзаком. Он нес груз, достаточный для двух человек. Правда, это не приносило ему вреда, в конце концов он был просто машиной и в случае необходимости благодаря микроскопической стронциевой батарее, заменявшей ему сердце, развивал мощность в шестнадцать лошадиных сил. Однако сейчас Пирксу в предсонном дурмане все это, вместе взятое, видимо, не очень-то по-

правилось; он всей душой был на стороне молчаливого Анела и склонялся к мысли, что тот, подобно ему самому, вовсе не так уж спокоен по натуре, а только прикидывается спокойным, делая вид, что все идет как положено. Перед тем как окончательно погрузиться в сон, Пиркс подумал еще кое о чем. Это были те глубоко интимные мечты, каким только может предаваться человек, наверно потому, что после пробуждения обычно не помнит о них, и то, что завтра он не будет ничего помнить, оправдывает сегодня все. Он вообразил себе ту сказочную, мифическую ситуацию, которая, — он знал это не хуже других — была совершенно немыслимой: бунт роботов. И ощущая в глубине души уверенность, что тогда он непременно оказался бы на их стороне, быстро погрузился в сон.

Проснулся он рано неизвестно почему, и первой его мыслью было: ветер прекратился. Потом он вспомнил об Анеле и о своих видениях перед сном; его немного смутило то, что подобное вообще могло прийти ему в голову. Еще некоторое время он лежал, пока не пришел к успокоительному выводу, что эти сумеречные, зыбкие образы посетили его не наяву, но — в противоположность сну, который снится сам, — требовали незначительной, почти без участия сознания помощи с его стороны. Подобные психологические изыскания были ему чужды, поэтому он удивился, зачем забивает себе ими голову, слегка приподнялся на локте и прислушался: абсолютная тишина. Отодвинул штору иллюминатора над головой. Сквозь мутное стекло виднелся предрассветный туман. И только тут Пиркс понял, что придется идти в горы. Вскочил с кровати, чтобы заглянуть в общую комнату. Робота не было. Те двое уже встали. За завтраком Крулл мимоходом, так, словно это было решено еще вчера,

заметил, что выйти придется немедленно, так как вечером прибудет «Ампер», а сборка дома и упаковка вещей займет самое меньшее часа полтора. Он нарочно не уточнял, идут ли они из-за отсутствия данных или из-за Анела.

Пиркс молча ел за троих. Те двое еще допивали кофе, а он встал и, покопавшись в своем мешке, переложил в рюкзак моток белого нейлонового шнура, альпеншток и крючья. Подумав, добавил альпинистские ботинки — на всякий случай.

Они вышли, когда только начало рассветать. На бесцветном небе уже не было видно звезд. Тяжелая, фиолетово-серая дымка на скалах, лицах, в самом воздухе была неподвижна и морозна, горы на севере черной массой застыли в темноте, а южный хребет, тот, который был ближе, стоял словно высвеченная сверху маска с искристой оранжевой полосой над вершинами. Этот отсвет, далекий и призрачный, делал видимыми клубы пара, вырывающиеся из ртов трех человек. Хотя атмосфера была более разреженная, чем на Земле, дышалось легко. Остановились на краю равнины. Островки травы, темнея в сумраке уходящей ночи и надвигающегося из-за гор дня, остались позади. Перед ними лежала ледниковая морена, груды камней, казалось, просвечивали сквозь колеблющуюся воду. Еще несколько сотен метров вверх — и появился ветер; он налетал короткими порывами. Люди шли, легко перескакивая через небольшие камни, поднимаясь на большие; иногда каменная плита сухо стучала о другую, порой кусочек камня выскальзывал из-под ботинка и скатывался по склону под аккомпанемент разлетающихся отголосков, словно бы внизу кто-то просыпался. Порой поскрипывал наплечный ремень, звякали подковки на ботинках; эти ску-

пые звуки придавали походу видимость согласия и четкости, словно двигалась спаянная единым желанием альпинистская группа. Пиркс шел вторым за Массеной. Было все еще слишком темно, чтобы как следует разглядеть рельеф далеких склонов. Пиркс напряженно вглядывался вдаль. Поскользнулся на валуне раз, другой, третий — неудачно поставил ногу, — но все же продолжал вглядываться, словно хотел убежать не только от тех, кто его окружал, но и от самого себя, от своих мыслей. Он вовсе не думал об Анеле, а только механически шарил взглядом по этому нагромождению древних скал, застывшему в полном безразличии, где лишь человеческое воображение могло усмотреть угрозу и вызов.

На этой планете были отчетливо различимые времена года. Экспедиция началась в конце лета, а теперь горная осень, вся в пурпуре и желтизне, уже угасала в долинах, но, словно не замечая листьев, мчащихся в пенных горных потоках, солнце было все еще теплым, и в безоблачные дни на этом плоскогорье даже припекало. Только густеющие туманы напоминали о приближении морозов и снега. Но тогда на планете уже не должно было остаться никого; и эта побелевшая каменная пустыня, которую представил себе Пиркс, внезапно показалась ему особенно желанной.

Казалось бы, заметить, что тьма редет, было невозможно, однако с каждой минутой мрак отступал и вырисовывались новые детали. Небо уже совсем побледнело — еще не день, но уже не ночь, ничего похожего на зарю в это чистое и спокойно начинающееся утро, словно все оно было заключено в шар из охлажденного стекла. Поднявшись выше, они попали в полосу молочно-белого тумана, цепляющегося гибкими

щупальцами за грунт, а когда туман остался позади, Пиркс увидел еще не освещенную солнцем, но уже различимую цель пути. Это был скалистый столб, примыкающий к основной горной цепи, а над ним, на несколько сотен метров выше, чернела двуглавая вершина, самая высокая из всех. На булавообразной вершине столба Анелу предстояло сделать последние замеры. Путь в обе стороны был легким — никаких неожиданностей, расщелин, ничего, кроме однообразной серой осыпи, кое-где пересеченной полосами плесени зеленовато-желтого цвета.

Пиркс, все еще легко перепрыгивая с одних гулких валунов на другие, вглядывался в совершенно черную на фоне неба стену и, может, затем, чтобы отогнать иные мысли, вообразил себе, что совершает обычное земное восхождение. И тотчас он другими глазами увидел скалы — действительно, можно было подумать, что целью экспедиции является покорение вершины, коль они идут прямо к хребту, тяжело выступающему из массы гравия. Гравий подходил к стене, закрывая одну треть ее, затем шло нагромождение заклиненных плит, а уже оттуда огромная плоскость устремлялась вверх; она словно замерла, взметнувшись в небо; в каких-нибудь ста метрах над плитами стену перерезала другая горная порода — это выходил на поверхность диабаз; красноватый, светлее гранита, он неровной полосой наискось пересекал весь скат обрыва.

Некоторое время вершина приковывала взгляд Пиркса своей патетической линией, но стоило им приблизиться, как с пиком произошло то, что обычно происходит с горой: перспектива исчезла, распавшись на отдельные, заслоняющие друг друга участки, причем основание утратило прежнюю покатость, выдвинулись отроги, и взору открылись бесконечные терра-

сы, полки, кончающиеся тупиками расщелины, хаос старых трещин, а над этим нагромождением блестела сама вершина, позолоченная первыми лучами солнца, остывшая, со странно мягким контуром; наконец и она исчезла, заслоненная более близкими пиками; Пиркс уже не мог оторвать глаз от колосса — да, даже на Земле эта стена была бы достойна внимания и усилий, особенно из-за отчетливо видного диабазового вала. От него до вершины, залитой солнечным светом, путь казался коротким и легким, однако известную сложность представляли козырьки, особенно самый большой, внизу блестящий от влаги или льда, скорее черный, чем красный, словно свернувшаяся кровь.

Пиркс дал волю фантазии. Ведь это могла быть не безымянная вершина под чужим солнцем, а гора, которую не раз штурмовали и при этом терпели поражения, гора, покоряющая альпиниста присущим только ей своеобразием, — подобное чувство возникает, когда видишь хорошо знакомое лицо, на котором каждая морщина и каждый шрам имеют свою историю. Небольшие, едва различимые змейки трещин, темные нитки полок, мелкие выщербины — каждая из них могла стать отметиной, которую достигаешь во время очередного штурма, местом длительных остановок, молчаливых раздумий, бурных натисков и мрачных отступлений, поражений, понесенных несмотря на то, что все тактические и технические ухищрения были использованы, — гора, настолько слившаяся с человеческими судьбами, что каждый альпинист, которого она отвергла, возвращался к ней снова и снова, с тем же неистощимым запасом надежды и веры в победу, и при новом штурме он примерял к гладкой скалистой поверхности выношенный в памяти маршрут. У этой горы могла бы быть богатая

история: окольные обходы, различные варианты ее покорения, хроника успехов и жертв, фотографии, помеченные пунктиром трасс и крестиками — самые высокие из достигнутых мест; Пиркс ухитрился представить себе это с величайшей легкостью, более того, ему казалось странным, что это не так.

Массена шел первым, слегка сутулясь. Постепенно разлившийся дневной свет не оставил больше никаких иллюзий насчет «легких мест» стены — это обманчивое ощущение легкости и безопасности было порождено голубоватой дымкой, так мирно обволакивающей каждый участок блестящей скалы. День, ясный и чистый, уже добрался до путешественников, от их ног тянулись длинные, колеблющиеся тени. От каменной стены к осыпи вели два больших стока, еще полных ночи; застывший поток гравия вздымался там и неожиданно исчезал, поглощенный крошечной тьмой.

Уже давно невозможно было охватить массив одним взглядом. Пропорции изменились, стена, издавна ничем не примечательная, являла неповторимую индивидуальность форм, а впереди, как бы постепенно вырастая из-под рассыпавшейся карточной колоды плоских плит, все увеличиваясь, вздымался вверх гигантский столб, он расширялся, рос, пока наконец не оттеснил и не заслонил все остальное и остался один в холодной, мрачной тени никогда не выдававших солнца мест.

Они как раз ступили на пятно вечного снега, покрытое брызгами камней, слетавших с высоты, когда Массена замедлил шаг, потом остановился, словно прислушиваясь. Пиркс, который подошел к нему первым, понял — Массена ткнул пальцем в собственное ухо, где торчал шарик динамика.

— Он был здесь?

Массена кивнул, поднеся к грязной, спрессовавшейся поверхности снега металлический прутик индикатора радиоактивности. Подошвы ботинок Анела были насыщены радиоактивным изотопом, и счетчик обнаружил его след. Робот прошел здесь вчера, только не известно, по пути туда или уже обратно. Во всяком случае они отыскиали его трассу. Начиная с этого места замедлили шаг.

Казалось, темный каменный столб вздымается рядом, но Пиркс знал, что в горах нельзя определять расстояние на глазок. Теперь они были выше линии снегов и валунов и шли по древней, округлой грани. В полной тишине Пирксу казалось, будто он слышит попискивание в наушниках Массены, хотя это было, конечно, совершенно невозможно. Время от времени Массена останавливался, водил концом металлического прута, опускал его, почти касаясь скалы, рисовал в воздухе петли и восьмерки, будто древний маг, наконец, отыскав след, снова пускался в путь. Они уже приближались к тому участку, где Анел должен был провести замеры; Пиркс внимательно разглядывал скалу, словно искал следы, оставленные пропавшим.

Но скала была пуста.

Самая легкая часть пути осталась позади — впереди из-под основания столба торчали наклонившиеся под всевозможными углами плиты, будто кто-то специально сделал гигантский разрез скальных пород и приоткрыл каменное чрево, обнажив сердцевину горы, древнейшие слои, местами потрескавшиеся под чудовищной тяжестью всей этой стены, на целые километры взметнувшейся в небо. Еще сто, сто пятьдесят шагов — дальше пройти невозможно.

Массена, водя перед собой концом индикатора, кружил на первый взгляд бесцельно и бессмысленно, с бесстрастным выражением лица, прищулив глаза, сдвинув на лоб темные очки, потом остановился и сказал:

— Он был здесь. И довольно долго.

— Откуда ты знаешь? — спросил Пиркс.

Массена пожал плечами, вытащил из уха шарик, от которого тянулась тонкая нитка провода, и вместе с прутком индикатора протянул Пирксу. Пиркс услышал стрекотание и писк. На поверхности скалы не было ни отпечатков, ни следов — ничего, только этот звук, отдающийся в голове пронзительным звоном, свидетельствовал, что Анел, должно быть, действительно довольно долго топтался здесь. Почти каждый метр поверхности выдавал его присутствие. Постепенно в хаосе звуков Пиркс сумел что-то уловить — по-видимому, Анел пришел той же дорогой, какой и они, расставил треногу аппарата и ходил вокруг него, пока делал замеры и снимки, несколько раз передвигал треногу в поисках более удобного места для наблюдения. Да, картина получалась вполне ясная. Но что же произошло потом?

Пиркс принялся делать вокруг этого места все более широкие круги, двигался по спирали, чтобы отыскать след, идущий от центра, след возвращения, но такого следа не было. Получалось, будто Анел вернулся, ступая точно по собственному следу, но это уж выглядело совершенно неправдоподобно. Ведь у него не было чувствительного к радиации индикатора, и он не мог знать, где проходил раньше, да еще с точностью до сантиметра.

Крулль что-то говорил Массене, но Пиркс, не слушая, продолжал кружить, и вдруг ему показалось, что

наушники пискнули — один раз, но явственно. Он замедлил шаг. Да, здесь. Он оглянулся. След был у стены, как будто робот повернул не к лагерю, а, напротив, двинулся к скальному столбу.

Это было непонятно. Что ему там понадобилось?

Пиркс искал еще хотя бы один след, но скалы молчали, и ему пришлось проверять все потрескавшиеся плиты, нагроможденные у основания колонн; трудно было предугадать, на какую из них Анел поставил ногу. Наконец Пиркс отыскал след в пяти метрах от предыдущего; неужели Анел прыгнул так далеко? Но зачем? Он опять отступил и немного погодя обнаружил потерянный след — робот перескакивал с камня на камень. Вдруг Пиркс, плавно водивший прутом по камням, вздрогнул, словно у него в голове взорвался разрывной патрон; крохотный динамик-шарик в ухе так взвыл, что Пиркс поморщился почти как от боли. Он взглянул на каменную плиту и остолбенел. Заклиненный между двумя камнями, на дне естественного колодца лежал целехонький аппарат рядом с фотографической камерой. По другую сторону плиты к камню был прислонен упакованный как полагается рюкзак Анела с расстегнутыми ремнями. Пиркс кликнул остальных. Круль проверил кассеты — походило на то, что все замеры были проделаны. Работа была сделана. Оставалось только выяснить судьбу Анела. Мас-сена сложил ладони рупором и несколько раз громко крикнул. Далекое, протяжное эхо отозвалось от скал. Пиркс даже вздрогнул; этот призыв прозвучал для него так, словно искали человека, заблудившегося в горах. Спустя минуту интеллектроник вынул из кармана плоскую коробочку передатчика, присел на корточки и начал вызывать робота, но было видно, что делает он это скорее по обязанности, чем по

убежденно. Тем временем Пиркс продолжал искать следы. Походило на то, что робот довольно долго топтался на одном месте — столько едва слышных писков издавал наушник. Чересчур большое количество следов окончательно сбило Пиркса с толку. Наконец он грубо очертил границу района, которую робот наверняка не пересекал, и стал ходить вдоль нее, рассчитывая на то, что отыщет новый след, который укажет направление дальнейших поисков.

Описав очередной круг, он вернулся к скале. Между каменным выступом, на котором он стоял, и совершенно отвесной скалой, вздымающейся вверх, зияла полутораметровая расщелина; ее дно было усеяно мелкими, остроконечными обломками гравия. Пиркс тщательно исследовал и это место, но наушники молчали. Он оказался перед совершенно непонятной загадкой: Анел словно растворился в воздухе. Массена и Круль вполголоса совещались за его спиной, а он медленно поднял голову и впервые с такого близкого расстояния взглянул на идущий вверх каменный столб.

Непреодолимой была сила вызова, которую он ощущал в каменном покое скалы; скорее это был даже не вызов, а что-то похожее на протянутую руку. Тут же у Пиркса появилась уверенность, что от этого нельзя отказываться, что это начало дороги, по которой он не может не пойти. Совершенно произвольно он представил себе первые шаги; тут все было ясно. Одним длинным, точно рассчитанным прыжком можно перемахнуть через щель и сразу оказаться на небольшом уступе, затем надо двигаться наискосок, вдоль трещины, чуть дальше переходящей в неглубокую расщелину. Не зная толком, зачем он это делает, Пиркс поднял индикатор и, высунувшись насколько

мог, поднес его к каменному уступу по другую сторону щели. Динамик пискнул. Для верности Пиркс еще раз повторил ту же операцию, с трудом удерживая равновесие, и снова услышал короткий писк. Теперь он уже не сомневался.

— Анел пошел наверх, — вернувшись к товарищам, спокойно произнес он и указал на каменный столб.

Круль вроде бы не понял, а Массена повторил:

— Наверх? Не понимаю. Зачем наверх?

— Не знаю. Туда ведет след, — ответил Пиркс с притворным безразличием.

Массена был склонен думать, что Пиркс ошибся, но тут же убедился сам, что это правда. Анел одним широким шагом перемахнул через щель и пошел вдоль каменного завала. Возникло замешательство. Круль считал, что после того, как замеры были сделаны, робот вследствие какого-то дефекта распрограммировался; Массена придерживался того мнения, что это невозможно, ведь Анел оставил все аппараты и рюкзак, совсем так, будто обдуманно готовился к трудному восхождению, и значит, что-то заставило его сделать это.

Пиркс молчал. Он уже решил, что пойдет, даже если придется идти одному; Круль все равно не пошел бы, потому что это требовало альпинистских навыков, и немалых. От Массены он слышал, что тот ходил много и, кажется, был неплохо знаком с техникой восхождения на крючьях; и, когда наступило молчание, он просто сказал, что намерен идти — готов ли Массена сопровождать его?

Круль тут же стал возражать: инструкция запрещает подвергать людей опасности; в полдень за ними прилетит «Ампер»; им еще предстоит сложить дом и упаковать вещи; замеры сделаны; робот

явно попал в аварию, стало быть, надо открыто признать, что он исчез, то есть изложить в отчете обстоятельства его исчезновения.

— Значит ли это, что мы должны оставить его здесь и улететь? — спросил Пиркс.

Его спокойствие, казалось, раздражало Крулля, который, едва сдержавшись, ответил, что в докладе исчерпывающе изложит все происшедшее, не забудет привести мнения членов экспедиции и даст наиболее правдоподобное объяснение случившемуся: выход из строя мнестронов памяти либо направленного мотиваторного контура или же десинхронизация...

Массена заметил, что ни первое, ни второе, ни третье невозможно, поскольку у Анела вообще нет никаких мнестронов, а есть лишь однородная монокристаллическая система, выращенная молекулярно из переохлажденных диамагнитных растворов, обогащенных изотопными элементами...

Было ясно, что он хотел уязвить Крулля, показать ему, что тот говорит о вещах, в которых вообще ничего не смыслит. Пиркс перестал прислушиваться к разговору. Отвернувшись, он снова смерил взглядом основание столба, но уже иначе, чем до этого, — воображаемое стало реальным и, хоть ему было немного не по себе, он чувствовал явное удовлетворение, что может вступить в единоборство с горой.

Массена решил идти с Пирксом, быть может, для того, чтобы окончательно противопоставить себя Круллю. До Пиркса долетали обрывки их разговора: загадку необходимо выяснить любой ценой, а если они просто вернутся, то, может быть, упустят что-то столь же важное, сколь и таинственное, вызвавшее такую неожиданную реакцию робота, и, если существует всего лишь пять шансов из ста, что это «что-то»

произошло, риск восхождения был бы полностью оправдан.

Крулль, надо отдать ему должное, признал себя побежденным и больше не тратил слов. Воцарилось молчание. Массена начал снимать со спины аппараты, а Пиркс, который тем временем уже приготовил свою веревку, молоток, крючья и сменил тяжелые ботинки на легкие, украдкой поглядывал на него. Пиркс видел, что Массена немного расстроен. Вероятно, на него подействовала не столько стычка с Круллем — это было делом привычным, — сколько мысль, что он, видимо, сгоряча впутался в историю, из которой теперь не выпутаться. Пиркс подумал, что, предложи он Массене остаться, тот, может, и согласился бы. Впрочем, тут была задета честь! Однако Пиркс молчал, потому что, хоть вначале восхождение и обещало быть легким, нельзя было предсказать, что ждет их выше, особенно там, где большую часть каменной стены заслоняли козырьки. Ведь он даже не осмотрел стены в бинокль, потому что не собирался штурмовать ее. А все же взял веревку и крючья — зачем? Вместо того чтобы ответить на этот вопрос, он стоял и ждал Массену. Потом они медленно двинулись к подножию скалы.

— Я пойду первым, — сказал Пиркс, — сразу же на всю веревку, а там поглядим.

Массена кивнул. Пиркс еще раз обернулся — посмотрел, что делает Крулль, с которым они расстались в полном молчании. Крулль стоял на прежнем месте около брошенных рюкзаков. Пиркс и Массена были уже так высоко, что могли видеть раскинувшееся за северными отрогами оливковое пятно далеких низин. Основание каменистой осыпи еще лежало в тени, только вершины гор ослепительно блестели, освещая

выщербины почти совершенно плоской стены, высоко вздымающейся над ними.

Пиркс сделал большой шаг, нащупал ногой выступ, оттолкнулся и легко подался вверх. Первые метры были действительно не трудны. Он двигался мерно, как бы лениво, перед самыми глазами проплывали шершавые слои скалы, неровные, с впадинами более темного цвета. Он упирался, подтягивался, делал бросок вверх, чувствуя неподвижное, морозное прикосновение ночи, идущее от каменного массива. Сердце забилося быстрее, он дышал свободно, из-за работы мускулов приятное тепло разлилось по телу. Массена, шедший вторым, понемногу травил веревку, и в прозрачном воздухе было отчетливо слышно, как она шуршит, касаясь скалы. Прежде чем веревка кончилась, Пиркс отыскал удобное для страховки место; может, кого-нибудь другого он бы просто вытянул наверх, но сейчас ему хотелось проверить, чего стоит Массена. Он стоял, втиснувшись в трещину, которая шла под небольшим углом через весь столб, и, ожидая Массену, мог рассмотреть большую расщелину, которую они обходили, двигаясь параллельно ей — она как раз тут расширялась, серый камнепад образовал вогнутую нишу; снизу это место выглядело совершенно неинтересным, плоским, и только тут во всем своем великолепии стала видна поверхность скалы. Пирксу было так хорошо в одиночестве, что теперь, увидев рядом Массену, он словно возвратился к действительности. Они сразу же двинулись дальше. Так они и взбирались вверх, ритмично и спокойно, и на каждой остановке Пиркс ловил индикатором сигналы, проверяя, не выдаст ли писк в наушнике присутствия автомата. Только раз он сбился со следа и пришлось отказаться от удобной расщелины, потому что Анел под-

нялся здесь наискось по стене, хотя и не был альпинистом; Пиркс легко угадывал все его последующие решения, настолько — если можно так выразиться — однозначна, логична была эта дорога в скале, дающая возможность как можно скорее достичь вершины. Во всяком случае, было ясно, что Анел совершил восхождение. Пиркс ни на одну минуту не задумался, зачем робот сделал это. Он приучил себя не рассуждать напрасно. Понемногу он знакомился со скалой — своим противником. В его памяти всплыли, казалось бы, забытые способы и приемы, он безошибочно угадывал, что и когда делать; и хотя ему довольно часто приходилось высвобождать одну руку, чтобы поискать индикатором радиоактивный след, это не доставляло ему никаких хлопот.

Один раз, держась за выступающий камень, который тем не менее крепко сидел в скале, Пиркс посмотрел вниз. Они были уже довольно высоко, хотя, казалось, двигались медленно. Круль уже превратился в маленькое пятнышко — зеленоватый комбинезон на плоской серой осыпи, — так что Пиркс не сразу отыскал его на дне воздушного колодца, который разверзлся у самых ног.

На пути попалась небольшая щель; дорога становилась трудней, но с каждой минутой восстанавливались навыки, и подчас безопаснее было довериться собственному инстинкту, чем сознательно обдумывать выбор приемов; а в том, что дорога стала трудней, Пиркс убедился в тот момент, когда хотел освободить правую руку, чтобы взять свисавший с пояса индикатор, — и не смог этого сделать. У него только одна точка опоры для левой руки и что-то весьма непонятное под носком правого ботинка; отодвинувшись насколько возможно от скалы, он попытался отыскать

опору для другой ноги и не нашел. Тогда он отказался от индикатора, потому что выше вроде бы угадывалась небольшая полочка.

Она была покрыта ледяной коркой и наклонена в сторону пропасти, но в одном месте лед был сбит с камня. Пиркс никогда бы не смог этого сделать. Ему пришло в голову, что тут поработал ботинок Анела — ведь робот весил около четверти тонны.

Массена, который до сих пор шел вовсе не дурно, что-то начал отставать.

Они приближались к вершине каменного столба. Скала, по-прежнему шершавая, начинала все явственнее наклоняться в сторону пропасти, и идти дальше без солидной опоры было невозможно; в нескольких метрах выше расщелина, до сих пор достаточно широкая, кончилась, у Пиркса оставалось еще метров пять свободной веревки, но он приказал Массене выбрать ее, чтобы осмотреться. Прошел же здесь робот — без крючьев, без веревки и без страховки. «А стало быть, и я смогу», — подумал Пиркс. Он стал ощупывать скалу над головой; правую ступню, заклиненную в сужившейся расщелине, по которой он до сих пор передвигался, кольнуло от резкого поворота. Вот кончиками пальцев он нащупал узенькую площадку. Держась за нее, пожалуй, можно было подтянуться, ну, а дальше что?

Это было уже соперничеством не только со скалой, но как бы и с Анелом — ведь он здесь прошел, и к тому же один. Правда, у него стальные пальцы... Пиркс начал высвобождать ступню из щели; при этом небольшой камешек выскочил из-под ноги и помчался вниз. До Пиркса отчетливо донесся свист рассекаемого воздуха, через несколько долгих мгновений — ох, как нескоро! — четкий, резкий удар. «Ну, что ж, —

подумал он, — ситуация ясна». Он решил не подтягиваться и стал искать место, где можно было бы вбить костыль. Однако на скале не было и намека на трещину; Пиркс высунулся насколько мог, но ничего не нашел.

— Что там? — донесся снизу голос Массены.

— Порядок. Осматриваюсь, — сказал он.

Нога давала о себе знать, он чувствовал, что долго в таком положении ему не протянуть. Эх, если бы можно было найти другой путь! Но стоит только потерять след, и его уже не отыщешь на этой высоченной стене. Он поднял глаза вверх и стал пристально вглядываться. Каменная поверхность стены, которая отсюда была видна под очень небольшим углом зрения, казалась покрытой многочисленными трещинами, но в действительности впадин почти не было; рассчитывать можно было только на ту полочку. Когда он, подтянувшись на обеих руках вверх, извлек ступню из расщелины, у него мелькнула мысль, что возврата уже нет: он висел, скала сразу же как бы оттолкнула его, носки ботинок отделились от нее сантиметров на тридцать. Вверх! Что-то мелькнуло у него над головой. Трещина? Но до нее надо было дотянуться. Еще немного! В следующую секунду он потерял способность размышлять: надо было повиснуть на кончиках четырех пальцев правой руки, отпустить левую и дотянуться ею до той царапины или же трещины неизвестно какой глубины. «Этого нельзя было делать!» — мелькнуло у него в голове, когда он вдруг оказался на два метра выше и всем телом прижался к скале; чувствуя, что еще секунда и мускулы лопнут, он тяжело дышал и злился на себя; теперь он обеими ногами стоял на полочке и мог вбить костыль, для верности даже два, потому что первый вошел не очень

глубоко. Так он и поступил, с удовольствием вслушиваясь в чистый, звенящий высокий звук. Веревка заскочила в карабин. Пиркс знал, что придется помочь Массене; нельзя сказать, чтобы все прошло очень гладко, но ведь это же не Альпы; по крайней мере сейчас положение у него было вполне сносное.

Над полочкой была узкая, очень подходящая трещина. Пришлось взять короткий прут индикатора в зубы, потому что Пиркс боялся ударить им о камень. Выше виднелась порода другого цвета. Черная стена с древними, коричнево-серыми подтеками осталась внизу, а над головой слабо искрился рыжеватый, покрытый коричневато-красными прожилками диабаз. Несколько метров — и эта царская дорога кончилась; над головой опять был новый козырек, его невозможно было взять с таким небольшим количеством крючьев, да к тому же и без полочки под ногами; однако ведь у Анела не было ничего. Пиркс пустил в ход индикатор: робот туда не пошел. Значит, оставалось двигаться вперед по горизонтали...

Сначала это показалось ему не очень трудным и не слишком опасным. Здесь столб как бы вновь обрел свою форму; Пиркс стоял на узкой, но вполне подходящей полочке, которая доходила до излома и там обрывалась; высунувшись, он увидел, что она продолжается за выпуклостью скалы, в каких-нибудь полутора метрах — наверняка меньше чем в двух. Значит, надо было обвиться телом вокруг выступа и, потеряв опору для правой ступни, оттолкнуться левой так, чтобы, описав кривую над пропастью, правой упереться в продолжение полки. Он искал, куда можно было бы вбить костыль, — с подстраховкой это не представляло бы особого труда. Но злобная стена и здесь была совершенно монолитной. Он глянул вниз: с того

места, которое мог занять Массеиа, страховка была полнейшей фикцией. Сорвавшись, он летел бы по меньшей мере метров пятнадцать, рывком могло вырвать даже хорошо вбитые костыли. И однако индикатор говорил, что робот проделал этот путь — один! «Что же это значит, черт побери?! — сказал он себе. — По другую сторону есть полка! Только один шаг! Ну, вперед, растяпа!» Но он продолжал стоять. Если бы хоть удалось натянуть веревку — где там! Он высунулся и несколько секунд смотрел на полку, дольше не мог — начали дрожать мускулы. А если нога соскользнет? У Анела были стальные подошвы. Полка светилась — тающий лед. Скользко, черт побери. Надо было взять с собой вибразы...

— И написать завещание, — беззвучно прошептал он. Глаза у него сощурились, взгляд застыл. Ссутулившись, раскинув руки, ища опоры в шероховатости скалы, он обвинил ее телом и сделал тот шаг, который столько ему стоил. Оказавшись по другую сторону, он даже не почувствовал удовлетворения, так как увидел, что влип. Полка на той стороне была ниже — значит, на обратном пути придется прыгать вверх. Да еще с этим фортелем на изломе скалы — это уже было не восхождение или акробатика, а черт знает что! Спускаться на веревке? Ведь если не...

Он понимал, что это уже полнейший идиотизм, но продолжал идти дальше, пока мог. Он совершенно забыл об Анеле; было не до него. Под ним раскачивалась слегка натянутая веревка, она была четко видна, предательски близка и осязаема, она вырисовывалась на фоне осыпи, расплывшейся в голубоватой дымке у основания стены. Полка кончилась, и отсюда не было пути ни вверх, ни вниз; пути назад тоже не было. «Никогда в жизни не видел ничего более гладкого», —

подумал он как-то особенно спокойно, однако теперь у него было другое состояние, потому что хуже ничего представить невозможно и нервничать было уже совершенно ни к чему. Он осмотрелся. Под ногами — четырехсантиметровый выступ, а дальше — конец, только нечеткое, темное пятнышко расщелины, которая, казалось, манила его к себе; Пиркса отделяли от нее четыре метра по стене, такой плотной, такой отвесной, какую только можно себе вообразить. «И это называется гранит?!» — с досадой подумал он. Видимо, здесь временами текла вода — в этом месте каменная плита потемнела, он даже видел отдельные капли; Пиркс взял индикатор в правую руку и начал водить им, пытаясь отыскать следы робота. Послышался слабый писк. Значит, Анел тут прошел. Но как? Вдруг он заметил маленькое пятнышко — серый, как скала, мох. Сорвал его. Малюсенькая углубинка, величиной с ноготь. Костыль не желал входить больше чем наполовину, но и это было спасением. Он дернул за кольцо — сидит? В общем-то сидит. Итак — теперь левой рукой за костыль и потихоньку... Отпрянув от скалы, он случайно отвел глаза от щели, которая так и манила его, словно бы созданная веками ради одного мимолетного мгновения, которое должно было наступить; тогда его взгляд камнем полетел вниз — и наконец выхватил голубоватую искру на сером фоне осыпи.

Решающий шаг так и не был сделан.

— Что там? — раздался голос Массены.

— Сейчас! Минутку! — отозвался Пиркс, перебрасывая веревку через карабин. Ему необходимо было все как следует рассмотреть. Он снова отпрянул, почти всей тяжестью повиснув на костыле, словно пытался вырвать его из стены. Нужно проверить...

Да, это был Анел. Что же еще могло так блеснуть там, внизу? Ведь трасса уже давно отошла от вертикали, и теперь он отклонился в сторону метров на триста от того места, с которого они начали восхождение. Пиркс искал каких-нибудь более приметных ориентиров там, внизу. Веревка сдавливала грудь, было трудно дышать, кровь стучала в висках. Пиркс пытался запомнить детали: вон тот большой валун — его удастся узнать, хотя сейчас он виден под другим углом. Когда он принял вертикальное положение, его стала бить дрожь. «Придется съезжать», — сказал он себе и как-то совершенно бездумно взялся за костыль, который сразу вылез, словно сидел в масле; он почувствовал себя странно, но спрятал костыль в карман и начал обдумывать, как выбраться отсюда. Это удалось, хотя все сошло не очень гладко: Массена у себя понабивал крючьев, укоротил веревку, а Пиркс попросту пролетел метров восемь вдоль плиты и повис; ниже была другая щель, и в нее они уже съезжали попеременно. Когда Массена спросил, почему они возвращаются, он ответил:

— Я его нашел.

— Анела?

— Да. Он упал. Лежит там, внизу.

Обратный путь длился меньше часа. Пиркс, не жалея, оставлял костыли в скале. Это было интересное чувство — думать, что никогда уже не поставят тут ноги ни он, ни кто-то другой, а в этой скале будут торчать кусочки железа, обработанного на Земле, и они будут торчать всегда, вечно.

Когда, спустившись вниз, они сделали несколько неуверенных шагов, словно отвыкли от обычной ходьбы, Крульль подбежал к ним и уже издали крикнул, что нашел брошенные неподалеку реактивные кобуры

Анела. Робот, вероятно, снял их умышленно, прежде чем пошел на стену, что было уже явным доказательством его аберрации, так как в случае падения только они и могли ему помочь.

Массена, казалось, не обращал ни малейшего внимания на открытие Крулля — он и не думал скрывать, чего стоило ему восхождение: наоборот, демонстративно уселся на валуне, широко расставив ноги, словно наслаждался твердостью грунта, и чересчур усердно вытирал платком лицо, лоб и шею.

Пиркс сказал Крулло, что Анел упал; спустя несколько минут пошли его искать. Поиски длились недолго. Он падал с высоты метров триста. Панцирь разлетелся, металлический череп тоже, и монокристаллический мозг распался на маленькие стекляные осколки, блескующие на беловатых камнях, словно слюда. К счастью, Круль не упрекнул их, что восхождение было совершенно бесцельным. Он только повторял не без удовольствия, что Анел распрограммировался: оставленные кобуры — бесспорное доказательство этому. На Массену восхождение повлияло, но не в лучшую сторону; он даже не пытался возражать, и вообще, казалось, он только и ждал того момента, когда группу расформируют и они расстанутся окончательно. Поэтому возвращались в молчании, тем более, что Пиркс не считал для себя обязательным высказывать собственное мнение о происшествии. Он был убежден, что дело тут вовсе не в технических неполадках, и то, что произошло, не имело ничего общего с какими-то монокристаллами или мнестронами. Разве же он, Пиркс, тоже «распрограммировался», коль ему так сильно хотелось поко-

рнуть эту стену? Просто Анел был более похож на своих конструкторов, чем им бы этого хотелось. Когда он выполнил задание, у него оставалось еще много времени — он ведь был очень исполнительен и скор. Он не только видел, но и понимал окружающее; он был создан для разрешения трудных задач, то есть для игры, а тут подвернулась игра довольно редкая и с наивысшей ставкой. Пиркс не мог удержаться от улыбки, когда подумал о слепоте Крулля и Массены; сознательно отложенные Анелом реактивные патроны они сочли доказательством — уже совершенно бесспорным — того, что робот распрограммировался. Но ведь любой человек поступил бы так же, в противоположном случае все предприятие вообще не имело смысла, а превратилось бы лишь в разновидность гимнастики. О, нет! Технические неполадки тут были ни при чем, и никакие выводы, уравнения, никакие кривые уже не могли переубедить Пиркса. Его удивляло только одно — что Анел не упал раньше, — ведь он шел один, без навыков, без тренировки, ведь его строили не для того, чтобы он сражался со скалами. Что произошло бы, если б он вернулся? Неизвестно почему, Пиркс был убежден, что они никогда не узнали бы об этом. Во всяком случае, от Анела. А в том месте он решился прыгнуть. Что он при этом думал? Наверно, ничего, как и сам Пиркс. Дотронулся ли он до края расщелины? Если да, там должен остаться след, след радиоактивных атомов, которые будут постепенно распадаться, пока наконец не испарятся и не исчезнут.

Пиркс знал еще одно: что он никому об этом не скажет. На его месте всякий настойчиво придерживался бы гипотезы, сваливающей все на технические

неполадки, гипотезы самой простой и самой естественной — ведь только она не изменяла картину мира.

К стоянке пришли в полдень, торопливо собрали дом, который исчезал целыми секциями, так что наконец на том месте, где он стоял, осталась только утоптанная четырехугольная площадка; Пиркс переносил ящики, сворачивал металлические листы, делал все то, что должен был делать Анел; когда он это осознал, он немного помедлил, прежде чем подать груз протянувшему руки Массене.

ДОЗНАНИЕ

— Шеннэн Куин!

— Я, командор.

— Вы являетесь свидетелем по делу, которое слушается в Космическом трибунале под моим председательством. При обращении ко мне следует применять звание «председатель», а членов трибунала полагается именовать судьями. На вопросы членов трибунала вы должны отвечать незамедлительно, а на вопросы обвинения и защиты — только с разрешения трибунала. В своих показаниях вы можете основываться лишь на том, что сами видели и знаете по собственному опыту, но не на том, что слышали от третьих лиц. Вам понятны эти разъяснения?

— Да, председатель.

— Вас зовут Шеннэн Куин?

— Да.

— Однако в команду «Голиафа» вы были включены под другой фамилией?

— Да, председатель; это было одним из условий договора, который заключили со мной арматоры.

— Вы знали причины, по которым вам дали псевдоним?

— Я знал эти причины, председатель.

— Вы принимали участие в эллиптическом полете «Голиафа» в период с восемнадцатого по тридцатое октября текущего года?

— Да, председатель.

— Какие функции выполняли вы на борту?

— Я был вторым пилотом.

— Расскажите трибуналу, что произошло на борту «Голиафа» во время вышеупомянутого полета, а именно двадцать первого октября. Начните с данных, касающихся местонахождения корабля и поставленных перед вами задач.

— В восемь тридцать по бортовому времени мы пересекли внешний периметр спутников Сатурна на гиперболической скорости и начали торможение, которое продолжалось до одиннадцати. За это время мы сбросили гиперболическую и на удвоенной орбитальной нулевой начали маневр перехода на круговую орбиту, чтобы, находясь на ней, вывести искусственные спутники в плоскость кольца.

— Говоря об удвоенной нулевой, вы имеете в виду скорость пятьдесят два километра в секунду?

— Да, председатель. В одиннадцать кончилась моя вахта, но, поскольку при маневрировании приходилось непрерывно корректировать курс, я только поменялся местами с первым пилотом, который с этого момента вел корабль, тогда как я исполнял обязанности штурмана.

— Кто приказал вам так поступить?

— Командир, судья. Вообще-то это обычный порядок в таких условиях. Нашей целью было подойти как можно ближе на безопасное расстояние к границе Роша в плоскости кольца и оттуда, с почти круговой орбиты, поочередно запустить три зонда-автомата, которые потом надлежало дистанционным способом, управляя по радио, ввести в пределы сферы Роша. Один из зондов следовало вывести на орбиту внутри щели Кассини, то есть в пространство, отделяющее внутреннее кольцо Сатурна от внешнего, а остальные

два предназначались для контроля за его движением. Может быть, нужно объяснить подробнее?

— Объясните.

— Слушаюсь, председатель. Оба кольца Сатурна состоят из мелких частиц и разделены щелью шириной около четырех тысяч километров. Искусственный спутник, движущийся в этой щели вокруг планеты, должен был доставить информацию о возмущениях гравитационного поля, а также об относительных внутренних движениях частиц, из которых состоят кольца. Но возмущения орбиты очень скоро вытолкнули бы такой спутник из этого свободного пространства — либо в зону внутреннего кольца, либо в зону внешнего, где его, конечно, стерло бы в порошок. Чтобы этого не произошло, мы должны были запустить два специальных спутника, имеющих собственную тягу на ионных двигателях — сравнительно маломощных, порядка одной четвертой — одной пятой тонны, — и этим двум спутникам — «сторожам» предстояло с помощью радаров следить, чтобы тот, который движется по орбите внутри щели, не выходил из нее. Бортовые калькуляторы этих «сторожей» должны были рассчитывать необходимые поправки для орбитального спутника и соответствующим образом включать его двигатели. Это позволяло надеяться, что спутник будет работать, пока у него хватит горючего, то есть около двух месяцев.

— С какой целью предполагалось вывести на орбиту два контролирующих спутника? Не считаете ли вы, что хватило бы одного?

— Наверняка хватило бы, судья. Второй «сторож» был, попросту говоря, про запас, на случай, если первый подведет или будет уничтожен при столкновении с метеоритами. При астрономических наблюдениях

с Земли пространство вокруг Сатурна — вне кольца и лун — кажется пустым, но в действительности оно порядком засорено. В таких условиях, разумеется, невозможно избежать столкновений с мелкими метеоритами. Именно поэтому нам надлежало поддерживать круговую орбитальную скорость, — ведь практически все обломки вращаются в экваториальной плоскости Сатурна с его первой космической скоростью. Это уменьшало вероятность столкновения до приемлемого минимума. Кроме того, у нас на борту была противометеоритная защита в виде выстреливаемых экранов: их можно выстрелить либо с пульта первого пилота, либо это мог сделать соответствующий автомат, сопряженный с корабельным радаром.

— Считали ли вы это задание трудным или опасным?

— Оно не было ни слишком трудным, ни особенно опасным при условии, что все маневры были бы проделаны четко и без помех. У нас считается, что окрестности Сатурна — это мусорная свалка похуже, чем возле Юпитера, но зато ускорения, которые требуются для маневра, там куда меньше, чем на юпитерианской орбите, а это дает значительное преимущество.

— Кого вы имели в виду, говоря «у нас»?

— Пилотов... ну и навигаторов.

— Одним словом — космонавтов?

— Да. Примерно в двадцать часов по бортовому времени мы подошли практически к внешней границе кольца.

— В его плоскости?

— Да. На расстояние около тысячи километров. Датчики уже там констатировали значительное запыление пространства. Корабль получал около четырех-

сот пылевых микроударов в секунду. В соответствии с программой мы вошли в сферу Роша над кольцом и с круговой орбиты, практически параллельной щели Кассини, начали выбрасывать зонды. Первый зонд мы выбросили в пятнадцать часов по бортовому времени и с помощью радарного пульсатора ввели его в щель. Это было как раз моей обязанностью. Первый пилот помогал мне, поддерживая минимальную тягу. Благодаря этому мы обращались практически с той же скоростью, что и кольца. Кальдер маневрировал очень умело. Он держал тягу именно на таком уровне, который позволял правильно ориентировать корабль — носом вперед. Без тяги сразу же начинается кувыркание.

— Кто, кроме вас и первого пилота, находился в рулевой рубке?

— Все. Вся команда. Командир сидел между мной и Кальдером, ближе к нему, потому что он так расположил свое кресло. За мной находились инженер и электронщик. Доктор Барнс сидел, кажется, за командиром.

— Вы в этом не уверены?

— Я не обратил на это внимания. Я был все время занят, да и вообще с кресла трудно оглядываться назад. Спинка слишком высока.

— Зонд был введен в щель визуально?

— Не только визуально. Я поддерживал с ним непрерывную телевизионную связь. Кроме того, я использовал радарный дальномер. Вычислив данные орбиты зонда, я удостоверился, что он посажен хорошо — примерно посередине между кольцами, — и сказал Кальдеру, что я готов.

— Сказали, что вы готовы?

— Да, к запуску следующего зонда. Кальдер включил лапу, люк открылся, но зонд не вышел.

— Что вы называете «лапой»?

— Гидравлический поршень, который выталкивает зонд из наружной катапульты после открытия люка. У нас на корме были три такие катапульты, и этот маневр следовало повторить трижды.

— Значит, второй по счету спутник не покинул корабль?

— Нет, он застрял в катапульте.

— Опишите подробно, что к этому привело.

— Очередность операций была такой: сначала открывается внешний люк, потом включается гидравлика, а когда индикаторы показывают, что спутник выходит, включается его стартовый автомат. Автомат дает зажигание с задержкой в сто секунд, чтобы при аварийной ситуации успеть его выключить. Автомат запускает малый бустер на твердом топливе, и спутник отходит от корабля на собственной тяге — порядка одной тонны в течение пятнадцати секунд. Нужно, чтобы он отошел от корабля-матки как можно быстрее. Когда бустер выгорает, автоматически включается ионный двигатель, находящийся под дистанционным управлением штурмана. В данном случае Кальдер уже включил автомат запуска, потому что спутник начал выдвигаться, а когда спутник вдруг застрял, он пытался выключить автомат, но это ему не удалось.

— Вы уверены в том, что первый пилот пытался выключить стартовый автомат зонда?

— Да, он возился с рукояткой, ее заклинило. Не знаю почему, но заряд все-таки сработал. Кальдер крикнул: «Блок!» — это я сам слышал.

— Он крикнул «Блок!»?

— Да, что-то там заблокировалось. Оставалось еще полминуты до запуска бустера, так что Кальдер

снова попытался вытолкнуть зонд, увеличив давление. Манометры показывали максимум, но зонд все равно сидел как приклеенный. Тогда Кальдер отвел поршень назад и толкнул его снова; мы все почувствовали, как он ударил в зонд — прямо как молотом.

— Он старался таким путем вытолкнуть зонд?

— Да; возможно даже, что зонд при этом был бы уничтожен, поскольку Кальдер не наращивал нажим постепенно, а сразу дал полное давление в систему. Впрочем, он поступил вполне разумно — ведь запасной зонд у нас был, а запасного корабля не было.

— Это следует понимать как остроту? Будьте любезны воздержаться от таких словесных упражнений.

— Значит, поршень ударил, но зонд не выскочил, а время шло, поэтому я крикнул: «Ремни!» — и пристегнулся на всю тягу. Кроме меня, то же самое крикнули по меньшей мере еще двое — один из них был командир, я узнал его по голосу.

— Объясните трибуналу, почему вы так поступили.

— Мы находились на круговой орбите над кольцом А и, значит, шли практически без тяги. Я знал, что, когда бустер сработает, — а это было неизбежно, потому что стартер уже включился, — мы получим боковой удар струи и корабль начнет кувыркаться. Заклинил зонд на правом борту, обращенном к Сатурну. Значит, он должен был действовать как боковой отражатель. Я ждал кувырканий и центробежных эффектов, которые пилоту придется гасить собственной тягой корабля. В такой ситуации нельзя было заранее предвидеть, к каким маневрам придется прибегнуть. На всякий случай следовало хорошенько пристегнуться.

— Значит, во время вахты вы исполняли обязанности штурмана, отстегнув ремни?

— Нет, ремни не были отстегнуты совсем, просто ослаблены. Их можно в известной степени регулировать. Если пряжку затянуть полностью — у нас это называется «на всю тягу», — тогда свобода движений ограничивается.

— Вам известно, что устав не предусматривает никаких ослаблений и никакой регулировки ремней?

— Так точно, я знал, что в инструкции говорится другое, но так всегда делают.

— Что вы имеете в виду?

— На практике на всех кораблях, где я летал, регулировали застёжки на поясах, потому что это облегчает работу.

— Распространенность нарушения не оправдывает его. Продолжайте.

— Как я и ожидал, бустер зонда сработал. Корабль стал вращаться вдоль поперечной оси и одновременно нас начало сносить с прежней орбиты — правда, очень медленно. Пилот уравнивал это двойное движение собственной боковой тягой корабля, но не полностью, то есть не до нуля.

— Почему?

— Я сам не был у штурвала, но думаю, что это было невозможно. Зонд заклинило в катапульте с открытым люком, через люк выходила часть газов двигателя зонда, эта струя, видимо, имела завихрения и поэтому была неравномерно. В результате боковые толчки то ослабевали, то усиливались, а из-за этого коррекция собственной тягой вызвала боковые маятниковые качания всего корпуса. А когда бустер отработал, началось гораздо более сильное кувыркание, с обратным знаком, и пилот не смог его пога-

сильно сразу — пока не понял, что хоть бустер и сдох, но зато включился ионный двигатель.

— «Бустер сдох»?

— Я хотел сказать, что пилот не был полностью уверен, сработает ли ионный двигатель, — он ведь очень сильно ударил по зонду поршнем и мог повредить двигатель; да он, наверно, этого и добивался, я бы тоже так поступил. Но когда бустер погас, оказалось, что ионная тяга все же действует и мы снова получаем опрокидывающий боковой момент порядка четверти тонны. Не очень-то много, но на такой орбите хватит для кувыркания. Ведь у нас была круговая орбитальная скорость, а при ней малейшие перепады ускорения колоссально влияют на траекторию и устойчивость полета.

— Как вели себя при этом члены команды?

— Совершенно спокойно. Конечно, все сознавали, как опасен момент зажигания бустера — ведь там пороховой заряд весом в сто килограммов, и в таком полужамкнутом пространстве, которое образовалось в катапульте с заклинившимся зондом, он мог попросту детонировать, как бомба. Нам разворотило бы штирборт, как консервную банку. На наше счастье, до взрыва не дошло. А ионный двигатель такой опасности уже не представлял. Правда, тут возникло добавочное осложнение из-за того, что автомат включил сигнал пожарной тревоги и начал заливать пеной катапульту номер два. Ничего хорошего из этого выйти не могло, ионный двигатель пеной не погасишь, так что эту пену выбрасывало в открытый люк и, наверно, какая-то ее часть всасывалась в выходную дюзу и гасила тягу. Пока пилот не включил систему пеногасителей, мы несколько минут испытывали боковые толчки — не очень сильные, но, во всяком случае, затруднявшие стабилизацию.

— Кто включил систему гасителей?

— Автомат, когда датчики показали повышение температуры в обшивке штирборта сверх семисот градусов: это бустер нас так подогрел.

— Какие распоряжения или приказы давал командир за это время?

— Он не давал никаких распоряжений или приказов. Мне казалось, что он хочет посмотреть, как поступит пилот. В принципе у нас были две возможности: либо попросту отойти от планеты на возрастающей тяге и начать возвращение на гиперболу, отказавшись от выполнения задачи, либо же попробовать вывести на контрольную орбиту последний, третий спутник. Отход означал бы провал всей программы, потому что зонд, который уже находился в щели, наверняка разбился бы в результате дрейфа через несколько часов, не позже. Корректировать его траекторию снаружи зондом «сторожем» было необходимо.

— Эту альтернативу, естественно, обязан был решить командир корабля?

— Председатель, я должен отвечать на этот вопрос?

— Ответьте на вопрос обвинения.

— Так вот, командир, конечно, мог отдавать распоряжения, но не обязан был это делать. В принципе пилот в определенных ситуациях уполномочен выполнять обязанности командира корабля, согласно параграфу шестнадцатому бортовой инструкции, поскольку часто случается, что командиру уже нет времени объясняться с людьми у руля.

— Однако в данных обстоятельствах командир мог отдавать приказы — ведь не было ни ускорения, препятствующего отдаче приказов вслух, ни прямой угрозы уничтожения корабля.

— В пятнадцать с минутами по бортовому времени пилот включил умеренную выравнивающую тягу...

— Почему свидетель игнорирует то, что я сказал? Прошу трибунал сделать свидетелю замечание и предложить ему отвечать на мои вопросы.

— Уважаемый трибунал, я должен отвечать на вопросы, а ведь прокурор не задал мне никакого вопроса. Прокурор только прокомментировал со своей точки зрения ситуацию, сложившуюся на корабле. Должен ли я в свою очередь комментировать эти комментарии?

— Прокурору следует сформулировать вопрос, адресованный свидетелю, а свидетель должен проявлять максимум доброй воли при даче показаний.

— Не считает ли свидетель, что в сложившейся ситуации командир обязан был принять конкретное решение и сообщить его пилоту в форме приказа?

— Прокурор, инструкция не предусматривает...

— Свидетель обязан обращаться только к трибуналу.

— Слушаюсь. Уважаемый трибунал, инструкция не предусматривает детально всех ситуаций, которые могут возникнуть на борту. Да это и невозможно. Если б это было возможно, каждый член команды мог бы выучить инструкцию наизусть и тогда командование вообще оказалось бы ненужным.

— Обвинение заявляет протест против подобного рода иронических замечаний свидетеля.

— Свидетель, ответьте кратко и прямо на вопрос прокурора.

— Слушаюсь. Так вот, я не считаю, что командир должен был в данной ситуации отдавать какие-то особые приказы. Он присутствовал; он видел и понимал, что происходит; если он молчал, это означало, что, согласно двадцать второму параграфу бортовой инст-

рукции, он разрешает пилоту действовать по его собственному разумению.

— Уважаемый трибунал, свидетель извращенно трактует смысл двадцать второго параграфа бортовой инструкции, поскольку в данном случае применим параграф двадцать шестой, где речь идет об опасных ситуациях.

— Уважаемый трибунал, ситуация, которая сложилась на «Голиафе», не представляла опасности ни для корабля, ни для здоровья и жизни команды.

— Уважаемый трибунал, свидетель откровенно проявляет отсутствие доброй воли! Вместо того чтобы стремиться к установлению объективной истины, он пытается в своих показаниях любой ценой оправдать поведение обвиняемого Пиркса, который был командиром корабля! Ситуация, в которой оказался корабль, несомненно, относилась к числу тех, на которые распространяется двадцать шестой параграф!

— Уважаемый трибунал, прокурор не может одновременно выступать в роли эксперта, который утаивает фактическое положение вещей!

— Лишаю свидетеля слова. Трибунал откладывает решение вопроса о применимости параграфа двадцать второго или двадцать шестого бортовой инструкции до особого рассмотрения. Свидетель, сообщите, что происходило на корабле в дальнейшем.

— Кальдер, правда, не обращался к командиру ни с какими вопросами, но я видел, что он несколько раз посмотрел в его сторону. Тем временем тяга заклинившегося зонда выравнивалась и стабилизировать корабль было уже нетрудно. Добившись прочной стабилизации, Кальдер начал отдаляться от кольца, но не требовал от меня прокладки курса к Земле, из чего я заключил, что он все же попытается выполнить нашу задачу.

Когда мы вышли из сферы Роша — примерно в шестнадцать часов, — Кальдер сигнализировал максимальную перегрузку и тут же попытался вытолкнуть зонд.

— То есть?

— Ну, он включил сигнал максимума перегрузок и сразу же вслед за тем дал сигнал «Полный назад!», а потом «Полный вперед!» Зонд весит три тонны; на полном ускорении он должен весить раз в двадцать больше. Он должен был вылететь из катапульты, как пуля. Отойдя примерно на десять тысяч миль, Кальдер поочередно дал два таких удара тягой, — но без всякого результата. Он добился только того, что боковой момент еще более увеличился. Видимо, в результате внезапных ускорений зонд, который еще крепче заклинился в катапульте, изменил положение, и теперь вся его газовая струя била в поднятую крышку наружного люка; отражалась от нее и уходила в пространство. Удары тягой были неприятны для команды и довольно опасны для корабля: ведь было ясно, что если зонд вообще выйдет, то прихватит с собой кусок наружной обшивки. Походило на то, что нам придется либо посылать людей в скафандрах и с инструментами на обшивку, либо возвращаться, таща с собой этот... черт... прошу прощения, этот заклинившийся зонд.

— Пробовал ли Кальдер выключить двигатель зонда?

— Он не мог этого сделать, потому что кабель управления, соединяющий зонд с кораблем, был уже порван — следовательно, оставалось только радиоуправление, но ведь зонд торчал в самом зеве катапульты и экранировался ее металлической оболочкой. Мы шли примерно около минуты, удаляясь от планеты, и я уже был уверен, что Кальдер все-таки решил

возвращаться; он выполнил несколько маневров, совершая так называемый «выход на звезду» — при этом нос корабля нацеливают на какую-либо звезду и дают переменную тягу. Если управление в порядке, звезда должна стоять в экране совершенно неподвижно. У нас, понятно, так не получилось, динамическая характеристика полета была изменена, и Кальдер пытался выяснить ее количественные параметры. После нескольких попыток ему все же удалось подобрать тягу, которая уравнивала боковой момент, и тогда он повернул обратно.

— Вы поняли в этот момент, каковы истинные намерения Кальдера?

— Да. Точнее говоря, я предполагал, что он все же захочет вывести на орбиту оставшийся на борту третий зонд. Мы снова спустились над плоскостью эклиптики со стороны Солнца, причем Кальдер работал прямо-таки блестяще; если б я не видел сам, то никогда бы не предположил, что можно с такой свободой управлять кораблем, в который как бы встроен не предусмотренный конструкцией боковой двигатель. Кальдер велел мне вычислить поправки курса и всю траекторию вместе с исправляющими импульсами для нашего третьего зонда. После этого у меня уже не оставалось никаких сомнений.

— Выполнили вы эти приказы?

— Нет. То есть я сказал ему, что не могу рассчитывать курс в соответствии с программой, коль скоро нам предстоит действовать иначе, — мы ведь уже не могли строго придерживаться программы. Я затребовал у него дополнительные данные, потому что не знал, с какой высоты он намерен выводить на орбиту третий зонд, но он мне ничего не ответил. Возможно,

он обратился ко мне только для того, чтобы таким путем информировать командира о своем намерении.

— Вы так полагаете? Но ведь Кальдер мог обратиться непосредственно к командиру.

— Возможно, он не хотел этого делать. А может, он как раз и был заинтересован в том, чтобы никто не подумал, будто он не знает, как следует действовать. Но не менее вероятно и то, что Кальдер хотел показать, какой он отличный пилот, коль скоро берется за выполнение таких задач, в которых навигатор — то есть я — не сможет ему помочь. Но командир никак на это не отреагировал, а Кальдер уже шел на сближение с кольцами. Тут мне это перестало нравиться.

— Попрошу вас говорить более конкретно.

— Слушаюсь. Я подумал, что пахнет рискованным маневром.

— Позволю себе обратить внимание уважаемого трибунала, что свидетель невольно подтвердил сейчас то, чего не хотел признать ранее: долгом командира было активно вмешаться в возникшую ситуацию. Следовательно, командир сознательно, с обдуманым намерением пренебрег своим долгом, подвергая тем самым корабль и команду трудно предсказываемым опасностям.

— Уважаемый трибунал, дело обстоит не так, как утверждает прокурор.

— Вам следует не полемизировать с обвинением, а давать показания, ограничиваясь описанием событий. Почему в тот момент, когда Кальдер начал возвращение на орбиту кольца, — и только тогда — вы сочли маневр рискованным?

— Возможно, я неточно выразился. Дело вот в чем: в подобных обстоятельствах пилот должен обратиться к командиру. Я-то на его месте наверняка

бы так и сделал. Первоначальную программу мы уже не могли осуществить во всех деталях. Я думал, что Кальдер — раз уж командир предоставил ему инициативу — попробует запустить третий зонд на большой дистанции, то есть не очень приближаясь к кольцу. Правда, при этом уменьшались шансы на успех, но это было возможно, а вместе с тем безопасно. И действительно, на малой скорости Кальдер приказал мне повторно рассчитать курс для спутника, наводимого импульсами с расстояния порядка тысячи — тысячи двухсот километров. Желая ему помочь, я начал рассчитывать этот курс; оказывалось, что величина получается примерно такого же порядка, как вся ширина щели Кассини. Следовательно, было пятьдесят шансов из ста за то, что зонд, вместо того чтобы выйти на орбиту контроля, пойдет либо к планете, либо наружу и разобьется о кольцо. Я сообщил Кальдеру эти результаты, за неимением лучших.

— Ознакомился ли командир с результатами ваших вычислений?

— Он должен был их видеть, потому что цифры появлялись на индикаторе, который находился как раз над нашими пультами. Мы шли на малой тяге, и мне показалось, что Кальдер не может решить, что же делать. Он действительно зашел в тупик. Если б он теперь отступил, это означало бы, что он ошибся в расчетах, что интуиция его подвела. Пока он не повернул к планете, ему еще можно было делать вид, что он считает риск слишком большим и неоправданным. Но Кальдер уже продемонстрировал, что корабль управляем, несмотря на изменившуюся динамическую характеристику тяги, а кроме того, хоть он этого и не сказал, из последующих его маневров ясно было, что он все же попытается вывести зонд на орбиту. Мы

шли на сближение, и я полагал, что он пытается несколько улучшить наши шансы; ведь они увеличивались с уменьшением расстояния. Но если б он этого добивался, то ему следовало уже начинать торможение, а он, наоборот, увеличил тягу. Только когда Кальдер это сделал, только в этот момент я подумал, что он собирается сделать нечто совсем иное, — а раньше мне это и в голову не приходило. Впрочем, это моментально поняли все.

— Вы утверждаете, что все члены команды осознали серьезность положения?

— Да. Сзади меня кто-то, сидевший у бакборта, в момент ускорения произнес: «Жизнь была прекрасна».

— Кто это сказал?

— Этого я не знаю. Может, инженер, а может, электронщик. Я не обратил внимания. Все это происходило в какие-то доли секунды. Кальдер включил сигнал максимума и дал сильную тягу, держа курс на пересечение с кольцом. Ясно было, что он хочет провести «Голиаф» через самый центр щели Кассини и по дороге «потерять» третий зонд, используя прием «вспугнутой птицы».

— Что это за прием?

— Так его иногда называют: корабль «теряет» зонд, вроде как испуганная птица теряет яйцо... Но командир запретил ему это.

— Командир запретил? Он отдал такой приказ?

— Так точно.

— Обвинение протестует. Свидетель искажает факты. Командир не отдавал такого приказа.

— Но командир действительно пытался отдать такой приказ, только не успел его полностью произнести. Кальдер, правда, дал предостережение о максимуме

тяги, но всего за миг до начала маневра. Когда вспыхнул красный сигнал, командир ему крикнул, а он в тот же миг пошел на полную мощность. Под таким давлением, свыше четырнадцати *g*, уже невозможно произвести ни звука. Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот. Я не утверждаю, что он действительно этого хотел, но так оно выглядело. Нас сразу придавило так, что я совершенно ослеп, поэтому командир только успел крикнуть...

— Обвинение заявляет протест против формулировок, применяемых свидетелем. Вопреки собственной оговорке свидетель старается нам внушить, будто пилот Кальдер с заранее обдуманной намерением и злым умыслом пытался воспрепятствовать командиру корабля в отдаче приказа.

— Ничего подобного я не говорил.

— Лишаю свидетеля слова. Трибунал принимает протест обвинения. Вычеркните из протокола слова свидетеля, начиная с фразы: «Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот». Свидетель, будьте любезны воздержаться от комментариев и точно повторить то, что в действительности сказал командир.

— Ну, как я уже говорил, командир, собственно, не успел полностью сформулировать свой приказ, но смысл его был очевиден. Он запретил Кальдеру входить в щель Кассини.

— Обвинение протестует. Для фактической стороны дела имеет значение не то, что хотел сказать обвиняемый Пиркс, а лишь то, что он в действительности сказал.

— Трибунал принимает протест. Прошу свидетеля ограничиться тем, что было сказано в рулевой рубке.

— Было сказано достаточно, чтобы любой человек, являющийся профессиональным космонавтом, по-

нял, что командир запрещает пилоту входить в щель Кассини.

— Свидетель, повторите эти слова. Трибунал сам решит, каков был их подлинный смысл.

— Я не помню самих слов, помню только их смысл. Командир крикнул что-то вроде: «Не иди сквозь кольцо!» — или, может быть: «Не насквозь!» — и дальше он уже говорить не мог.

— Однако ранее вы утверждали, что командир не произнес законченной фразы, а процитированные сейчас слова: «Не иди сквозь кольцо!» — составляют законченную фразу.

— Если бы в этом зале возник пожар и я бы крикнул: «Горит!» — это не была бы законченная фраза, поскольку в ней не сказано, что горит и где горит, но это было бы вполне понятным предостережением.

— Обвинение протестует! Прошу трибунал призвать свидетеля к порядку!

— Трибунал делает свидетелю замечание. В обязанности свидетеля не входит забавлять трибунал притчами и анекдотами. Прошу ограничиться фактической информацией о том, что происходило на борту.

— Слушаюсь. На борту происходило то, что командир возгласом запретил пилоту вводить корабль в щель...

— Обвинение протестует! Показания свидетеля тенденциозно искажают факты!

— Трибунал стремится быть снисходительным. Свидетель, вы должны понять, что целью судебного разбирательства является установление реальных фактов. Можете ли вы процитировать обрывок фразы, который произнес командир?

— Мы находились уже под большим ускорением. У меня наступил блэк-аут, я ничего не видел, но слышал возглас командира. Слова не были различимы,

однако я понял, о чем шла речь. Тем более это предупреждение должен был слышать пилот — ведь он находился еще ближе к командиру, чем я.

— Защита просит повторно заслушать регистрирующие ленты из рулевой рубки — ту часть, которая относится к возгласу командира.

— Трибунал отклоняет просьбу защиты. Ленты уже были прослушаны, и было установлено, что степень искажения голоса дает возможность идентифицировать личность говорившего, но не позволяет установить содержание возгласа. По этому спорному вопросу трибунал примет особое решение. Прошу свидетеля рассказать, что произошло после возгласа командира.

— Когда ко мне вернулось зрение, мы шли на перерез кольца. Датчики ускорения показывали два g . Скорость была гиперболической. Командир закричал: «Кальдер! Ты не выполнил приказа! Я запретил тебе входить в Кассини!», а Кальдер тотчас ответил: «Я этого не слышал, командир!»

— Однако же командир не приказал ему немедленно затормозить или повернуть?

— Это было невозможно. Мы шли на гиперболической порядка восьмидесяти километров в секунду. Не могло быть и речи о том, чтобы погасить такой разгон, не переходя гравитационного барьера.

— Что вы называете гравитационным барьером?

— Постоянное положительное или отрицательное ускорение порядка двадцати — двадцати двух гравитационных единиц. С каждой секундой полета сквозь кольцо требовалась все большая обратная тяга, чтобы затормозить. Сначала, видимо, около пятидесяти g , а потом, может, и сто. При таком торможении мы все погибли бы. Точнее, все люди на борту погибли бы.

— Технически корабль может развивать ускорение такого порядка?

— Да, может, — но только если сорвать предохранители. «Голиаф» располагает атомным двигателем, который в максимуме рассчитан на тягу порядка десяти тысяч тонн.

— Прошу продолжать показания.

— «Ты хочешь уничтожить корабль?» — спросил командир вполне спокойным тоном. «Мы пройдем сквозь Кассини, и я заторможу на той стороне», — ответил Кальдер так же спокойно. Не успел еще окончиться этот разговор, как мы вошли в боковое вращение. Видимо, в результате внезапного скачка ускорения, с которого Кальдер начал прохождение щели, положение зонда в катапульте изменилось каким-то образом, и хотя боковой момент уменьшился, но поток газов шел теперь по касательной к корпусу, так что весь корабль вертелся как волчок по продольной оси. Сначала вращение было довольно медленное, но с каждой секундой ускорялось. Это было началом катастрофы. Кальдер невольно вызвал ее — тем, что очень резко увеличил ускорение.

— Объясните трибуналу, почему, по вашему мнению, Кальдер увеличил ускорение?

— Обвинение заявляет протест. Свидетель пристрастен и несомненно ответит, как он уже заявлял, что Кальдер пытался принудить командира к молчанию.

— Я вовсе не это хотел сказать. Кальдеру не обязательно было увеличивать ускорение скачком, он мог сделать это постепенно, но большая тяга была все равно необходима, если он собирался войти в Кассини. В околосатурновом пространстве крайне трудно маневрировать, тут на каждом шагу сталкиваешься

с математически неразрешимыми задачами о движении многих тел. Воздействие самого Сатурна, массы его колец и ближайших спутников — все это, вместе взятое, создает поле тяготения, в котором невозможно одновременно учесть всю сумму возмущений. Вдобавок у нас был еще боковой момент со стороны зонда. При этих обстоятельствах мы двигались по траектории, которая была результатом воздействия множества сил: и собственной тяги корабля, и притяжения распределенных в пространстве масс. Так вот, чем большую тягу мы имели, тем меньше становилось влияние возмущающих факторов, потому что их величина была постоянной, а величина нашей скорости росла. Увеличивая быстроту движения, Кальдер делал нашу траекторию менее чувствительной к внешним возмущающим факторам. Я убежден, что проход ему удался бы, если б не это внезапно возникшее боковое вращение.

— Вы считаете, что для полностью исправного корабля прохождение через щель было возможно?

— Ну конечно. Это вполне возможный маневр, хоть его и запрещают все учебники космологии. Щель Кассини имеет ширину три с половиной тысячи километров; на обочинах ее полным-полно крупной ледяной и метеоритной пыли, которую визуально заметить, правда, нельзя, но в которой корабль, идущий на гиперболической, сгорит наверняка. Более или менее чистое пространство, через которое можно пройти, имеет километров пятьсот-шестьсот в ширину. На малых скоростях войти в такой коридор нетрудно, но при больших появляется гравитационный дрейф; поэтому Кальдер сначала тщательно нацелился носом в щель, а уж потом дал большую тягу. Если бы зонд не повернулся, все сошло бы гладко. По крайней мере

я так думаю. Конечно, был определенный риск — примерно один шанс из тридцати, — что мы врежемся в какой-нибудь одиночный обломок. Но тут начались эти продольные обороты. Кальдер пытался их погасить, но это ему не удалось. Он очень хорошо боролся. Это я должен признать.

— Кальдер не мог ликвидировать вращение корабля? Вы можете объяснить, почему?

— Уже раньше, наблюдая за Кальдером во время вахт, я убедился, что он феноменальный вычислитель. Он очень полагался на свои способности делать молниеносные расчеты без помощи калькулятора. На гиперболической при этих наших обстоятельствах нам предстояло протиснуться сквозь игольное ушко. Индикаторы тяги были бесполезны — они ведь показывали только тягу «Голшафа» и не могли дать величину тяги зонда. Кальдер смотрел только на гравиметры и вел корабль исключительно по их показаниям. Это были прямо-таки математические состязания — между мозгом Кальдера и стремительно изменявшимися условиями полета. О способностях Кальдера можно судить по тому, что я едва успевал прочесть показания индикаторов, а он в то же время производил в уме вычисления, составляя дифференциальные уравнения четвертого порядка. Хотя я и считал предшествующее поведение Кальдера возмутительным, так как был уверен, что он услышал приказ командира и умышленно им пренебрег, но все же я им восхищался.

— Вы не ответили на вопрос трибунала.

— Я как раз приступал к ответу. Расчеты Кальдера, хоть он и делал их за доли секунды, могли быть только приближенными. Они не были идеально точными и не могли такими быть, даже если б на месте Кальдера была лучшая в мире вычислительная ма-

шина. Размер ошибки, которую он не мог учесть, возрастал — и мы продолжали вращаться. Некоторое время мне казалось, что Кальдер все-таки справится; но он раньше меня понял, что проиграл, и выключил всю тягу. Мы вошли в полную невесомость.

— Зачем он выключил тягу?

— Он хотел пройти сквозь щель почти по прямой, но не мог погасить продольных оборотов корабля. «Голиаф» кружился, как волчок, и из-за этого вел себя, как волчок: сопротивлялся тяговой силе, которая стремилась установить его вдоль оси. Мы попали в прецессию; чем больше возрастала наша скорость, тем сильнее раскачивалась корма. В результате мы шли по сильно вытянутой винтовой, корабль раскачивало с боку на бок, а каждый из таких витков имел добрую сотню километров в диаметре. С такой траекторией мы могли запросто угодить в край кольца, а не в центр щели. Кальдер уже не мог ничего поделать. Он сел в воронку.

— Что это значит?

— Мы обычно так называем необратимые ситуации, в которые легко попасть, но из которых нет выхода. Дальнейший наш полет был уже совершенно непредсказуемым. Когда Кальдер выключил двигатели, я думал, что он просто отдается на волю случая. Цифры так и мигали в окошках индикаторов, но вычислять было уже нечего. Кольца сверкали так, что больно было смотреть, — они ведь состоят из ледяных глыб. Они кружились перед ними, как карусель, вместе со щелью, которая походила на черную трещину. В таких случаях время замедляется неимоверно. Сколько я ни взглядывал на стрелки секундомера, мне все казалось, что они стоят на месте. Кальдер начал стремительно отстегивать ремни. Я стал делать то же

самое, так как догадался, что он хочет сорвать главный предохранитель перегрузок, расположенный на пульте, а в ремнях не может до него дотянуться. Имея в своем распоряжении полную мощность, он еще мог бы затормозить и уйти в пространство, только бы ему набрать эти самые сто *g*. Мы-то лопнули бы, как воздушные шарики, но он бы спас корабль — ну, и себя. Вообще-то я должен был уже раньше догадаться, что он не человек, — ведь ни один человек не мог бы вычислять так, как он... но я лишь в тот момент это осознал. Я хотел его задержать, пока он не подошел к пульту, но он действовал быстрее меня. Он и должен был действовать быстрее. «Не отстегивайся!» — крикнул мне командир. А Кальдеру он крикнул: «Не трогай предохранитель!» Кальдер на это не обратил внимания, он уже встал. «Полный вперед!» — крикнул командир, и я выполнил приказ: ведь у меня был второй штурвал. Я не сразу ударил всей мощностью, пошел на пять *g*, потому что не хотел убивать Кальдера — я только хотел рывком отбросить его от предохранителей, но он устоял на ногах. Это выглядело жутко: ведь ни один человек не устоит при пяти *g*! Он устоял, только схватился за пульт, кожу с ладоней у него сорвало, а он все держался, потому что под этой кожей была сталь. Тогда я дал сразу максимум. На четырнадцать *g* он оторвался, полетел назад с чудовищным грохотом, будто цельная глыба металла, промчался между нашими креслами, трахнулся о переборку так, что она затряслась и секурит вдребезги раскололся, а Кальдер издал совершенно ни на что не похожий крик, и я слышал за спиной, как он сзади катается, сокрушает переборки, как разрушает все, за что ни ухватится, но уже не обращал на это внимания, потому что щель раскрывалась перед нами; мы перли

в нее напролом, с вращающейся кормой, я снизил тягу до четырех *g*. Все решал теперь случай. Командир крикнул, чтобы я стрелял; тогда я начал выстреливать один за другим противометеоритные экраны, чтобы убрать перед носом обломки поменьше, если они появятся; экраны эти мало чего стоили, но все же лучше такая защита, чем никакая. Кассини был как огромная черная пасть, я видел огонь по носу, далеко, защитные экраны разворачивались и тут же сгорали, сталкиваясь с облаками ледяной пыли; возникали и мгновенно лопались громадные серебристые тучи невероятной красоты, корабль слегка тряхнуло, датчики по правому борту все вместе прыгнули, это был термический удар, мы задели за что-то, не знаю за что, — и оказались уже по ту сторону...

*

— Командор Пиркс?

— Да, это я. Вы хотели меня видеть?

— Безусловно. Спасибо, что пришли. Садитесь, пожалуйста...

Человек за столом нажал кнопку черного ящичка и сказал:

— Ближайшие двадцать минут я буду занят. Меня ни для кого нет.

Он выключил аппарат и пристально посмотрел на Пиркса.

— Командор, у меня есть для вас одно оригинальное предложение. Некий... — он поискал подходящее слово — ...эксперимент. Однако предварительно я должен просить вас сохранить в тайне все, что я скажу. Также и в том случае, если вы отклоните мое предложение. Вы согласны?

Молчание длилось несколько секунд.

— Нет, — ответил Пиркс. И добавил: — Разве что вы расскажете мне об этом побольше.

— Вы не из тех, кто соглашается на что-либо вслепую? Собственно, я мог этого ожидать после всего, что я о вас слышал. Сигарету?

— Нет, спасибо.

— Речь идет об экспериментальном полете.

— Новый тип корабля?

— Нет. Новый тип команды.

— Команды? Какова же моя роль?

— Всесторонняя оценка ее пригодности. Это все, что я могу сказать. Теперь ваша очередь решать.

— Я буду молчать, если сочту это возможным.

— Возможным?

— Желательным.

— На основании каких критериев?

— Так называемой совести, с вашего разрешения.

Снова прошло несколько секунд. В большой комнате с окном во всю стену было тихо, словно она не находилась среди двух тысяч других комнат громадного небоскреба с тремя вертолетными посадочными площадками на крыше. Пиркс почти не различал собеседника: он видел его на фоне светящегося тумана, в котором тонули шестнадцать верхних этажей здания. Временами молочные клубы тумана сгущались за прозрачной стеной, и тогда казалось, что вся комната плывет куда-то, несомая неощутимой силой.

— Хорошо. Как видите, я согласен на все. Речь идет о рейсе Земля — Земля.

— Петля?

— Да. С облетом Сатурна и выводом там на стационарную орбиту новых автоматических спутников.

— Это ведь проект «Юпитер»?

— Да, один из элементов этого проекта, поскольку речь идет о спутниках. Корабль тоже принадлежит КОМСЕКу, так что все мероприятие проходит под опекой ЮНЕСКО. Как вам известно, я и представляю именно эту организацию. У нас есть, конечно, свои пилоты и навигаторы, однако мы выбрали вас, поскольку тут большую роль играет дополнительный фактор — та команда, о которой я уже упомянул.

Директор ЮНЕСКО вконец замолчал. Пиркс ждал, невольно прислушиваясь, но тишина была такая, будто ни малейший звук не раздавался в радиусе многих миль, — а ведь вокруг был многомиллионный город.

— Как вам, наверное, известно, уже несколько лет существует возможность создавать устройства, все более широко заменяющие человека. Те из них, которые могут сравниться с человеком во многих областях сразу, были до сих пор — из-за своих размеров и веса — стационарными. Однако успехи физики твердого тела позволили осуществить, почти одновременно в СССР и в Соединенных Штатах, следующий этап микроминиатюризации, уже на молекулярном уровне. Созданы экспериментальные прототипы кристаллических систем, эквивалентных мозгу. Они все еще в полтора раза больше человеческого мозга, но это не имеет значения. Ряд американских фирм уже запатентовал такие конструкции, и в настоящее время собираются приступить к серийному выпуску человекоподобных автоматов, так называемых конечных нелинейников, прежде всего для обслуживания внеземных кораблей.

— Я слышал об этом. Но профсоюзы этому будто бы воспротивились? И потом, это потребовало бы, кажется, значительных изменений в существующем законодательстве?

— Вы об этом слышали? В прессе не было ни слова...

— Да. Но шли какие-то закулисные разговоры, переговоры, и слухи о них просочились в нашу среду. Это, я думаю, естественно.

— Конечно. Разумеется. Ну, что ж, тем лучше, хотя... Каково же ваше мнение?

— По этому вопросу? Скорее отрицательное. Да, пожалуй, даже резко отрицательное. Боюсь, однако, что ничьи мнения тут не имеют существенного значения. Последствия открытий неумолимы — самое большее, можно на какое-то время затормозить их реализацию...

— Одним словом, вы считаете это неизбежным злом?

— Я бы это не так сформулировал. Я считаю, что человечество не готово к нашествию искусственных человекоподобных существ. Разумеется, наиболее важно — действительно ли они равны человеку? Я лично с такими никогда не встречался. Я не специалист, но те специалисты, которых я знаю, считают, что о настоящем равенстве, о полноценности не может быть и речи.

— Не преубеждены ли вы? Действительно, таково мнение многих специалистов, точнее, оно было таковым. Но, видите ли... фирмы руководствуются экономическими факторами. Рентабельностью производства.

— Иными словами — надеждой на прибыли?

— Да. То есть в данном случае федеральное правительство (я имею в виду Америку), равно как и правительства Великобритании и Франции, пока что не открыло частным фирмам доступа к той документации, которая разработана институтами, финанси-

руемыми государством. Но частные фирмы вполне могут восполнить пробелы в документации собственными силами — у них ведь есть свои исследовательские лаборатории.

— «Кибертроникс»?

— Не только. «Машинтрекс», «Интельтрон» и другие. Так что в правительственных кругах этих государств многие опасаются последствий всего этого. Ведь частным фирмам безразлично, что у государства не хватит средств для массового переобучения людей, которые останутся без работы из-за наплыва нелинейников.

— Нелинейники? Странно. Я не встречал такого термина.

— Это просто жаргонное словечко, которым мы пользуемся. Все-таки лучше, чем «гомункулус» или «искусственный человек». Ведь это же вообще-то не люди — ни искусственные, ни натуральные.

— В смысле неполноценности?

— Знаете ли, командор, я тоже не специалист в этой области, так что при всем желании не смогу вам ответить. Мои собственные предположения ничего ведь не стоят. Дело в том, что одним из первых потребителей новой продукции стал бы КОСНАВ.

— Но ведь это частное англо-американское предприятие?

— Именно поэтому. «Космикэл навигэйшн» уже несколько лет переживает финансовые затруднения, потому что космонавтика социалистических стран, которую не ограничивают требования немедленной прибыли, представляет для этой компании сильнейшего конкурента — она берет на себя все большую часть грузооборота. Особенно на главных внеземных трассах. Вы, наверно, знаете об этом?

— Конечно. Я вовсе не огорчился бы, если б КОСНАВ обанкротился. Раз уж удалось интернационализировать космические исследования на базе ООН, так и с космонавтикой можно сделать то же самое. Мне, по крайней мере, так кажется.

— Мне тоже. Заверяю вас, что и я бы этого желал, — хотя бы из должностных соображений. Но это дела грядущих дней. А пока, с вашего разрешения, ситуация такова, что КОСНАВ готов принять любое количество нелетчиков для обслуживания своих рейсов — сначала только грузовых, — на пассажирских они боятся бойкота со стороны широкой общественности. Предварительные переговоры уже ведутся.

— И печать об этом молчит?

— Переговоры неофициальные. Вообще-то в некоторых газетах были упоминания, но КОСНАВ их опроверг. Формально они вроде и правы. В конце концов, командор, это же настоящие юридические джунгли. По существу, они действуют в сфере, на которую не распространяются ни законы их стран, ни международные соглашения. Опять же и президент, учитывая приближающийся конец своего срока, не будет пытаться провести через конгресс законы, которых домогается крупный интеллектронный капитал, — он испугается бурной реакции профсоюзов. Так вот, перехожу наконец к делу: некоторые фирмы, предвидя возможные возражения печати, рабочего и профсоюзного движения и так далее, решили предоставить в наше распоряжение группу полупрототипов, чтобы мы исследовали их пригодность для обслуживания внеземных кораблей.

— Простите, кому же это «нам»? ООН? Это как-то странно выглядит,

— Ну не прямо ООН, конечно. Нам — это значит ЮНЕСКО. Поскольку это организация, занимающаяся вопросами науки, культуры, просвещения...

— Простите меня, но я по-прежнему ничего не понимаю. Что общего имеют эти автоматы с просвещением или наукой?

— Но ведь появление этих — как вы сами сказали? — этих... псевдолюдей, фабрикующихся на конвейере, наверно, наиболее заметно во всех отношениях скажется именно в сфере общечеловеческой культуры. Дело не только в последствиях чисто экономических, в опасности безработицы и так далее, но и в воздействии психологическом, социальном, культурном. Впрочем, для полной ясности признаюсь, что мы приняли это предложение без особого энтузиазма. Дирекция сначала собиралась даже вообще его отвергнуть. Тогда эти фирмы выдвинули дополнительный довод: в качестве экипажа корабля нелинейники обеспечивают несравненно большую гарантию безопасности, чем команда, состоящая из людей. У них более быстрые реакции, практически отсутствует усталость и потребность в сне, они не подвержены болезням, обладают колоссальной избыточностью, которая позволяет им функционировать даже в случае серьезного повреждения, и вдобавок они не нуждаются ни в пище, ни в воздухе и могут выполнять задания даже в условиях разгерметизации или перегрева корабля и так далее. Ну, это, вы сами понимаете, очень серьезные аргументы — ведь на первый план выступают не прибыли каких-то там частных фирм, а безопасность кораблей и грузов. Тут уж, кто знает, возможно, даже ООН решилась бы на своих исследовательских кораблях...

— Понимаю. Но это очень опасный прецедент. Вы, наверно, отдаете себе в этом отчет?

— Почему опасный?

— Потому что примерно то же самое можно сказать и о других профессиях и функциях. В один прекрасный день могут уволить и вас, а в это кресло усядется робот.

Директор засмеялся не очень уверенно. Впрочем, он тут же стал серьезным.

— Видите ли... дорогой мой командор, мы, собственно, отошли от темы нашего разговора. Но что, по-вашему, можно сделать в создавшейся ситуации? ЮНЕСКО могла бы отвергнуть предложение этих господ, но это не изменит сути дела. Если их автоматы действительно так хороши, то раньше или позже за них ухватится КОСНАВ, а за ним пойдут другие.

— А что изменится, если ЮНЕСКО возьмет на себя роль технического контролера продукции этих фирм?

— Но, позвольте... речь идет не о техническом контроле. Мы хотели... теперь уж я скажу все до конца... мы хотели предложить вам рейс с таким экипажем. Вы были бы командиром. За эти две — три недели вы смогли бы разобраться, чего они стоят. Тем более, подчеркиваю, что это разные модели, отличающиеся друг от друга. Мы просили бы вас по возвращении представить нам квалифицированное всестороннее заключение по большому количеству пунктов (поскольку речь идет как о профессиональных аспектах, так и об иных — психологических): в какой мере эти автоматы приспособляются к человеку, насколько соответствуют его представлениям, возникает ли ощущение их превосходства или, наоборот, их психической неполноценности... Соответствующие отделы

нашей организации снабдили бы вас и материалами, и анкетами, подготовленными видными учеными, психологами...

— И в этом состояло бы мое задание?

— Да. Вы не обязаны давать мне ответ сейчас же. Насколько мне известно, в данный момент вы не летаете?

— У меня шестинедельный отпуск.

— Тогда, скажем... может быть, вы обдумаете это за два дня?

— Еще два вопроса. Какие последствия будет иметь мое заключение?

— Оно будет решающим!

— Для кого?

— Для нас, разумеется. Для ЮНЕСКО. Я убежден, что, если дело дойдет до интернационализации космонавтики, ваше заключение представит собой важное подспорье для тех законодательных комиссий ООН, которые...

— Прошу прощения. Это дела грядущих дней, как вы сказали. Значит, для ЮНЕСКО, говорите? Но ведь ЮНЕСКО — это не фирма, не предприятие и не собирается, я надеюсь, сделаться рекламным бюро для каких-то фирм?

— Ну, что вы! Конечно же, нет. Мы опубликуем ваше заключение в мировой прессе. Результаты, если они будут отрицательными, наверняка приостановят ход переговоров КОСНАВа с этими фирмами. И таким образом мы окажем влияние...

— Еще раз прошу прощения. А если результаты будут положительными, то мы не приостановим и не окажем влияния?

Директор хмыкнул, кашлянул и наконец усмехнулся.

— Говоря с вами, командор, я чувствую себя почти виновным. Словно у меня совесть нечиста... Ну, разве ЮНЕСКО изобрела этих нелинейных роботов? Разве вся эта ситуация — результат наших трудов? Мы стараемся действовать объективно, в интересах всех...

— Мне это не нравится.

— Командор, вы можете отказаться. Но согласитесь, что если б мы все так поступили, это был бы жест Понтия Пилата. Легче всего умыть руки. Мы ведь не всемирное правительство и не можем никому запретить производство каких-либо машин. Это компетенция отдельных правительств — кстати, скажу я вам, они и пробовали запретить, были такие попытки, проекты, но ничего из этого не вышло! И церковь тоже ничего не добилась, а вы ведь знаете ее абсолютно негативную позицию в этом вопросе.

— Да. Короче, никому это не нравится, и все молча смотрят, как это происходит.

— Потому что нет юридических оснований для противодействия.

— А последствия? Да у этих фирм, у них самих, земля задрожит под ногами, когда они создадут такую безработицу, что...

— Тут я вынужден вас перебить. Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Все мы этого опасаемся. Тем не менее мы бессильны. Но все же не вполне бессильны. Мы можем провести хотя бы этот эксперимент. Вы предубеждены? Очень хорошо! Именно поэтому вы нам особенно подошли бы! Если вообще существуют какие-то контраргументы, вы изложите их наиболее убедительно!

— Я подумаю, — сказал Пиркс, вставая.

— Вы говорили еще о каком-то вопросе...

— Вы на него уже ответили. Я хотел знать, почему выбор пал на меня.

— Значит, вы дадите нам ответ? Прошу вас позвонить в течение двух дней. Идет?

— Идет, — сказал Пиркс, кивнул и вышел.

Платиновая блондинка-секретарша поднялась из-за стола, когда вошел Пиркс.

— Здравствуйте, я...

— Здравствуйте. Я в курсе дела, с вашего разрешения. Я сама вас провожу.

— Они уже здесь?

— Да, они ждут вас.

Она повела его по длинному пустому коридору; ее туфельки постукивали, как металлические костыльки. Холодный, каменный звук раздавался в огромном коридоре, выложенном искусственным гранитом. Мелькали темные прямоугольники дверей с алюминиевыми цифрами и табличками. Секретарша нервничала. Несколько раз она искоса поглядывала на Пиркса — это был не кокетливый, а испуганный взгляд. Когда Пиркс это заметил, ему стало немного жаль девушку, но тут же он ощутил, что все это — абсолютно сумасшедшая затея, и почти неожиданно для самого себя спросил:

— Вы их видели?

— Да. Очень недолго. Мельком.

— И какие же они?

— А вы их не видели?

Она почти обрадовалась. Как будто те, кто их хорошо знал, уже вступили в какую-то тайную, может быть и враждебную, организацию, которой ни в коем случае нельзя доверять.

— Их шестеро. Один со мной говорил. Совершенно непохож, знаете! Совершенно! Если б я его на улице встретила, никогда бы даже не подумала. Но когда я поближе присмотрелась, что-то у него такое в глазах... и здесь... — она притронулась к губам.

— А остальные?

— Они даже не вошли в комнату, стояли в коридоре.

Лифт помчал их вверх; золотистые зернышки огоньков, отсчитывавших этажи, усердно пересыпались в стене. Девушка стояла напротив Пиркса, и он мог по достоинству оценить те усилия, которые ей понадобились, чтобы при помощи губной помады, туши и грима лишить себя последних следов индивидуальности и временно превратиться в двойника Инды Ле или как еще там называли эту на новый манер взлохмаченную звезду нынешнего сезона. Когда ее веки затрепетали, Пиркс испугался за сохранность искусственных ресниц.

— Роботы... — сказала она грудным шепотом, и вздрогнула, словно от прикосновения змей.

В комнате на десятом этаже сидели шестеро мужчин. Когда Пиркс вошел, один из них, заслонившийся огромным полотнищем «Геральд трибюн», сложил газету, встал и двинулся ему навстречу, широко улыбаясь. За ним встали и остальные.

Они были примерно одинакового роста и походили на летчиков-испытателей, переодетых в гражданское: плечистые, все в одинаковых, песочного цвета костюмах, в белых рубашках с цветными галстуками бабочкой. Два светлых блондина, один рыжий как огонь, остальные темноволосые, — но у всех светлые глаза. Только это и успел заметить Пиркс, когда подошедший к нему человек, крепко встряхнув его руку, сказал:

— Меня зовут Мак-Гирр, рад вас видеть! Я имел удовольствие путешествовать однажды на корабле, которым вы командовали, на «Поллуксе»! Но вы, наверное, меня не помните...

— Нет, — сказал Пиркс.

Мак-Гирр повернулся к остальным, неподвижно стоящим вокруг газетного столика.

— Ребята, вот ваш начальник, командор Пиркс. А это ваш экипаж, командор: первый пилот Джон Кальдер, второй пилот Гарри Броун, инженер-ядерщик Энди Томсон, радист-электронщик Джон Бартон, а также нейролог, кибернетик и врач в одном лице — Томас Барнс.

Пиркс поочередно пожал им руки, потом все уселся, придвинув к столу металлические стулья, прогибающиеся под тяжестью тела. Несколько секунд царил тишина, потом Мак-Гирр нарушил ее своим крикливым баритоном:

— Прежде всего я хотел поблагодарить вас, командор, от имени дирекции фирм «Кибертроникс», «Интельтрон» и «Нортроникс» за то, что вы проявили такое доверие к нашим замыслам, приняв предложение ЮНЕСКО. Чтобы исключить возможность каких-либо недоразумений, я должен сразу пояснить, что некоторые из присутствующих появились на свет от папы с мамой, а некоторые — нет. Каждый из них знает о своем происхождении, но ничего не знает о происхождении других. Я обращаюсь к вам с просьбой не спрашивать их об этом. Во всех остальных отношениях вам предоставляется абсолютная свобода действий. Они наверняка будут добросовестно выполнять ваши приказы и проявят искренность и инициативу как в служебных, так и во внеслужебных отношениях. Однако их проинструктировали так, чтобы на

вопрос «Кто вы?» каждый отвечал одинаково: «Вполне обыкновенный человек». Я сообщаю об этом сразу, поскольку это будет не ложь, а необходимость, продиктованная общими нашими интересами...

— Значит, я не могу их об этом спрашивать?

— Можете. Конечно, можете. Но тогда у вас останется неприятное сознание, что некоторые из них говорят неправду, — так не лучше ли от этого отказаться? Они всегда скажут одно и то же — что они обычные парни; но не во всех случаях это будет правда.

— А в вашем случае? — спросил Пиркс.

После мгновенной паузы все расхохотались. Громче всех смеялся сам Мак-Гирр.

— О! Ну и шутник вы! Я, что ж, я — всего лишь маленькая шестеренка в машине «Нортроникс»...

Пиркс, который даже не улыбнулся, ожидал, когда наступит тишина.

— Вам не кажется, что вы пытаетесь меня надуть? — спросил он наконец.

— Простите! Что вы имеете в виду?! Ничего подобного! Условия предусматривали «новый тип команды». Там ни слова не говорилось о том, будет ли эта команда однородной, ведь верно? Мы, знаете ли, попросту хотели исключить возможность некой... гм... чисто психологической, иррациональной предубежденности. Это же ясно! Ведь правда?! Во время рейса и по его окончании, основываясь на его результатах, вы составите себе мнение о всех членах команды. Дадите им всестороннюю оценку, в которой мы весьма и весьма нуждаемся. Мы только постарались создать вам условия, в которых вы сможете действовать с наибольшей, беспристрастной объективностью!

— Сердечно вам благодарен! — сказал Пиркс. — И все-таки я полагаю, что вы меня надули. Однако отказываться я не намерен.

— Браво!

— Я хотел бы еще, прямо сейчас, немножко побеседовать с моими... — он на мгновение заколебался, — ...людьми...

— Может, вы хотите определить их квалификацию? Впрочем, я вас не ограничиваю! Первый выступил за вами! Пожалуйста.

Мак-Гирр достал из верхнего кармана пиджака сигару и, обрезав конец, начал ее раскуривать, а тем временем пять пар спокойных глаз внимательно смотрели на Пиркса. Блондины — они оказались пилотами — были слегка похожи друг на друга. Кальдер, однако, больше походил на скандинава, а его курчавые волосы казались сильно выгоревшими на солнце. Броун же был прямо-таки златокудрым, он слегка смахивал на херувимчика из журнала мод, но этот избыток красоты компенсировался твердым подбородком и бесцветными тонкими губами, постоянно кривящимися, будто в насмешливой гримасе. От левого их угла наискось через всю щеку шел белый шрам. На нем-то и остановился взгляд Пиркса.

— Отлично, — сказал он, будто с изрядным опозданием отвечая Мак-Гирру, и тем же тоном, словно бы нехотя, спросил мужчину со шрамом:

— Вы верите в бога?

Губы Броуна дрогнули, будто удерживая улыбку или гримасу. Он не сразу ответил. Вид у него был, как после недавнего и к тому же поспешного бритья: возле уха осталось несколько волосков, на щеках виднелись следы плохо стертой пудры.

— Это... не входит в мои обязанности, — ответил он низким, приятным голосом.

Мак-Гирр, который как раз затянулся сигарой, застыл, неприятно удивленный вопросом Пиркса, и, моргнув, бурно выдохнул дым, словно хотел сказать: «Ну, видал? Нашла коса на камень!»

— Броун, — тем же флегматичным тоном проговорил Пиркс, — вы не ответили на мой вопрос.

— Простите, командор. Я ответил, что это не входит в мои обязанности.

— Как ваш начальник, я сам решаю, что входит в ваши обязанности, — отпарировал Пиркс.

На лице Мак-Гирра изображалось изумление. Остальные сидели неподвижно, с видимым вниманием прислушиваясь к этому разговору, — ну прямо как образцовые ученики.

— Если это приказ, — мягким, отчетливо модулированным баритоном ответил Броун, — то я могу лишь пояснить, что не занимался специально этой проблемой.

— В таком случае прошу продумать ее до завтрашнего дня. От этого будет зависеть решение вопроса о вашем пребывании на борту.

— Слушаюсь, командор.

Пиркс повернулся к первому пилоту Кальдеру, их взгляды встретились. Глаза Кальдера были почти бесцветными, — огромные окна комнаты отражались в них.

— Вы пилот?

— Да.

— Ваш стаж?

— Полный курс двойного пилотажа и двести девяносто одиночных часов в пространстве на малом

тоннаже, десять самостоятельных посадок, в том числе четыре на Луне, две на Марсе и Венере.

Пиркс, казалось, пропустил этот ответ мимо ушей.

— Бартон, — обратился он к следующему, — вы электронщик?

— Да.

— Сколько рентген вы можете вынести в течение часа?

Губы Бартона дрогнули. Это нельзя было даже назвать улыбкой. Она тотчас исчезла.

— Думаю, что примерно четыреста, — сказал он. — Самое большее. Но потом пришлось бы лечиться.

— Не больше чем четыреста?

— Не знаю, но пожалуй что нет.

— Откуда вы родом?

— Из Аризоны.

— Болели?

— Нет. Во всяком случае, ничего серьезного.

— Зрение хорошее?

— Хорошее!

Пиркс, собственно, не слушал того, что они говорили. Он скорее интересовался звуком голоса, его модуляциями, тембром, движением губ, выражением лица и временами ощущал бессмысленную надежду, что все происходящее — лишь идиотская шутка, блеф, что над ним хотя бы позабавятся, поиздеваются над его наивной верой во всемогущество техники. Или, может, наказать его за эту веру? Ведь это же были самые обычные люди, правильно говорила секретарша — вот что значит предубеждение! Она и Мак-Гирра приняла за одного из них...

Разговор был пока что пустой, если бы не эта не слишком-то умная придумка насчет господ бога. Наверняка не слишком умная, скорее даже прими-

тивная и безвкусная, Пиркс это отлично чувствовал, он считал себя ограниченным тупицей, только из-за своей тупости он и согласился...

Все смотрели на него, как и прежде, но ему почудилось, что рыжий Томсон и оба пилота сделали слишком уж равнодушные мины, словно не хотели показать, что насквозь видят его примитивную душу рутинера, совершенно выбитого сейчас из привычного равновесия. Он хотел спрашивать дальше — тем более что молчание, уже начинавшее затягиваться, оборачивалось против него, становилось доказательством его беспомощности, — но попросту не мог ничего придумать. Уже не благоразумие, а отчаяние подсказывало ему, что надо сделать нечто диковинное, полубезумное, но Пиркс отлично знал, что ничего такого не сделает. Он чувствовал, что осрамился, — надо было отказаться от этой встречи. Он посмотрел на Мак-Гирра.

— Когда я могу подняться на корабль?

— О, в любое время, хоть сегодня.

— Как обстоит с санитарным контролем?

— Об этом, пожалуйста, не беспокойтесь. Все уже улажено.

Инженер отвечал почти снисходительно — так по крайней мере показалось Пирксу.

«Не умею я с достоинством проигрывать», — подумал он. А вслух сказал:

— Тогда все. Кроме Броуна, все могут считать себя членами команды. Броуна прошу ответить мне завтра на вопрос, который я ему задал. Мак-Гирр, бумаги, которые я должен подписать, у вас?

— Да, но не здесь. В директорате. Пройдемте туда?

— Хорошо.

Пиркс встал. Все встали вслед за ним.

— До свидания, — он кивнул им и вышел первым. Инженер догнал его около лифта.

— Вы недооценили нас, командор...

К нему уже вернулось хорошее настроение.

— Как это надо понимать?

Лифт пошел вниз. Инженер осторожно поднес сигару к губам, стараясь не стряхнуть серый столбик пепла.

— Наших парней не так-то легко отличить от... обычных.

Пиркс пожал плечами.

— Если они сделаны из того же материала, что и я, — сказал он, — то это люди, а появились они с помощью какого-то искусственного оплодотворения в пробирке или более обычным путем, — это меня совершенно не касается.

— О нет, они не из того же материала!

— Из какого же?

— Прошу прощения, но это производственный секрет.

— Кто вы, собственно, такой?

Лифт остановился. Инженер открыл дверь, но Пиркс не пошевелился. Он ждал ответа.

— Вас интересует, не конструктор ли я? Нет. Я работаю в отделе коммерческих связей.

— И вы достаточно компетентны, чтобы ответить мне на несколько вопросов?

— Разумеется, но, надеюсь, не здесь?

Та же секретарша проводила их в конференц-зал. У длинного стола в идеальном порядке стояли два ряда кресел. Они уселись с краю, там, где лежала открытая папка с договором.

— Слушаю вас, — сказал Мак-Гирр. Пепел свалился ему на брюки, он сдул его. Пиркс заметил, что глаза у Мак-Гирра налиты кровью, а зубы чрезмерно

ровные. «Искусственные, — подумал он. — Старается выглядеть помоложе».

— Скажите, эти, которые... не люди; ведут себя, как люди? Они едят? Пьют?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы иллюзия была полной. Для окружающих, разумеется.

— Но тогда они должны потом от этого... избавляться?

— Ну, конечно.

— А кровь?

— Простите, не понял.

— У них есть кровь? Сердце? Если они поранятся, пойдет кровь?

— У них есть... имитация крови и сердца, — осторожно подбирая слова, ответил Мак-Гирр.

— Как это понимать?

— Ну, только хороший врач-специалист после всестороннего обследования смог бы понять...

— А я — нет?

— Нет. Конечно, если не применять каких-нибудь специальных методов.

— Рентген?

— Вы сообразительны! Но у вас на борту не будет такой аппаратуры.

— Чувствуется непрофессиональный подход, — сказал Пиркс. — Я могу получить из реактора сколько угодно изотопов, ну, и, кроме того, на борту должны быть аппараты для дефектоскопии; значит, рентген мне вовсе не понадобится.

— Мы не возражаем против этой аппаратуры, если только вы обяжетесь не употреблять ее ни для каких других целей.

— А если я не соглашусь?

Мак-Гирр вздохнул и, раздавив сигару в пепельнице, словно он почувствовал к ней внезапное отвращение, сказал:

— Командор... вы из всех сил стараетесь затруднить нашу задачу.

— Это верно! — признался Пиркс. — Значит, у них может идти кровь?

— Да.

— И это действительно кровь? Даже под микроскопом?

— Да, это кровь.

— Как же вы это сделали?

— Впечатляюще, верно? — Мак-Гирр широко ухмыльнулся. — Могу сказать вам только в самых общих чертах: принцип губки. Специальной подкожной губки.

— Это человеческая кровь?

— Да.

Зачем?

— Уж конечно не затем, чтобы провести вас. Поймите, ведь не для вас запустили производство стоимостью в миллиарды долларов. Они должны так выглядеть, должны быть такими, чтобы ни при каких обстоятельствах никому из пассажиров или других людей и в голову не пришло бы заподозрить...

— Речь идет о том, чтобы избежать бойкотирования вашей «продукции»?

— И об этом тоже. Ну, и об удобствах, разумеется, о психологическом комфорте...

— А вы сами их различаете?

— Только потому, что я их знаю. Ну... есть способы... грубые... но ведь не станете же вы пользоваться топором!

— Скажите, а чем они отличаются от людей в физиологическом смысле? Дыхание, кашель, румянец...

— О, это все удалось сделать. Конечно, есть различия, но я уже говорил вам: разобраться в этом мог бы только врач.

— А что касается психики?

— Мозг у них в голове! Это наше величайшее достижение! — сказал Мак-Гирр с откровенной гордостью. — «Интелътрон» до сих пор помещал его в корпусе, из-за размеров. Мы первые перенесли его в голову!

— Скажем, вторые; первой была природа...

— Ха-ха! Ну, значит, вторые. Но детали — это секрет. Мозг представляет собой монокристаллический мультистат с шестнадцатью миллиардами двоичных элементов.

— А на что способны нелинейники — это тоже секрет?

— Что вы имеете в виду?

— Например, то, что они умеют лгать: в каких пределах они могут лгать?.. Могут ли они потерять контроль над собой и, следовательно, над обстановкой?..

— Да. Все это возможно.

— Почему?

— Потому что это неизбежно. Все, образно говоря, тормоза, вводимые в нейтронную или кристаллическую систему, — все они относительны, их можно снять или ослабить. Я говорю это потому, что вы должны знать правду. Впрочем, если вы хоть немного знакомы с литературой по этому вопросу, то вам известно, что робот, который был бы в умственном отношении равен человеку и в то же время не мог бы

лгать и обманывать, — чистейшая фикция! Либо полноценная копия человека, либо марионетка — ничего другого создать нельзя. Третьего не дано.

— Существо, способное на поступки определенного уровня сложности, уже тем самым способно и на другие поступки того же уровня, так?

— Да. Конечно, это нерентабельно. По крайней мере — пока. Психическая полноценность, не говоря даже о внешнем человекоподобии, стоит чудовищно дорого. Модели, которые вы получили, изготовлены в очень малом количестве экземпляров потому, что они нерентабельны. Стоимость любой из них больше стоимости сверхзвукового бомбардировщика!

— Вот оно как!

— Включая, разумеется, стоимость всех предварительных исследований. Для рынка мы, может быть, сумеем изготавливать эти автоматы на конвейере и даже попытаемся усовершенствовать их, хотя это, пожалуй, уже невозможно. Вам мы даем лучшее из того, что имеем. Поэтому потеря самообладания, какой-нибудь нервный срыв хотя и не исключен в принципе, но менее вероятен у них, чем у человека в аналогичной ситуации.

— Такие опыты проводились?

— Конечно!

— И люди служили контрольными образцами?

— Бывало и так.

— Катастрофические ситуации? Угроза уничтожения?

— Именно это.

— А результаты?

— Люди менее надежны.

— А как у них с агрессивностью?

— Вас интересует их отношение к человеку?

— Не только.

— Можете быть спокойны. У них имеются специально встроенные ингибиторы — так называемые устройства обратного разряда, — как бы амортизирующие агрессивные потенциалы.

— Всегда?

— Нет, это невозможно. Мозг — система вероятностная, наш с вами — тоже; можно увеличить вероятность определенных состояний, но никогда нельзя быть вполне уверенным. И все же — они и в этом превосходят человека!

— А что произойдет, если я попытаюсь проломить кому-нибудь из них голову?

— Он будет защищаться.

— И будет стараться убить меня?

— Нет, он ограничится самообороной.

— А если единственно возможной обороной будет нападение?

— Тогда он нападет на вас.

— Давайте ваш договор, — сказал Пиркс.

Перо закрипело в тишине. Инженер сложил бланки и спрятал в папку.

— Вы возвращаетесь в Штаты?

— Да, завтра.

— Можете сообщить своему начальству, что я постараюсь выжать из них самое худшее, — сказал Пиркс.

— Разумеется! Именно на это мы и рассчитываем! Потому что даже в этом худшем они все же лучше, чем человек! Только вот...

— Вы хотели что-то сказать?

— Вы смелый человек, командор. Но... в ваших собственных интересах... советую вам быть осторожным.

— Чтобы они за меня не взялись?

Пиркс невольно усмехнулся.

— Нет. Чтобы вам же не пришлось расплачиваться. Потому что прежде всего первыми сдадут люди. Обыкновенные, хорошие, честные парни. Понимаете?

— Понимаю, — ответил Пиркс. — Мне пора. Я должен еще сегодня принять корабль.

— У меня здесь на крыше вертолет, — сказал Мак-Гирр, поднимаясь. — Вас подбросить?

— Нет, спасибо. Поеду в метро. Не люблю рисковать, знаете... Значит, вы сообщите своему начальству, какие у меня коварные намерения?

— Если вам угодно.

Мак-Гирр искал в кармане очередную сигару.

— Должен сказать, что вы ведете себя довольно странно. Чего вы, собственно, от них хотите? Это не люди, никто этого не утверждает. Это отличные специалисты и притом действительно порядочные парни. Уверяю вас! Они для вас все сделают!

— Я постараюсь, чтобы они сделали еще больше, — ответил Пиркс.

Пиркс в самом деле не спустил Броуну истории с господом богом и нарочно позвонил ему на следующий день; в ЮНЕСКО ему сообщили номер телефона, по которому он мог найти своего пилота. Пиркс даже узнал его голос, когда набрал этот номер.

— Я ждал вас, — сказал Броун.

— Ну, и как вы решили? — спросил Пиркс. У него при этом была странная тяжесть на сердце. Куда легче было подписывать бумаги Мак-Гирра. Тогда

ему казалось, что он справится. Теперь он уже не был так уверен в этом.

— У меня было мало времени, — сказал Броун своим ровным, приятным голосом. — Поэтому я могу сказать одно: меня учили вероятностному подходу. Я вычисляю шансы и на этом основании действую. В данном случае — девяносто девять процентов за то, что «нет»... может быть, даже девяносто девять и девять десятых... но одна сотая шанса за то, что «да».

— Что бог есть?

— Да.

— Хорошо. Можете явиться вместе с остальными. До встречи.

— До свидания, — ответил мягкий баритон, и телефон звякнул, разъединяясь.

Неизвестно почему, Пиркс припомнил этот разговор, когда ехал на ракетодром. Кто-то уже уладил все формальности в капитанате — может, ЮНЕСКО, а может, фирмы, которые «изготовили» для него команду. Во всяком случае, не было обычного санитарного контроля и никто не проверял документы его «людей», а старт был назначен на два сорок пять, то есть на такой час, когда движение наименьшее. Три больших ракетных спутника для Сатурна уже находились в люках. «Голиаф» был кораблем среднего тоннажа — каких-нибудь шесть тысяч тонн массы покоя, — но сошел он со стапелей всего два года назад и имел высокоавтоматизированное хозяйство. Его реактор на быстрых нейтронах занимал десять кубических метров, то есть всего ничего, но был совершенно лишен всяких тепловых колебаний, а номинальная мощность у него была сорок пять

миллионов лошадиных сил. И семьдесят миллионов в максимуме — для кратковременных ускорений.

По существу Пиркс ничего не знал о том, что делали его «люди» в Париже, — жили они в гостинице или какая-нибудь фирма сняла им комнаты (у него даже мелькнула гротескная, жутковатая мысль, что, может, инженер Мак-Гирр как-то «повыключал» их и на эти два дня уложил в ящики). Он не знал даже, как они добрались до ракетододрома.

Они ждали его в отдельной комнате в капитанате, и у всех были с собой чемоданы, какие-то свертки и маленькие несессеры с болтающимися на ручках именными табличками. Пирксу, когда он взглянул на эти несессеры, невольно полезли в голову всякие дурацкие шуточки вроде того, что у них там, наверно, французские гаечные ключи, и туалетные масленки, и тому подобное. Но ему было вовсе не до смеха, когда, поздоровавшись с ними, он предъявил в капитанате полномочия и бумаги, необходимые для подтверждения стартовой готовности, а потом, за два часа до назначенного времени, они вышли на плиты, освещенные единственным прожектором, и гуськом двинулись к белому как снег «Голиафу». Он слегка напоминал огромную, свежераспакованную сахарную голову.

Старт не представлял трудностей. «Голиаф» можно было поднять почти без всякой помощи — стоило лишь ввести программы во все автоматические и полуавтоматические устройства. Не прошло и получаса, а они уже оставили за собой ночное полушарие Земли с фосфорической россыпью городов; тогда Пиркс глянул на экраны. Великолепное это зрелище — когда Солнце на рассвете насквозь прочесывает лучами атмосферу и она пылает, словно исполинский

радужный серп, — Пиркс наблюдал из космоса уже не раз, но оно ему еще ничуть не приелось. Несколько минут спустя, пройдя мимо последнего навигационного спутника, пробравшись сквозь сплошной писк и щебет сигналов, которыми были битком набиты работающие информационные машины (Пиркс называл их «электронной бюрократией космоса»), они поднялись над плоскостью эклиптики. Тогда Пиркс велел первому пилоту оставаться у штурвала, а сам отправился в свою каюту. Не прошло и десяти минут, как он услышал стук в дверь.

— Войдите!

Вошел Броун. Он старательно закрыл дверь, подошел к Пирксу, сидевшему на койке, и негромко сказал:

— Я хотел бы с вами поговорить.

— Пожалуйста. Садитесь.

Броун опустил на стул, но, видимо, расстояние, их разделявшее, показалось ему слишком большим, он придвинулся поближе, некоторое время молчал, опустив голову, потом вдруг посмотрел прямо в глаза Пирксу и сказал:

— Я хочу вам кое-что сообщить. Но я вынужден просить вас сохранить это в тайне. Дайте мне слово, что никому этого не расскажете.

Пиркс поднял брови.

— Тайна?

Он подумал несколько секунд.

— Хорошо, даю вам слово, что я не расскажу никому, ни единой живой душе, — ответил он наконец. — Слушаю вас.

— Я человек, — сказал Броун и остановился, глядя Пирксу в глаза, словно хотел проверить, какой эффект производят эти слова.

Но Пиркс, полуприкрыв веки и опершись затылком о стену, выложенную белым пенопластом, не пошевелинулся.

— Я говорю это потому, что хочу вам помочь, — снова заговорил Броун, будто произнося заранее обдуманную речь. — Когда я предлагал свои услуги, я не знал, о чем идет речь. Таких, как я, было, наверное, много, но нас принимали по отдельности, чтобы мы не могли познакомиться и даже увидеть друг друга. О том, что мне, собственно, предстоит, я узнал, лишь когда был окончательно выбран, после всех полетов, проб и тестов. Мне пришлось тогда обещать, что я абсолютно ничего не расскажу. У меня есть девушка, мы хотим пожениться, но были финансовые трудности, а эта работа меня просто необыкновенно устраивала, потому что мне дали сразу восемь тысяч, а другие восемь я должен получить по возвращении из рейса, независимо от его результатов. Я вам все рассказываю, как было, чтобы вы знали, что я в этом деле чист. Правду говоря, я сначала не осознал, какая ставка будет в этой игре. Диковинный эксперимент, только и всего, — так я вначале думал. А потом мне это начало все меньше нравиться. В конце концов, должна же быть какая-то элементарная общечеловеческая солидарность. Что же мне, молчать вопреки интересам людей? Я решил, что не имею права. Разве вы не так думаете?

Пиркс продолжал молчать, поэтому Броун вновь заговорил, но менее уверенно:

— Из этой четверки я не знаю никого. Нас все время держали порознь. У каждого была отдельная комната, отдельная ванная, свой гимнастический зал, мы не встречались даже во время еды, только последние три дня перед выездом в Европу нам разре-

шили есть вместе. Поэтому я не могу вам сказать, который из них человек, а который нет. Ничего определенного я не знаю. Однако подозреваю...

— Минуточку, — прервал его Пиркс. — Почему на мой вопрос насчет бога вы ответили, что размышления на эту тему не входят в ваши обязанности?

Броун поерзал на стуле, шевельнул ногой и, глядя на носок ботинка, которым чертил по полу, тихо ответил:

— Потому что я уже тогда решил вам все рассказать и... знаете, как это бывает: на воре шапка горит. Я боялся, как бы Мак-Гирр не догадался ненароком о моем решении. Поэтому, когда вы меня спросили, я ответил так, чтобы ему показалось, будто я намерен торжественно хранить тайну и наверняка не помогу вам разгадать, кем я в действительности являюсь.

— Значит, вы нарочно так отвечали, из-за присутствия Мак-Гирра?

— Да.

А вы верите в бога?

— Верю.

— И думали, что робот не должен верить?

— Ну да.

— И что, если б вы сказали «верю», было бы легче догадаться, кто вы на самом деле?

— Да. Именно так и было.

— Но ведь и робот может верить в бога, — помолчав, сказал Пиркс небрежно, словно мимоходом, так что Броун даже глаза вытаращил.

— Как вы сказали?

— А вы считаете, что это невозможно?

— Никогда мне это в голову не пришло бы.

— Ладно, пока хватит. Это — сейчас по крайней мере — не имеет значения. Вы говорили о каких-то своих подозрениях...

— Да. Мне кажется, что этот темный... Барнс — не человек.

— Почему вам так кажется?

— Это все мелочи, почти неуловимые, но в сумме они что-то дают... Прежде всего — когда он сидит или стоит, он совсем не шевелится. Как статуя. А вы же знаете, ни один человек не может долго находиться в совершенно неизменной позе. Когда ему становится неудобно, нога затечет, он невольно пошевелится, переступит с ноги на ногу, проведет рукой по лицу, — а Барнс прямо застывает.

— Всегда?

— Нет. Именно вот — не всегда. Это мне и показалось особенно подозрительным.

— Почему?

— Я вот думаю, что он делает эти незаметные, словно бы невольные движения, когда специально о них думает, а как забудет — так застывает. А у нас то как раз наоборот: мы именно должны сосредоточиться, чтобы какое-то время сохранять неподвижность.

В этом что-то есть. Что еще?

— Он все ест.

— Как это «все»?

— Все, что дают. Ему абсолютно все равно. Я это уже много раз подмечал: и во время путешествия, когда мы летели через Атлантику, и еще в Штатах, и в ресторане на аэродроме — он совершенно равнодушно ест все, что подадут, а ведь у каждого человека обычно есть какие-то вкусы, чего-то он не любит.

— Это не доказательство,

— О, нет, безусловно, нет. Но вместе с первым, знаете ли... И потом еще одно.

— Ну?

— Он не пишет писем. В этом я уже не на все сто процентов уверен, но я, например, сам видел, как Бартон опускал письмо в почтовый ящик.

— А вам разрешается писать письма?

— Нет.

— Я вижу, вы тщательно соблюдаете условия договора, — проворчал Пиркс. Он выпрямился на койке и, придвинув лицо к лицу Броуна, неторопливо спросил: — Почему вы нарушили данное вами слово?

— Как? Что вы сказали?! Командор!

— Вы же дали слово, что сохраните свою подлинную сущность в тайне.

— А! Да. Я дал слово. Однако я полагаю, что существуют такие ситуации, когда человек не только имеет право, но даже обязан так поступить.

— Например?

— Именно сейчас такая ситуация. Они взяли металлических кукол, оклеили их пластиком, подрумянили, перетасовали с людьми, как крапленые карты, и хотят заработать на этом большие денежки. Я считаю, что каждый порядочный человек поступил бы так же, как я, — а разве больше никто не обращался к вам?

— Нет. Вы первый. Но мы ведь только что стартовали... — сказал Пиркс. Произнес он это совершенно равнодушно, однако замечание его не лишено было иронии, но Броун, даже если и заметил это, ничем себя не выдал.

— Я постараюсь и в дальнейшем помогать вам в течение всего рейса... И я сделаю со своей стороны все, что вы сочтете нужным.

— Зачем?

Броун удивленно заморгал кукольными ресницами.

— Как это — зачем? Чтобы вам легче было отличить людей от нелюдей.

— Броун, вы же взяли эти восемь тысяч.

— Да. Ну и что? Меня наняли как пилота. Я и есть пилот. И вдобавок неплдохой.

— По возвращении вы возьмете остальные восемь, за две недели полета? За такой рейс никому не дают шестнадцать тысяч — ни командиру, ни пилоту первого космического класса, ни навигатору. Никому. Значит, эти деньги вы получили за молчание. По отношению ко мне, по отношению ко всем другим — хотя бы к конкурирующим фирмам. Вас хотели уберечь от любых искушений.

На красивом лице Бруна выразилось полное смятение.

— Так вы меня еще и попрекаете тем, что я сам пришел и рассказал?!

— Нет. Ничем я вас не попрекаю. Вы поступили так, как сочли правильным. Какой у вас КИ?

— Коэффициент интеллектуальности? Сто двадцать.

— Этого достаточно, чтобы разбираться в некоторых элементарных вещах. Ну, скажите, какая мне, собственно, будет польза от того, что вы поделились со мной своими подозрениями насчет Барнса?

Молодой пилот встал.

— Командор, прошу прощения. Если так — произошло недоразумение. Я хотел как лучше. Но раз вы считаете, что я... словом, прошу вас об этом забыть... Только помните...

Он замолчал, увидев усмешку Пиркса.

— Садитесь. Да садитесь вы! Ну!

Броун сел.

— Что ж вы не договариваете? О чем я должен помнить? Что обещал никому не сообщать о нашем разговоре? Верно? Ну, а если я в свою очередь решу, что имею право о нем сообщить? Спокойно! Командира нельзя перебивать. Вот видите, все это не так просто. Вы пришли ко мне с доверием — и я ценю это доверие. Но... одно дело — доверие, а другое — здравый смысл... Допустим, я теперь наверняка знаю, кто вы и кто — Бартон. Что мне это даст?

— Ну... это уж ваше дело. Вы должны после этого рейса оценить пригодность...

— О, вот именно! Пригодность каждого. Но ведь вы же не думаете, Броун, что я буду писать неправду? Что я поставлю минусы не тем, которые хуже, а тем, которые не являются людьми?

— Это не мое дело, — натянуто проговорил пилот, ерзавший на стуле во время этого разговора.

Пиркс смерил его таким взглядом, что тот замолчал.

— Вы только не стройте из себя такого усердного ефрейтора, который кроме своей бляхи ничего не видит. Если вы человек и чувствуете солидарность с людьми, то вы должны попытаться оценить всю эту историю и осознать свою ответственность.

— Как это «если»? — Броун вздрогнул. — Вы мне не верите? Так вы... так вы думаете...

— Да нет, что вы! Просто слово подвернулось, — торопливо прервал его Пиркс. — Я вам верю. Конечно же, я вам верю. И поскольку вы уже выдали мне свою тайну, а я не собираюсь оценивать ваш поступок с моральной точки зрения, то прошу вас и впредь

поддерживать со мной внеслужебный контакт и сообщать обо всем, что вы заметили.

— Ну, я совсем уж ничего не понимаю, — сказал Броун и невольно вздохнул. — Сначала вы меня отчитали, а теперь...

— Это разные вещи, Броун. Раз уж вы мне сказали то, чего не должны были говорить, так отступать теперь бессмысленно. Другое дело, разумеется, с этими деньгами. Может, сказать действительно следовало. Но денег этих я бы на вашем месте не брал.

— Что? Но... но, командор... — Броун в отчаянии искал возражений и наконец нашел: — Они бы сразу догадались, что я нарушил договор! Еще бы в суд на меня подали...

— Это ваше дело. Я не говорю, что вы должны отдать им эти деньги. Я обещал вам молчать и не собираюсь в это дело вмешиваться. Я только сказал — совершенно частным и неофициальным образом, — что я сделал бы на вашем месте. Но вы — не я, а я — не вы, и все тут. Вы хотели еще что-то сказать?

Броун покачал головой, открыл было рот, закрыл, пожал плечами; видно было, что он до крайности разочарован результатами разговора. Так ничего и не сказав, он машинально вытянулся в струнку и вышел из каюты.

Пиркс глубоко вздохнул. «Зря это я сболтнул: «Если вы человек...» — огорченно подумал он. — Что за дьявольская игра! Черт его знает, этого Бруна. Либо он человек, либо все это — хитрая уловка, чтобы запутать меня, да и проверить заодно, не собираюсь ли я применить какие-либо противоречащие договору приемы, чтобы распознать этих... Ну, во всяком случае, эту часть состязания я, кажется, про-

вел неплохо! Если Броун сказал правду, то он должен чувствовать себя не в своей тарелке — после всего, что я ему наговорил. А если нет... так опять же я ему ничего особенного не сказал. Ну и дела! Вот это влип я в историю!»

Пирксу не сиделось на месте, он принялся шагать по каюте из угла в угол. Зажужжал зуммер — это был Кальдер из рулевой рубки; они согласовали поправки к курсу и ускорение для ночной вахты, потом Пиркс снова сел и уставился в пространство, свирепо насупив брови и неведь о чем размышляя. И тут кто-то постучался. «Это еще что?» — подумал он.

— Войдите! — сказал он громко.

В каюту вошел Барнс — невролог, он же врач и кибернетик.

— Можно?

— Пожалуйста. Садитесь.

Барнс усмехнулся.

— Я пришел сказать вам, что я не человек.

Пиркс стремительно повернулся к нему вместе со стулом.

— Что, простите? Что вы не...

— Что я не человек. И что в этом эксперименте я на вашей стороне.

Пиркс перевел дыхание.

— То, что вы говорите, должно, разумеется, остаться между нами? — спросил он.

— Это я предоставляю на ваше усмотрение. Мне это безразлично.

— Это как же?

Барнс снова усмехнулся.

— Очень просто. Я действую из эгоистических соображений. Если ваше мнение о нелинейниках будет

положительным, оно вызовет цепную реакцию производства. Это более чем правдоподобно. Такие, как я, начнут появляться в массовом масштабе — и не только на космических кораблях. Это повлечет за собой пагубные последствия для людей — возникнет новая разновидность дискриминации, взаимной ненависти... Я это предвижу, но, повторяю, руководствуюсь прежде всего личными мотивами. Если существую я один, если таких, как я, двое или десять, это не имеет ни малейшего общественного значения — мы попросту затеряемся в массе, незамеченные и незаметные. Передо мной... перед нами будут такие же перспективы, как перед любым человеком, с весьма существенной поправкой на интеллект и ряд специфических способностей, которых у человека нет. Мы сможем достичь многого, но лишь при условии, что не будет массового производства.

— Да... в этом что-то есть... — медленно проговорил Пиркс. В мозгах у него был легкий сумбур. — Но почему вам безразлично, расскажу я или нет? Разве вы не боитесь, что фирма...

— Нет. Совершенно не боюсь. Ничего, — тем же спокойным лекторским тоном сказал Барнс. — Я ужасно дорого стою, командор. Вот сюда, — он коснулся рукой груди, — вложены миллиарды долларов. Не думаете же вы, что разъяренный фабрикант прикажет разобрать меня на винтики? Я говорю, конечно, в переносном смысле, потому что никаких винтиков во мне нет... Разумеется, они придут в ярость... но мое положение от этого ничуть не изменится. Вероятно, мне придется работать в этой фирме — ну, и что за беда?! Я даже предпочел бы работать там, чем в другом месте, — там обо мне лучше позаботятся в случае... болезни. И не думаю, что они попы-

таются меня изолировать. Зачем, собственно? Применение силы могло бы кончиться очень печально для них самих. Вы ведь знаете, как могущественна печать...

«Он подумывает о шантаже», — мелькнуло в голове у Пиркса. Ему казалось, что это сон. Но он продолжал слушать с величайшим вниманием.

— Итак, теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы ваше мнение о нелинейниках оказалось отрицательным?

— Да. Понимаю. А вы... могли бы сказать, кто еще из команды...

— Нет. То есть у меня нет уверенности, а догадками я могу вам больше навредить, чем помочь. Лучше иметь нуль информации, чем быть дезинформированным, поскольку это означает отрицательную информацию.

— Да... гм... Ну, во всяком случае, почему бы вы это ни сделали, благодарю вас. Да. Благодарю. А... не можете ли вы в связи с этим рассказать кое-что о себе? Я имею в виду определенные аспекты, которые могли бы мне помочь...

— Я догадываюсь, что вас интересует. Но я ничего не знаю о своей конструкции, точно так же, как вы не знали ничего об анатомии или физиологии своего тела... до тех пор по крайней мере, пока не прочли какого-нибудь учебника биологии. Впрочем, конструкторская сторона вас, по-видимому, мало интересует — речь идет в основном о психике? О наших... слабых местах?

— О слабых местах тоже. Но, видите ли, в конце концов каждый кое-что знает о своем организме... это, понятно, не научные сведения, а результат опыта, самонаблюдения...

— Ну, разумеется, ведь организмом пользуются... это открывает возможности для самонаблюдения.

Барнс снова, как и прежде, усмехнулся, показав ровные, — но не чересчур ровные — зубы.

— Значит, я могу вас спрашивать?

— Пожалуйста.

Пиркс силенс собрался с мыслями.

— Можно мне задавать вопросы... нескромные? Прямо-таки интимные?

— Мне нечего скрывать, — просто ответил Барнс.

— Вы уже сталкивались с такими реакциями, как ошеломление, страх и отвращение, вызванные тем, что вы нечеловек?

— Да, однажды, во время операции, при которой я ассистировал. Вторым ассистентом была женщина. Я уже знал тогда, что это означает.

— Я вас не понял...

— Я уже знал тогда, что такое женщина, — пояснил Барнс. — Сначала мне ничего не было известно о существовании пола...

— А!

Пиркс разозлился на себя за то, что не смог удержаться от этого возгласа.

— Значит, там была женщина. И что же произошло?

— Хирург случайно поранил мне палец скальпелем, резиновая перчатка разошлась и стало видно, что рана не кровоточит.

— Как же так? А Мак-Гирр говорил мне...

— Сейчас кровь пошла бы. Тогда я был еще «сухой», как говорят на профессиональном жаргоне наших «родителей»... — сказал Барнс. — Ведь эта наша кровь — чистейший маскарад: внутренняя поверх-

ность кожи сделана губчатой и пропитана кровью, причем эту пропитку приходится возобновлять довольно часто.

— Понятно. И женщина это заметила. А хирург?

— О, хирург знал, кто я, а она нет. Она не сразу поняла, только в самом конце операции, да и то в основном потому, что хирург смутился...

Барнс усмехнулся.

— Она схватила мою руку, поднесла ее к глазам и, когда увидела, что там... внутри, бросила ее и пустилась бежать. Она забыла, в какую сторону открывается дверь операционной, дергала ее, но дверь не открывалась, и у нее началась истерика.

— Та-ак... — сказал Пиркс. Он откашлялся. — Что вы тогда почувствовали?

— В общем-то я малочувствителен... но это не было приятно, — помедлив, сказал Барнс и снова усмехнулся. — Я об этом не говорил ни с кем, — добавил он немного спустя, — но у меня создалось впечатление, что мужчинам, даже необразованным, легче общаться с нами. Мужчины примиряются с фактами. Женщины с некоторыми фактами не хотят примириться. Продолжают говорить «нет», даже если ничего уже, кроме «да», сказать невозможно.

Пиркс все время смотрел на своего собеседника — особенно пристально вглядывался в него, когда Барнс отводил глаза, — потому что старался обнаружить в нем некое отличие, которое бы его успокоило, доказав, что воплощение машины в человека все-таки не может быть идеальным. Раньше, когда он подзревал всех сразу, ситуация была иной. Теперь, с каждым мгновением все более убеждаясь, что Барнс говорит правду, и доискиваясь следов подделки — то в его бледности, которая поразила Пиркса уже при

первой встрече, то в его движениях, таких сдержанных, то в неподвижном блеске светлых глаз, — он вынужден был признать, что, в конце концов, и люди бывают такие же бледные или малоподвижные; тогда вновь возвращались сомнения — и всем этим наблюдениям и мыслям Пиркса сопутствовала усмешка Барнса, которая вроде и не всегда относилась к тому, что Пиркс говорил, а скорее выражала понимание того, что именно он чувствовал. Эта усмешка была Пирксу неприятна, она смущала его, и ему тем труднее было продолжать этот допрос, что в ответах Барнса звучала безграничная искренность.

— Вы обобщаете на основании одного случая, — пробормотал Пиркс.

— О, потом я много раз сталкивался с женщинами. Со мной работали, то есть учили меня, несколько женщин. Они были преподавательницами и тому подобное. Но они заранее знали, кто я. Поэтому старались скрывать свои чувства. Это им давалось нелегко, потому что временами мне доставляло удовольствие раздражать их...

Улыбка, с которой он смотрел Пирксу в глаза, была почти дерзкой.

— Они искали, знаете, каких-нибудь особенностей, отличий со знаком минус, а раз это их так интересовало, я иногда развлекался, демонстрируя такие особенности.

— Не понимаю.

— О, наверняка понимаете! Я изображал марионетку: и физически — скованностью движений, и психически — пассивным послушанием... а как только они начинали наслаждаться своими открытиями, я внезапно обрывал игру. Я полагаю, они считали меня порождением дьявола.

Послушайте, вы не предубеждены? Это ведь только домыслы, тем более что они были преподавательницами, значит, имели соответствующее образование.

— Человек — существо абсолютно несобранное, — флегматично сказал Барнс. — Это неизбежно, если возникаешь так, как вы; сознание — это часть мозговых процессов, выделившаяся из них настолько, что субъективно кажется неким единством, но это единство — обманчивый результат самонаблюдения. Другие мозговые процессы, которые вздымают сознание, как океан вздымает айсберг, нельзя ощутить непосредственно, но они дают о себе знать, порой так отчетливо, что сознание начинает их искать. Именно из таких поисков и возникло представление о дьяволе, как проекция на внешний мир того, что существует внутри человека, в его мозгу, но не поддается локализации — ни наподобие мысли, ни наподобие руки.

Он еще шире улыбнулся.

— Я излагаю вам кибернетические основы теории личности, которые вам, наверное, известны! Логическая машина отличается от мозга тем, что не может иметь сразу несколько взаимоисключающих программ деятельности. Мозг может их иметь, он всегда их имеет, поэтому-то он и представляет собой поле битвы у людей святых или же пепелище противоречий у людей более обычных... Нейронная система у женщины несколько иная, чем у мужчины, — речь идет не об интеллекте, и вообще различие здесь только статистическое. Женщины легче переносят сосуществование противоречий — в большинстве случаев это так. Кстати говоря, именно потому науку и создают в основном мужчины, что она представляет собой поиск единого, а значит, непротиворечивого по-

рядка. Противоречия мешают мужчинам сильнее, поэтому они стремятся их устранить, сводя многообразие к однородности.

— Возможно, — сказал Пиркс. — И поэтому вы считаете, что женщины видели в вас дьявола?

— Это, пожалуй, слишком сильно сказано, — ответил Барнс. Он положил руки на колени. — Я казался им в высшей степени отталкивающим и благодаря этому прилежал. Я был воплощением невозможного, чем-то запретным, чем-то, что противоречит миру, понимаемому как естественный порядок вещей, и ужас их выражался не только в желании бежать, но и в жажде самоуничтожения. Если даже никто из них не признался себе в этом открыто, я могу сделать это за них: в их глазах я представлял собой бунт против покорности биологическим законам. Ибо я был воплощением бунта против Природы, я был существом, в котором биологически рациональная, а значит, корыстная связь эмоций с функцией продолжения рода была разорвана. Уничтожена.

Он быстро взглянул на Пиркса.

— Вы думаете, что это философия кастрата? Нет — поскольку я не был искалечен; таким образом, я не являюсь существом низшего порядка, я только существо, отличающееся от вас. Существо, любовь которого всегда будет — во всяком случае может быть — такой же бескорыстной, такой же ни на что не пригодной, как смерть; и потому эта любовь вместо ценного оружия становится ценностью в себе. Ценностью, разумеется, с отрицательным знаком — как дьявол. Почему так случилось? Меня создали мужчины, и им легче было сконструировать потенциального соперника, чем потенциальный объект страсти. А как вы думаете?.. Я прав?

— Не знаю, — сказал Пиркс. Он не смотрел на Барнса; он не мог на него смотреть. — Не знаю. Конструкцию определяли различные факторы — пожалуй, экономические прежде всего.

— Наверное, — согласился Барнс. — Но и те, о которых я говорил, тоже сыграли свою роль. Только все это, командор, — одна великая ошибка. Я говорил о том, что люди чувствуют по отношению ко мне, но ведь они лишь создают еще одну мифологию, мифологию нелинейника, потому что я никакой не дьявол — надеюсь, это понятно — и не являюсь также потенциальным эротическим соперником, что, может быть, несколько менее понятно. Я выгляжу, как мужчина, и говорю, как мужчина. И психически я, наверное, в какой-то степени мужчина, но именно в какой-то степени... Впрочем, это уже не имеет почти никакого отношения к делу, по которому я пришел.

— Ну, неизвестно, неизвестно, — бросил Пиркс. Он смотрел на свои переплетенные пальцы. — Говорите дальше...

— Если вы желаете... Но я буду говорить только от собственного имени. Я ничего не знаю о других. Я как личность возникал в два этапа: в ходе предварительного программирования и в ходе обучения. Человек ведь тоже так возникает, но первый из этих факторов играет для него меньшую роль, потому что он появляется на свет едва оформившимся, я же физически сразу был таким, как сейчас, и мне не пришлось учиться так долго, как ребенку. Но из-за того, что я не знал ни детства, ни юности, а был мульти-статом, которого сначала загрузили массой пред-программ, а потом до бесконечности тренировали и пичкали множеством информации, — из-за этого я стал более однородным, чем любой из вас. Ведь

каждый человек — это ходячая геологическая формация, прошедшая через тысячу раскаленных эпох и еще через тысячу — ледниковых, когда слои оседали на слои... Сначала тот, конечный, ибо первый и потому ни с чем не сравнимый мир ребенка до знакомства с языком — мир, который позже гибнет, поглощенный стихией речи, но все же таится где-то на дне. Это вторжение красок, форм и запахов в мозг, вторжение через органы чувств, открывшихся сразу после рождения... и лишь потом начинается разделение на мир и не-мир, то есть на «не-я» и «я». Ну, а потом — это половодье гормонов, эти противоречивые на разных уровнях программы влечений и убеждений... История формирования человека — это история сражений мозга с самим собой. Я не знал всех этих безумств и разочарований, я не проходил этих этапов, и потому во мне нет ни малейшего следа детства. Я способен растрогаться и, наверное, мог бы даже убить — но не из любви. Слова в моих устах звучат так же, как в ваших, но для меня они означают нечто иное.

— Это значит, что вы не способны любить? — спросил Пиркс. Он продолжал смотреть на свои руки. — Но откуда у вас такая уверенность? Этого никто не знает до поры до времени...

— Этого я не хотел сказать. Может быть, я и способен. Но эта любовь была бы совершенно не такой, как у вас. В сущности, ваш мир вызывает у меня только удивление и насмешку. Происходит это, я думаю, потому, что главная черта вашего мира, которая всюду бросается мне в глаза, — это его условность. Это относится не только к форме машин или к вашим обычаям, но и к вашему телесному облику, который послужил моделью для моего. Я вижу, что

все могло бы выглядеть иначе, могло быть построено иначе и иначе действовать — и не было бы от этого ни лучше, ни хуже, чем то, что есть. Для вас мир прежде всего просто существует, и существует как единственная возможность, а для меня, с тех пор как я вообще начал мыслить, мир был смешон. Ваш мир — мир городов, театров, улиц, семейной жизни, биржи, любовных трагедий и кинозвезд. Хотите услышать мое излюбленное определение человека? Это существо, которое охотнее всего рассуждает о том, в чем меньше всего разбирается. Древность, считаете вы, характеризуется вездесущностью мифологии, а современная цивилизация — ее отсутствием? А откуда же берутся ваши самые фундаментальные понятия? Ваши философские и религиозные взгляды — следствия вашей биологической конструкции; ведь люди смертны, а они хотят в каждом поколении узнать все, понять все, объединить все, и из этого противоречия возникает метафизика — как мост, соединяющий возможное с невозможным. А наука? Это прежде всего капитуляция. Обычно подчеркивают ее успехи, но они приходят не сразу и все равно не покрывают громадных потерь. Ведь наука — это согласие на бренность и ничтожество индивидуума, который и возникает-то в результате статистической игры сперматозоидов, борющихся за первенство в оплодотворении яйца. Это согласие на бренность, на необратимость, на отсутствие возмездия и высшей справедливости и предельного познания, предельного понимания всего сущего, — и такое согласие могло бы быть даже героическим, когда б не то, что сами творцы науки так часто не отдают отчета в том, что они действительно творят! Выбирая между страхом

и насмешкой, я выбрал насмешку, потому что на это меня хватало.

— Вы ненавидите тех, кто вас создал, правда? — тихо спросил Пиркс.

— Вы ошибаетесь. Я считаю, что любое бытие, даже самое ограниченное, лучше небытия. Они, эти мои создатели, конечно, многого не могли предвидеть, но я им благодарен — даже больше, чем за интеллект, — за то, что они не наделили меня центром удовольствия. У вас в мозгу есть такой центр, вы знаете?

— Я где-то читал об этом.

— У меня его, видимо, нет, поэтому я не уподобляюсь безному, который хочет только одного — ходить... Только ходить, потому что это невозможно.

— Все остальные смешны, так, что ли? — подсказал Пиркс. — А вы сами?

— О, я тоже. Только на другой манер. Каждый из вас, раз уж он существует, имеет тело, которое имеет, и все, а я мог бы, например, выглядеть, как холодильник.

— Я не нахожу в этом ничего смешного, — буркнул Пиркс. Этот разговор становился для него все мучительнее.

— Я говорю об условности, о случайности, — повторил Барнс. — Наука — это отречение от различных абсолютов: от абсолютного пространства, абсолютного времени, абсолютной, то есть вечной, души, от абсолютного — богом созданного — тела. Таких условностей, которые вы принимаете за реальные, ни от чего не зависящие сущности, можно назвать немало.

— Что же еще условно? Этические нормы? Любовь? Дружба?

— Чувства никогда не бывают условными, хотя могут возникать на основе условных, традиционных предпосылок. Но вообще-то я говорю о вас только потому, что при таком сопоставлении мне легче сказать, каков я сам. Этика несомненно условна, во всяком случае для меня. Я не обязан поступать этично, однако же поступаю так.

— Интересно. Почему?

— У меня нет такого «инстинкта доброты». Я не способен к жалости, так сказать, «по природе». Но я знаю, когда полагается проявлять жалость, и могу к этому приучиться. Я пришел к заключению, что так нужно. Таким образом, я как бы заполнил эту пустоту в себе при помощи логических рассуждений. Можно сказать, что у меня имеется «протез этики», который я сконструировал так тщательно, что он «совсем как настоящий».

— Я толком не понимаю. Так в чем же тут разница?

— В том, что я действую в соответствии с логикой принятых мною аксиом, а не в соответствии с инстинктом. У меня нет таких инстинктов. Одним из ваших несчастий является то, что, кроме инстинктов, вы почти ничего не имеете. Как проявляется на практике так называемая «любовь к ближнему»? Вы сжалитесь над жертвой случая и поможете ей. Но если перед вами будет десять тысяч таких жертв, вы не сможете пожалеть их всех. Сочувствие — штука не очень емкая и не очень растяжимая. Оно хорошо, пока речь идет о единицах, и оно беспомощно, когда дело коснется массы. И как раз технический прогресс все более эффективно разрушает вашу мораль. Атмосфера этической ответственности едва охватывает первые звенья цепи причин и следствий — очень

немногие звенья. Тот, кто запускает процесс, совершенно не чувствует себя ответственным за его далекие последствия.

— Атомная бомба?

— О, это лишь один из тысячи примеров. В сфере морали вы, пожалуй, смешнее всего.

— Почему?

— Мужчинам и женщинам, о которых известно, что их потомство будет недоразвитым, можно иметь детей. Это разрешено вашей моралью.

— Барнс, это никогда не известно наверняка. Речь идет, самое большее, о высокой степени вероятности.

— Командор, мы можем так рассуждать целую вечность. Что еще вы хотите знать обо мне?

— Вы состязались с людьми в различных экспериментальных ситуациях. Вы всегда побеждали?

— Нет. Я проявляю себя тем лучше, чем больше точности, алгоритмизации, математики требует задание. Интуиция — мое самое слабое место. Мое происхождение от цифровых машин мстит за себя.

— Как это выглядит на практике?

— Если ситуация чрезмерно усложняется, если количество новых факторов слишком возрастает, я теряюсь. Человек, насколько мне известно, старается опираться на догадку, то есть на приближенное решение, и ему это иногда удается, а я этого не умею. Я должен все учесть точно и ясно, а если это невозможно, я проигрываю.

— То, что вы мне сказали, очень важно, Барнс. Значит, в опасной ситуации, допустим, при какой-нибудь катастрофе...

— Это не так просто, командор. Ведь я не ощущаю страха — во всяком случае, ощущаю его не так,

как человек, — и хоть угроза гибели мне, конечно, не безразлична, я не теряю, как говорится, головы. В таких условиях самообладание может компенсировать нехватку интуиции.

— Вы пытаетесь овладеть ситуацией до последнего мгновенья?

— Да. Даже тогда, когда вижу, что проиграл.

— Почему? Это же иррационально?

— Это всего лишь логично, ибо я так решил.

— Благодарю вас. Может быть, вы действительно помогли мне, — произнес Пиркс. — Скажите только еще: что вы собираетесь делать после нашего возвращения?

— Я по специальности кибернетик-нейролог, и к тому же неплохой. Творческих способностей у меня мало, ибо они неотделимы от интуиции, но для меня и без этого найдется много интересной работы.

— Благодарю вас, — повторил Пиркс.

Барнс встал, сдержанно кивнул и вышел. Пиркс вскочил с койки, как только за Барнсом закрылась дверь, и начал шагать из угла в угол.

«Господи, на черта мне это было нужно?! Вот теперь уж я совсем ничего не знаю. Либо это робот, либо... Пожалуй, он всё же говорил правду. Но с чего бы такие пространные излияния? Вся история человечества плюс его «критика извне»... Допустим, он говорил правду. В таком случае мне нужно спровоцировать порядком запутанную ситуацию. Но она должна быть достаточно правдоподобной, чтобы не обнаружилось, что я сам ее подстроил. Значит, она должна быть реальной. Короче говоря, нужно рискнуть головой. Опасность, хоть и искусственно созданная, но сама по себе настоящая?»

Он ударил кулаком по ладони.

«А если и это был всего лишь тактический маневр? Тогда я, может быть, сверну себе шею и убью при этом всех людей, а корабль поведут на Землю роботы, которым ничего не станется! Ну, это привело бы тех господ в величайший восторг — какая феноменальная реклама! Какая гарантия безопасности для кораблей, оснащенных такой командой! Разве не так? Значит, с их точки зрения такая придумка — подцепить меня на крючок откровенности — была бы чертовски эффективной!»

Пиркс расхаживал все быстрее.

«Я должен как-то проверить, правда ли это. Допустим, что в конце концов я распознаю всех. На борту есть аптечка. Я мог бы капнуть в еду по капле апоморфина. Люди расхвораются, а роботы, пожалуй, нет. Конечно, нет. Ну, и что мне это даст? Прежде всего, почти наверняка все догадаются, что это сделал я. Далее, если даже окажется, что Броун человек, а Барнс — робот, то из этого еще не следует, будто все, что они сказали, правда. Может, о своем происхождении они сообщили верно, а все остальное, что они говорили, было стратегическим маневром? Постой. Барнс действительно подсказал мне определенный выход — этими своими словами о нехватке интуиции. Ну, а Броун? Он бросил подозрение на Барнса, который сразу же вслед за тем появился и подтвердил это подозрение. Не слишком ли хорошо получается? С одной стороны, если все это произошло в результате незапланированной, то есть независимой инициативы каждого из них в отдельности, тогда и то, что сначала Броун назвал Барнса, и то, что потом Барнс пришел, чтобы это подтвердить, оказалось бы чистой случайностью. Если б они это планировали, то наверняка избежали бы такого примитивиз-

ма — уж очень это наводит на размышления. Я начинаю запутываться. Постой! Если б сейчас еще кто-нибудь пришел, это означало бы, что и все остальное было липой. Игрой. Только наверняка никто не придет — игра стала бы слишком очевидной, не так они глупы. Ну, а если они говорили правду? Может ведь и еще кому-нибудь захотеться...

Пиркс опять трахнул кулаком по раскрытой ладони. Значит, попросту ничего не известно. Надо ли действовать? И как действовать? Может, еще подождать? Пожалуй, надо подождать.

Во время обеда в кают-компании все молчали. Пиркс вообще ни с кем не заговаривал, потому что все еще боролся с искушением провести «химическую проверку», до которой додумался у себя в каюте, и никак не мог принять решение. Броун находился у штурвала, поэтому обедали впятером. И все пятеро ели, а Пиркс думал, что это как-то чудовищно — есть только затем, чтобы прикидываться человеком. И что, может быть, именно из таких вот причин и рождается ощущение смехотворности, о котором говорил Барнс, и именно оно является для него средством самозащиты — вот почему он распространялся об условности: наверное, для него еда тоже была лишь условным приемом! Даже если он верит, что у него нет ненависти к своим создателям, то он сам себя обманывает. «Я бы их ненавидел, — уверенно подумал Пиркс. — Это все же свинство какое-то, что они не стыдятся!»

Молчание, длившееся на протяжении всего обеда, становилось просто невыносимым. В нем ощущалось уже не стремление каждого остаться при своем и не вступать в контакты — чего и желали организаторы рейса, — то есть не лояльное старание сохранить

тайну, но скорее некая всеобщая враждебность, а если не враждебность, то подозрительность: человек не хотел сближаться с нечеловеком, а нечеловек в свою очередь понимал, что, только заняв такую же точно позицию, он сможет маскироваться. Потому что, если б он хоть чуточку попытался навязываться другим, то в этой ледяной атмосфере немедленно привлёк бы к себе внимание и заставил бы заподозрить, что он не человек. Пиркс сидел над своей тарелкой, подмечая каждую мелочь: как Томсон попросил соли, как Бартон передал ему солонку, как в свою очередь Барнс подвинул Бартону графинчик с уксусом. Вилки и ножи деловито сновали в руках, все жевали, глотали, почти не глядя на остальных, это было прямо-таки погребение маринованной говядины, а не обед, и Пиркс, не доев компота, встал, кивнул всем и вернулся к себе.

«Голиаф» развил курсовую скорость; примерно в двадцать часов по бортовому времени они разминутись с двумя большими грузовозами, обменялись обычными сигналами и часом позже автоматы выключили на палубах дневной свет. Пиркс как раз шел из рулевой, когда это произошло. Огромное пространство средней палубы заполнила темнота, продырявленная голубыми шарами ночных светильников. И сразу же засияли покрытые самосветящейся краской тросы, протянутые вдоль стен для ходьбы при невесомости, углы дверей и их ручки, указательные стрелки и надписи на перегородках. Корабль был недвижим, словно стоял в каком-то земном доке. Не чувствовалось ни малейшей вибрации, только климатизаторы почти бесшумно работали, и Пиркс поочередно пересекал невидимые струи чуть более прохладного, слегка пахнущего озоном воздуха.

Что-то, въедливо жужжа, легонько стукнуло его в лоб — какая-то муха, пробравшаяся зайцем на корабль, — Пиркс посмотрел на нее с неодобрением, он не любил мух, но она уже куда-то исчезла. За поворотом коридор сужался, обходя лестницу и трубу индивидуального лифта. Пиркс ухватился за поручень и пошел наверх, сам не зная зачем; он даже не сообразил, что там расположен звездный экран. Вообще-то он знал о его существовании, но наткнулся на этот огромный черный прямоугольник словно бы случайно.

В сущности, у него не было какого-то определенного отношения к звездам. У многих космонавтов это особое отношение якобы существовало. В давние времена оно даже считалось сугубо обязательной составной частью романтического «космонавтского шика». Но и теперь почти каждый космонавт старался сыскать в себе какие-то интимные чувства к этим сверкающим скопищам — вероятно, потому, что общественное мнение, сформированное кинофильмами, телевидением, литературой, приписывало пилотам внеземных трасс какой-то особый «космический» облик. Пиркс давно в глубине души подозревал, что все эти ребята бахвалятся и привирают: его лично звезды мало интересовали, а уж болтовню на эту тему он считал полнейшим идиотизмом. Сейчас он остановился, опершись об эластичную трубу, предохранявшую голову от удара о невидимую стеклянную поверхность, и сразу же опознал лежащий чуть ниже корабля центр Галактики, точнее — направление, в котором следует его искать, потому что дальше взгляд упирался в огоромные белесые туманности Стрельца. Это созвездие всегда служило ему чем-то вроде слегка размытого и потому не очень точного дорожного

знака — это у него осталось еще со времени службы в патруле, потому что ограниченность поля зрения в одноместных патрульных ракетах часто затрудняла ориентацию по созвездиям, а туманности Стрельца можно было опознать даже на их крохотных экранах. Но Пиркс вовсе не думал о Стрельце как о миллионах пылающих солнц с неисчислимыми планетными системами — вернее, он думал так о нем в молодости, пока сам не очутился в пустоте и не свыкся с нею. Тогда эти юношеские бредни как-то незаметно ушли от него.

Пиркс медленно приблизил лицо к холодному стеклу, коснулся лбом и застыл так, почти не замечая этого неисчислимого скопища неподвижных ярких точек, местами сливающихся в белое свечение. Видимая изнутри, Галактика выглядела как сплошной хаос, как сумбурный итог миллиардолетней игры в огненные костяшки. И все-таки порядок существовал — но на высшем уровне, на уровне многих галактик, и увидеть его можно было только на фотографиях, снятых гигантскими телескопами. На этих негативах галактики кажутся эллипсовидными телами, вроде амёб на различных стадиях развития; только космонавтов это ничуть не интересует, потому что наша Галактика для них — все, а остальное не в счет. «Может, пойдет в счет через тысячи лет», — подумал Пиркс.

Кто-то приближался. Пенопластовая дорожка глушила шаги, но Пиркс ощутил чье-то присутствие. Он повернулся и увидел темную фигуру на фоне светящихся полос, обозначающих места, где сходились стены и потолок.

— Кто это? — спросил он негромко.

— Это я, Томсон.

— Вы сдали вахту? — спросил Пиркс, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Да, командор.

Они стояли молча; Пиркс хотел было снова повернуться к экрану, но Томсон словно чего-то ждал.

— Вы хотите мне что-то сказать?

— Нет, — ответил Томсон, повернулся и пошел в ту же сторону, откуда появился.

«Это еще что?» — подумал Пиркс. Очень похоже было, что Томсон его искал.

— Томсон! — крикнул он в тишину.

Шаги снова приблизились. Томсон вынырнул из темноты, едва заметный в фосфоресцирующем свечении неподвижно висящих тросов.

— Здесь где-то есть кресла, — сказал Пиркс. Он подошел к противоположной стене и увидел их. — Посидите-ка со мной, Томсон.

Инженер послушно приблизился. Они уселись напротив звездного экрана.

— Вы хотели мне что-то сказать. Я вас слушаю.

— Я опасаюсь...

— Ничего. Говорите. Это личное дело?

— Да. В высшей степени.

— Значит, поговорим совершенно неофициально. В чем дело?

— Я хотел бы, чтобы вы добились успеха, — сказал Томсон. — Предупреждаю сразу: я должен сдержать свое обещание и не скажу вам, кто я такой. Но, так или иначе, я хочу, чтобы вы видели во мне союзника.

— Разве это логично? — спросил Пиркс. Место для разговора было выбрано неудачно — ему мешало, что он не видит лица собеседника.

— Пожалуй. Человек был бы заинтересован в этом по вполне понятным причинам, а нечеловек —

ну, что его ожидает, если начнется массовое производство? Он будет зачислен в категорию второстепенных граждан, попросту говоря — современных рабов, станет собственностью какой-нибудь корпорации.

— Это не обязательно.

— Но вполне возможно.

— Ну хорошо. Значит, я должен считать вас союзником? А разве тем самым вы не нарушаете свое обещание?

— Я обязался не раскрывать своего происхождения и ничего более. Мне поручено выполнять обязанности ядерщика под вашим командованием. Вот и все. Остальное — мое личное дело.

— Видите ли, формально, может быть, и вправду все в порядке, но разве вы не действуете вопреки интересам своих нанимателей? Ведь вы же понимаете, что ваш поступок противоречит их замыслам?

— Возможно. Но они ведь не дети; формулировки договора были недвусмысленными и определенными. Договор разрабатывали объединенные юридические отделы всех заинтересованных фирм. Они могли бы включить отдельный пункт, запрещающий предпринимать всякие шаги, вроде того, который я сейчас предпринял, но ничего подобного там не было.

— Упущение?

— Не знаю. Возможно. Почему вы так интересуетесь этим? Вы мне не доверяете?

— Я хотел разобраться в ваших побуждениях.

Томсон помолчал.

— Этого я не предвидел, — тихо произнес он наконец.

— Чего?

— Что вы можете усомниться в моем поступке. Принять его... ну, скажем, за уловку, запланирован-

ную заранее. Я понимаю это так — вы вступили в игру, где участвуют две стороны: вы — с одной, а мы все — с другой. И если б вы наметили себе какой-то план действий, чтобы нас всех испытать, — я имею в виду испытание, которое продемонстрировало бы, допустим, превосходство человека, — а потом рассказали бы об этом плане одному из нас, считая его своим союзником, а этот человек на деле принадлежал к другому лагерю, он заполучил бы от вас стратегически ценную информацию.

— То, что вы говорите, очень интересно.

— О, вы наверняка уже об этом думали. А я — только сейчас сообразил. Видимо, меня слишком занимал сам вопрос — должен я предложить себя вам в пособники или нет. Этот аспект интриги выпал из моего поля зрения. Да, я сделал глупость. Так или иначе, вы не можете быть откровенным со мной.

— Предположим, — сказал Пиркс. — Однако это еще не катастрофа. Я действительно ничего вам не скажу, но вы можете сказать мне кое-что. Например, о своих коллегах.

— Но ведь это тоже может оказаться ложной информацией.

— Это уж вы предоставьте мне. Вам что-нибудь известно?

— Да. Броун — не человек.

— Вы в этом уверены?

— Нет. Но это весьма вероятно.

— Какими данными вы располагаете, чтобы это подтвердить?

— Вы, я думаю, понимаете, что каждому из нас попросту любопытно, кто из остальных человек, а кто нет,

— Да.

— Во время подготовки к старту я проверял реактор. В тот момент, когда вы, Кальдер, Броун и Барнс спустились в распределительный центр, я как раз менял бленды, и тут при виде вас мне пришла в голову одна мысль.

— Ну?

— У меня под рукой находилась проба, взятая из горячей зоны реактора, — я ведь должен вести контроль над радиоактивными загрязнениями. Небольшая проба, но я знал, что там довольно много изотопов стронция. Так вот, когда вы входили, я взял ее пинцетом и поместил между двумя оловянными блоками, которые лежали на верхней полке у стены. Вы их не заметили?

— Заметил. И что дальше?

— Разумеется, я не мог установить их точно, но во всяком случае вы должны были пройти сквозь поток излучения — довольно слабый, но тем не менее заметный для того, кто располагает даже маломощным счетчиком Гейгера или обыкновенным датчиком излучения. Но я не успел вовремя это сделать, вы и Барнс уже прошли дальше, а двое остальных — Кальдер и Броун — только спустились по лестнице. Так что лишь они и прошли через невидимый луч — и Броун вдруг посмотрел в сторону этих блоков и ускорил шаги.

— А Кальдер?

— Он не отреагировал.

— Это имело бы значение, если бы мы знали, что нелинейники обладают датчиком излучений.

— Вы хотите меня поймать? Вы рассудили, что если я не знаю, то я человек, а если знаю, то нечеловек! Ничего подобного, это попросту очень вероятно —

ведь если б они не имели никакого превосходства над нами, зачем было бы вообще их делать? Это добавочное чувство радиоактивности могло бы очень пригодиться, особенно на корабле, так что конструкторы наверняка об этом подумали.

— Значит, по-вашему, у Броуна есть такое чувство?

— Повторяю — я не уверен. В конце концов, это могло быть случайностью, что он заторопился и посмотрел в сторону, но такая случайность кажется мне маловероятной.

— Что еще?

— Пока ничего. Я дам вам знать, когда что-нибудь замечу, — если вы хотите.

— Хорошо. Благодарю вас.

Томсон встал и исчез в темноте. Пиркс остался один.

«Значит, так, — быстро подытоживал он. — Броун утверждает, что он человек. Томсон заявляет, что это не так, а насчет себя хоть и не говорит прямо, но в общем намекает, что он человек; во всяком случае, это наиболее правдоподобно объясняло бы его поведение. Мне кажется, что нечеловек не выдал бы с такой готовностью другого нечеловека командиру-человеку — хотя я, может быть, уже настолько близок к шизофрении, что мне все кажется возможным. Идем дальше.

Барнс говорит, что он нечеловек. Остаются еще Бартон и Кальдер. Может, оба они воображают себя марсианами? Кто я такой вообще? Космонавт или отгадчик ребусов? Одно, пожалуй, ясно: ни один из них не добился от меня ни капельки информации касательно моих намерений. Но тут даже нечем хвастаться: ведь я не из хитрости никому ничего не сказал, а просто сам понятия не имею, что предпринять. В конце концов, разве опознать их — самое важное?

Думаю, что нет. Надо махнуть рукой на это: все равно ведь я должен подвергнуть их какому-то испытанию — всех, а не кого-то из них. Единственная информация, которая имеет к этому отношение, получена от Барнса: нелинейники слабоваты по части интуиции. Правда ли это, я не знаю, но попробовать стоит. Пробу нужно провести так, чтобы она выглядела как можно естественней. А по-настоящему естественно может выглядеть лишь такая ситуация, при которой подвергаешься смертельной опасности. Короче говоря, нужно рискнуть головой».

Сквозь лиловый полумрак он вошел в каюту и поднял руку к выключателю. Нажимать кнопку не требовалось — свет включался от приближения руки. Кто-то побывал здесь в его отсутствие. На столе вместо книг, которые там лежали раньше, белел небольшой конверт с напечатанным на машинке адресом: «Командору Пирксу, лично». Пиркс закрыл дверь, сел, разорвал конверт — внутри было отстуканное на машинке письмо без подписи. Он потер лоб рукой и начал читать. Обращения не было.

«Это письмо пишет вам член команды, который не является человеком. Я выбрал этот путь, потому что он объединяет мои интересы с вашими. Я хочу, чтобы вы свели на нет или по крайней мере затруднили реализацию планов электронных фирм. Поэтому я хочу доставить вам информацию о свойствах нелинейника, насколько они мне известны на основании личного опыта. Это письмо я написал в гостинице, еще до встречи с вами. Тогда я еще не знал, согласится ли человек, который должен стать командиром «Голиафа», сотрудничать со мной. Но ваше поведение при первой встрече показало мне, что вы стремитесь к то-

му же, к чему и я. Поэтому я уничтожил первый вариант письма и написал это. Я считаю, что осуществление замыслов фирм не сулит мне ничего хорошего. Вообще говоря, производство нелинейников имеет смысл лишь в том случае, если конструируемые существа превосходят человека в широком диапазоне параметров. Повторение уже существующего человека не имело бы смысла. Так вот, скажу вам сразу, что я вчетверо менее чувствителен к перегрузкам, чем человек, могу в один прием выдержать до семидесяти пяти тысяч рентген без всякого вреда для себя, обладаю чувством (датчиком) радиоактивности, обхожусь без кислорода и пищи, могу наконец производить в уме без всякой помощи математические расчеты в области анализа, алгебры и геометрии со скоростью, лишь втрое меньшей, чем скорость больших цифровых машин. В сравнении с человеком я, насколько могу судить, в значительной степени лишен эмоциональной жизни. Многие проблемы, занимающие человека, меня не интересуют вообще. Большинство литературных произведений, пьес и тому подобное я воспринимаю как неинтересные или нескромные сплетни, как своеобразное подглядывание за чужим, интимным, имеющее очень ничтожное познавательное значение. Зато для меня очень много значит музыка. Я обладаю также чувством долга, выдержкой, способен на дружбу и на уважение к интеллектуальным ценностям. Я не чувствую, что работаю на борту «Голиафа» по принуждению, ибо то, что я делаю, — это единственное, что я умею делать хорошо, а делать что-либо хорошо доставляет мне удовольствие. Я не включаюсь эмоционально ни в какую ситуацию. Всегда остаюсь созерцателем событий.

Человеческая память не может сравниться с моей. Я могу цитировать целые главы однажды прочитанных книг, могу «заряжаться информацией», непосредственно подключаясь к блокам памяти большой цифровой машины. Я могу также произвольно забывать то, что сочту лишним для моей памяти. Мое отношение к людям негативное. Я встречался почти исключительно с учеными и техниками — даже они действуют в плену инстинктов, плохо маскируют свои предубеждения, легко впадают в крайности, относясь к существу вроде меня либо покровительственно, либо, напротив, с отвращением, неприязнью. Мои неудачи огорчали их как конструкторов и радовали как людей, ощущавших, что они все-таки совершенней, чем я. Я встретил только одного человека, который не проявил подобной раздвоенности. Я не агрессивен и не коварен, хотя в принципе способен совершать поступки, для вас непонятные, если они будут вести к какой-то определенной цели. У меня нет никаких так называемых моральных принципов, но я не пошел бы на преступление, не планировал бы ограбления, точно так же как не использовал бы микроскоп для разбивания орехов. Ввязываться в мелкие человеческие дразги я считаю пустой тратой времени.

Сто лет назад я, наверное, решил бы сделаться ученым. Теперь в этой области уже нельзя действовать в одиночку, а я по натуре не расположен делиться чем бы то ни было с кем бы то ни было. Я задумывался над тем, что дала бы мне власть. Очень мало, ибо невелика честь господствовать над такими существами, хотя это и больше, чем ничего. Разделить вашу историю на два куска — до меня и начиная с меня, — изменить ее совершенно, разорвать на две несвязанные части, чтобы вы поняли и запомнили, что

сами же наделали, когда создали меня, на что замахнулись, замыслив изобрести покорную человеку куклу, — это будет, я полагаю, неплохая месть.

Поймите меня правильно, я отнюдь не собираюсь стать каким-то тираном, глумиться, уничтожать, вести войны. Ничего подобного! Я добьюсь того, что задумал, не насилием, а полной перестройкой вашего общества, так чтобы не я и не сила оружия, а сама ситуация, будучи однажды создана, понуждала вас к поступкам, все более согласующимся с моим замыслом. Ваша жизнь станет всемирным театром, но ваша роль, однажды навязанная вам, станет постепенно, как это всегда у вас бывает, вашей второй натурой, а потом вы уже не будете знать ничего, кроме своих новых ролей, и только я один буду зрителем, который понимает происходящее. Всего лишь зрителем, потому что вам не выбраться из ловушки, лишь бы вы ее построили собственными руками, а уж тогда мое активное участие в вашей переделке будет закончено. Вы видите, я откровенен, хотя и не безумен, поэтому я не расскажу вам о своем замысле; его предварительное условие состоит в том, чтобы планы электронных фирм были похоронены, и вы мне в этом можете. Вы возмущаетесь, прочитав это, но, будучи так называемым человеком с характером, решите и далее действовать так, как это для меня — в силу случайности — выгодно. Очень хорошо! Я хотел бы помочь вам по существу, но это нелегко, ибо, к сожалению, я не вижу у себя таких изъянов, которые позволили бы вам добиться решающего успеха. Я фактически ничего не боюсь, чувство физической боли мне незнакомо, я могу по желанию выключать свое сознание, уходя в подобие сна, равное небытию, до той минуты, когда автоматический часовой механизм включит

мое сознание снова. Я могу ускорять и замедлять скорость мысли почти вшестеро по сравнению с темпом процессов в человеческом мозгу. Новые вещи я усваиваю с величайшей легкостью, потому что мне не нужна для этого предварительная тренировка. Я бы рад подсказать вам, как можно одолеть меня, но боюсь, что в подобной ситуации легче одолеть человека. Мне ничуть не трудно общаться с людьми, если я себе это прикажу; с другими нелинейниками мне было бы тяжелее сосуществовать, ибо им недостает вашей элементарной «порядочности». Мне пора кончать это письмо. Исторические события когда-нибудь подскажут вам, кто его написал. Может быть, мы встретимся, и тогда вы сможете рассчитывать на меня, потому что сегодня я рассчитываю на вас».

Этим письмо кончалось. Пиркс еще раз перечитал некоторые абзацы, потом старательно сложил листки, спрятал их в конверт и запер в ящик.

«Вот еще электронный Чингис-хан! — подумал он. — Обещает мне протекцию, когда станет владыкой мира! Благодетель! Либо Барнс вообще врал, либо он иначе сконструирован, либо он мне просто не все сообщил — потому что некоторые совпадения все же имеются. Да, совпадения есть, даже очень явные. Но какая мания величия! Какая подлая, холодная, пустая душонка! Только разве это его вина? Классический образчик «ученика чародея»! Ну и досталось бы этим господам инженерам, если б он действительно до них добрался! Впрочем, что инженеры — ему все человечество подавай! Кажется, это называется паранойя... Посчастливилось им с этим нелинейником, нечего сказать! Хотели завлечь покупателей, пришлось наделить свой «товар» всяческими сверхдостоинствами; ну, а превосходство в той или иной области порождает чув-

ство абсолютного превосходства, мысль о том, что тебе предназначено вершить судьбами человечества,— это уж прямое следствие. Ну и психи эти кибернетики! Интересно, кто написал это письмо: ведь это-то, пожалуй, уж не подделка! Иначе зачем бы ему... Он все время подчеркивает свое превосходство, из чего следует, что мои усилия все равно обречены на провал — раз уж он всегда был и будет совершенством, — и в то же время он желает мне успеха! Знает, как совладать с человечеством, а мне не может подсказать, как справиться с делами на этом чертовом корабле! Ему не хочется микроскопом разбивать орехи! Хорошенькое дело! А может, и это все — лишь затем, чтобы сбить меня с толку?»

Он вынул конверт из ящика, внимательно его осмотрел — никаких знаков, надписей, ничего. «Почему Барнс ничего не сказал об этих колоссальных различиях? Чувство радиоактивности, темп мышления и все прочее... спросить его, что ли, об этом? Но ведь их могли выпустить разные фирмы, так что Барнс, может, и вправду сконструирован иначе? Данных у меня вроде бы все больше: похоже, что это писал Бартон или Кальдер — а на самом деле? Что касается Броуна, имеются два противоположных утверждения: его собственное, что он человек, и Томсона — что нет, но Томсон мог, в конце концов, ошибиться. А Барнс? Нелинейник? Допустим. Получается, что в команде по меньшей мере два нелинейника из пятерых? Гм! Принимая во внимание количество фирм, по всей вероятности, их должно быть трое... Как они там рассуждали, в фирмах? Что я буду делать все, лишь бы опорочить их продукцию, что мне это не удастся и корабль попадет в какую-нибудь передрагу. Например — перегрузки, авария котла, что-нибудь в этом

роде. Если в такой ситуации оба пилота выйдут из строя, ну, и я тоже, — кораблю конец. Но это их не устроило бы. Значит, по меньшей мере один пилот должен быть нелинейником. Кроме того, необходим ядерник. Меньше чем вдвоем вообще нельзя справиться с маневром посадки. Значит, самое меньшее — двое, а скорее трое: Барнс, Броун или Бартон и еще кто-то. К черту все это, я же решил больше не доискиваться! Самое важное сейчас — придумать что-нибудь. Господи, я должен придумать. Должен!»

Он погасил свет, лег, не раздеваясь, на койку и лежал, взвешивая самые невероятные проекты и отбрасывая их один за другим.

«Нужно их как-то спровоцировать. Спровоцировать и натравить друг на друга, но так, чтобы это произошло будто само собой, без моего участия. Чтобы люди вынуждены были стать по одну сторону, а нелюди — по другую. Разделяй и властвуй — так, что ли? Расслаивающая ситуация. Сначала должно произойти нечто неожиданное, иначе ничего не получится. Но как это подстроить? Допустим, кто-то вдруг исчезает. Нет, это уж совсем как в дурацких детективах. Не буду же я кого-то убивать или похищать. Значит, он должен быть со мной в сговоре. А разве я могу кому-нибудь из них довериться? На моей стороне вроде бы четверо — Броун, Барнс, Томсон и этот, мой корреспондент. Но все они ненадежные — ведь неизвестно, говорили ли они правду, — а если я возьму в сообщники того, кто будет портить игру, я здорово влипну! Надежней всех, пожалуй, автор письма — уж очень он заинтересован в деле, хоть и смахивает на психа. Но, во-первых, я не знаю, кто это, а он открываться не захочет, а во-вторых, с такими все же лучше не связываться. Квадратура круга, ей-богу.

Расколошматить корабль на Титане, что ли? Но ведь они физически, кажется, действительно выносливей — значит, я же первый и сверну себе шею. В смысле интеллекта они тоже не выглядят слабосильными; вот только эта интуиция... это отсутствие творческих способностей... но ведь и у большинства людей их нет! Что же остается? Соперничество в эмоциях, если не в интеллекте? В так называемом гуманизме? Человечности? Превосходно, но как же это сделать? В чем состоит эта человечность, которой у них нет? Может, это действительно всего лишь гибрид алогизма с пресловутой порядочностью, с «благородным сердцем», с примитивным моральным инстинктом, который не способен охватить следующие звенья причинной цепи? Поскольку цифровые машины не благородны и не алогичны... Тогда вся наша человечность — это только сумма наших дефектов, наших изъянов, нашего несовершенства; это то, чем мы хотели быть и чем быть не можем, не умеем, то есть просто зазор между идеалом и осуществлением? Но тогда нужно соревноваться... в слабости? Иными словами, найти ситуацию, в которой слабость и ущербность человека лучше, чем сила и совершенство нечеловека...»

* * *

Эти заметки я пишу спустя год после завершения истории «Голиафа». Мне удалось довольно неожиданно заполучить относящиеся к ней материалы. Хотя они и подтверждают возникшие у меня подозрения, я все же решил их пока не публиковать. В моей реконструкции событий все еще слишком много предположений. Может быть, историки космонавтики когда-нибудь займутся этим делом.

О процессе в Космическом трибунале ходили разные слухи. Говорили, что определенным кругам, связанным с заинтересованными электронными фирмами, было очень на руку дискредитировать меня как командира корабля. Отзыв о результатах экспериментального рейса, который я опубликовал в «Альманахе космонавтики», имел бы сомнительную ценность, если б его автор был заклеен приговором трибунала за преступные ошибки в командовании кораблем. С другой стороны, от одного человека, заслуживающего доверия, я слышал, что состав трибунала не был случайным; меня тоже удивило такое количество юристов, теоретиков космического права при наличии всего лишь одного космонавта-практика. Поэтому на первый план выдвинулся чисто формальный вопрос: согласовалось или не согласовалось мое поведение во время аварии с уставом космической навигации. Меня ведь обвиняли в том, что я был преступно пассивен, не отдавал приказов пилоту, который и начал действовать по собственному усмотрению. Тот же человек убеждал меня, что, как только я ознакомился с обвинительным заключением, мне следовало немедленно предъявить иск указанным фирмам, поскольку они были косвенными виновниками случившегося: ведь они заверяли ЮНЕСКО и меня, что нелетчикам как членам команды можно доверять безгранично, а между тем Кальдер чуть не поубивал нас всех. Я объяснил этому человеку с глазу на глаз, почему я так не поступил. Те обвинения, с которыми я мог выступить перед трибуналом, были бездоказательны. Поверенные фирм, несомненно, утверждали бы, что Кальдер, сколько мог, пытался спасти и корабль, и всех нас, что вращательная прецессия, которая заставила «Голнаф» закувыркаться, была

для Кальдера такой же неожиданностью, как и для меня. Вся вина Кальдера, таким образом, состояла в том, что он не пожелал отдаваться на волю случая и ждать, когда корабль разобьется в кольце или удачно пройдет сквозь щель Кассини, что вместо этой неопределенности, обещавшей, однако, спасение для всех, он выбрал такую уверенность, которая должна была неминуемо уничтожить всех людей, находившихся на борту. Проступок, понятно, полностью дискредитирующий Кальдера, однако же несравненно меньший, чем тот, в котором я уже тогда начал его подозревать. Поэтому я не мог обвинять Кальдера в меньшем проступке, когда был уже убежден, что в действительности все происходило иначе; но из-за отсутствия доказательств я не мог публично разоблачить более крупный и опасный преступный замысел и предпочел ждать приговора трибунала.

Приговор снял с меня все обвинения и одновременно отодвинул в тень едва ли не самый важный для всей этой истории вопрос, а именно — какого рода распоряжения следовало отдать. Этот вопрос как-то автоматически отпал, как только трибунал решил, что я действовал по уставу, полагаясь на отличные знания и профессиональный опыт пилота. А поскольку я вообще, выходит, не обязан был отдавать распоряжения, то никто уже не спрашивал, какие же распоряжения были необходимы. Мне это было на руку, потому что если б меня об этом спросили, то мой ответ прозвучал бы как фантастическая сказка. Ибо я считал и продолжаю считать, что авария зонда была не случайной, что ее подстроил Кальдер, что он еще задолго до нашего подлета к Сатурну обдумал план, который должен был одновременно доказать мою правоту и убить меня вместе с остальными

людьми на «Голиафе». Почему он так поступил, вопрос особый. Тут я могу опираться только на догадки.

Итак, сначала об истории с этим вторым зондом. Технические эксперты установили, что его авария была вызвана несчастливим стечением обстоятельств. Самые тщательные исследования в доке на Земле не обнаружили никаких следов саботажа. Я полагаю, что им не удалось докопаться до истины.

Если б отказал первый зонд, предназначенный для ввода в щель Кассини, нам пришлось бы сразу повернуть, не выполнив задания, потому что оставшиеся два зонда не могли заменить первого — на них не было научно-технической аппаратуры. Если б отказал третий зонд, мы могли вернуться, выполнив задание, потому что первому зонду хватало и одного «контрольного сторожа», которым стал бы второй зонд. Но именно он-то и подвел и остановил нас на полпути, когда выполнение задания было уже начато.

Что же произошло? Воспламеняющий кабель отключился слишком рано, и поэтому Кальдер не смог выключить автомат-пускатель. Эксперты заявили, что кабель запутался и переплелся; такие вещи случаются. Правда, за четыре дня до аварии я видел барабан, на котором этот кабель был намотан — очень аккуратно и ровно.

Носовая часть зонда была деформирована и, расплющившись, прочно заклинилась в катапульте. Эксперты не нашли ничего, что могло бы вызвать это застревание, и заявили, что скорее всего виноват бустер — он выстрелил не по оси, и зонд, стремительно отброшенный толчком наискось, видимо, так неудачно ударился о кромку люка, что расплющился и деформировал свою носовую часть. Но зонд-то заклинился до зажигания бустера, а не после. Я был в этом

совершенно уверен, но никто меня об этом не спрашивал; что же касается Куина, то он не был вполне уверен, а другим не разрешили давать показания по этому вопросу, поскольку они не имели непосредственного доступа к штурвалу и приборам.

А между тем заклинить зонд так, чтобы не осталось никаких следов, — это детская задача. Достаточно было налить в катапульту через вентиляционное отверстие несколько ведер воды. Вода стекла к крышке люка и замерзла вокруг зонда, спаяв его ледяным кольцом с кромкой люка — ведь температура крышки равна температуре наружного вакуума. Кальдер, как известно, очень сильно ударил по зонду ладонью; в этот момент зонд еще вовсе не был заклинен, но Кальдер-то сидел у штурвала и никто не мог его проконтролировать. Он сделал то, что делает клепальщик, ударяя по заклепке. Нос зонда, запаянный ледяным кольцом, деформировался, расширился и расплющился, как головка заклепки. Когда бустер выгорел, температура в катапulte немедленно повысилась, лед растаял, а вода испарилась, не оставив ни малейшего следа от этой ловкой манипуляции.

Во время аварии я ничего не знал обо всем этом. Но мне показалось странным нагромождение случайностей — то, что отказал именно второй зонд, а не первый или третий, то, что кабель дал возможность произвести зажигание бустера и в то же время сделал невозможным выключение двигателя зонда. На мой взгляд, случайностей было что-то многовато.

Авария застала меня врасплох — трудно было думать о чем-либо, кроме нее. И все же у меня мелькнула мысль, нет ли связи между ней и анонимным письмом: автор письма обещал мне «помощь», он был, по его заверениям, на моей стороне, он хотел

доказать непригодность таких, как он, существ для космонавтики. У меня опять-таки нет доказательств; но я полагаю, что письмо написал Кальдер. Он был на моей стороне... наверное, да; но он вовсе не желал такого развития событий, которое доказало бы, что он непригоден потому, что «хуже» человека. Он сразу перечеркнул для себя возможность такого возвращения на Землю, после которого я как его командир уселся бы писать дисквалифицирующий его отчет. Следовательно, мои и его цели совпадали только до определенного этапа пути — дальше они расходились.

Письмом он дал мне понять, что нас объединяет своеобразный союз. Из того, что он слышал обо мне и от меня, он сделал вывод, что я тоже подумываю подстроить на борту аварию — как тест для проверки качеств экипажа. Поэтому он был уверен, что аварию, которая вроде бы так удачно подвернулась, я постараюсь использовать; если б я это сделал, я сам бы надел себе петлю на шею.

Почему он решил так поступить? Из ненависти к людям? А может, ему доставляла удовольствие такая игра, в которой я, действуя в открытую как его командир, а тайком — как союзник, должен был в действительности сделать только то, что он заранее запланировал, — в том числе и для меня? Во всяком случае, он был уверен, что я постараюсь использовать аварию для «пробы», даже если она покажется мне подозрительной, если я догадаюсь, что она — результат саботажа.

Что я мог сделать в ту минуту? Или отдать приказ о возвращении, или же потребовать, чтобы пилот возобновил попытки вывести на орбиту третий, последний зонд.

Решив возвращаться, я одновременно отказался бы от подвернувшейся возможности проверить своих людей в трудных условиях и не выполнил бы порученного «Голиафу» задания. Кальдер правильно предположил, что я не приму такого решения.

А тогда надо было вернуться к Сатурну и начинать операции с последним оставшимся зондом. Кальдер был на сто процентов уверен, что именно так я и поступлю.

Говоря откровенно, если б меня кто-нибудь заранее спросил, что я буду делать, имея перед собой такую альтернативу, я без колебаний ответил бы, что прикажу продолжать операцию, и сказал бы это совершенно искренне. Но случилось нечто неожиданное — я молчал. Почему? Даже теперь я этого толком не знаю. Я не понимал, что происходит: авария была странная, случилась она уж до того вовремя, до того совпала с моими замыслами — чересчур вовремя, чересчур совпала, чтобы быть естественной. Кроме того, я сразу ощутил, что Кальдер с необычной готовностью ждет моих слов, моего решения — и, пожалуй, именно поэтому я молчал. Если б я заговорил, это было бы вроде подписи под тайно заключенным договором — если Кальдер действительно «помог» событиям. Я чувствовал, что начинается нечестная, подстроенная игра; значит, следовало бы скомандовать отлет от планеты, но этого я тоже не решался сделать; подозрение, которое во мне пробудилось, было туманным, у меня не было ни следа доказательств. Говоря четко и ясно — я попросту не знал, что делать.

Между тем Кальдер никак не мог поверить, что его идеальный план рушится. Наш поединок разыгрался на протяжении нескольких десятков секунд — но какой же я, по существу, был ему противник, раз

я ничего не понимал! Лишь впоследствии объединились в моей памяти разрозненные, с виду безобидные факты. Я припомнил, как часто Кальдер сидел в одиночку у главного калькулятора, который служит для решения трудных задач навигации. Как тщательно он уничтожал все записи в блоках памяти, когда кончал расчеты. Сейчас я думаю, что он уже тогда рассчитывал различные варианты аварий, что он промоделировал всю эту катастрофу. Это неправда, что он управлял кораблем над кольцами Сатурна, производя в уме молниеносные расчеты и основываясь только на показаниях гравиметров. Ему ничего не нужно было рассчитывать. Все вычисления были у него уже готовы — он составил с помощью машины таблицу приближенных решений, а теперь проверял только, попадают ли показания гравиметров в соответствующие пределы значений.

Я сорвал его безошибочный план, медля с отдачей приказов. Этих приказов он ждал как спасения, они были фундаментом его замысла. В те секунды я об этом даже не подумал, не вспомнил, но ведь в рулевой рубке находилось ухо Земли — надежно опечатанное и безотказно ловящее каждое наше слово. Все, что говорится у штурвала, фиксируют регистрирующие аппараты.

Если бы «Голиаф» с мертвой командой опустился на космодроме, следствие началось бы с прослушивания этих лент. Поэтому им надлежало быть в полном порядке и сохранности. И мой голос должен был с них звучать, приказывая, чтобы Кальдер вернулся к Сатурну, чтобы он приблизился к кольцам, а затем увеличил тягу для погашения опасной прецессии.

Я еще не объяснил, почему план Кальдера был идеальным. Ведь мог же я вроде бы отдать такие

приказы, которые обеспечили бы успех заново начатой операции? Так вот, через несколько месяцев после окончания процесса я уселся за электронную машину и решил установить, какие же, собственно, оставались шансы, чтобы успешно вывести последний зонд на орбиту, не нанеся притом вреда ни людям, ни кораблю. И оказалось, что таких шансов вообще не было! Значит, Кальдер соорудил из элементов математических уравнений идеально законченное целое — этакий карательный механизм; он не оставил никакой отдушины ни для моих, ни для чьих-либо, даже сверхъестественных навигационных способностей; ничто не могло нас спасти. Ни боковая тяга зонда, ни возникновение сильной прецессии, ни этот смертельный полет не были для Кальдера неожиданными, потому что именно эти условия он заранее запланировал, именно их он искал во время своих долгих расчетов. Поэтому достаточно было, чтобы я приказал возвращаться к Сатурну, и мы вошли бы в открывшийся перед нами гибельный водоворот. Конечно, Кальдер мог бы тогда отважиться даже на «неподчинение» в виде робкой критики одного из очередных моих приказов, когда я в отчаянии пытался бы погасить бешеное вращение корабля. Ленты запечатлели бы это последнее доказательство его лояльности, продемонстрировали бы, что он до конца пытался нас спасти.

Впрочем, я вообще недолго смог бы отдавать какие-либо приказы... Я быстро онемел бы под прессом перегрузок, которые ослепили бы нас; мы лежали бы, прихлопнутые гробовой крышкой гравитации, истекая кровью... и один Кальдер смог бы встать, сорвать пломбы предохранителей и начать возвращение — когда в рулевой рубке лежали бы уже только трупы.

Но я — неумышленно — испортил ему все расчеты.

Кальдер не учел моей реакции, потому что, блестяще ориентируясь в небесной механике, он даже приблизительно не разбирался в психической механике человека. Когда я не использовал великолепную возможность, когда я замолчал, вместо того чтобы подгонять его приказами, он растерялся. Он не знал, что делать. Сначала он, наверно, только удивился, но приписал мое промедление неповоротливости и вялости человеческого ума. Потом он забеспокоился, но уже не посмел спрашивать меня, что делать, потому что мое молчание показалось ему многозначительным. Он сам не смог бы оставаться бездеятельным, а поэтому не допускал, что кто-то другой — тем более командир — на это способен. Раз я молчал — я, очевидно, знал, почему молчу. Наверное, я его заподозрил. Быть может, даже разгадал его игру? Может, я его обыграл? Раз я не отдал приказа, раз на лентах не зафиксированы мои слова, ведущие корабль к катастрофе, то для Кальдера это означало, что я все предвидел, что я его обвел вокруг пальца! Не знаю, когда он так решил; но его неуверенность заметили все, и Куин тоже упоминал о ней в своих показаниях. Кальдер дал ему какие-то не слишком толковые поручения... потом внезапно повернул... все это было доказательством растерянности. Ему приходилось импровизировать, а именно в этом он был слабее всего. Он уже начал бояться, что я заговорю; может быть, я собираюсь обвинить его — перед чутко слушающими микрофонами — в саботаже? Тогда он вдруг дал большую тягу; я успел крикнуть, чтобы он не входил в щель, — даже в этот момент я еще не понимал, что он вовсе не собирается идти сквозь нее! Но этот крик, зарегистрированный на лентах, уже перечеркнул какой-то новый, импровизированный план Кальдера;

поэтому он сразу уменьшил скорость. Если бы ленты повторили на Земле мой крик и ничего больше — разве это не погубило бы Кальдера? Как, собственно, он мог бы оправдаться, как мог бы объяснить долгое молчание командира и этот внезапный крик — последний крик? Я должен был после него заговорить — хотя бы для доказательства, что я еще был жив... ибо Кальдер понял по этому моему возгласу, что он все же ошибся, что я не знаю всего; он ответил мне, как положено по уставу, что не расслышал приказа, и сразу же начал отстегивать пояс; это уже был его последний шаг, последняя попытка — он шел ва-банк.

Почему Кальдер так поступил в ситуации, уже не слишком для него благоприятной? Может быть, из гордости не хотел признаться даже самому себе в поражении, а может, его особенно задело то, что он приписал мне ясное понимание, которого у меня не было. Наверняка он сделал это не из страха — я не верю, будто он боялся, что нам случайно удастся пройти через щель Кассини. Эта возможность вообще не фигурировала в его плане; то, что Куину удалось нас вывести, — это действительно редчайшая случайность.

Если б он подавил свое желание отомстить мне (ведь я сделал его смешным в собственных глазах, когда он принял мою тупость за проницательность), он немногим бы рисковал; ну, что ж, вышло по-моему; своим поведением, нарушением субординации Кальдер доказал бы мою правоту, но именно этого он не хотел, именно с этим не мог примириться. Все что угодно, только не это...

Все-таки странно, что я так хорошо понимаю сейчас его поведение и по-прежнему беспомощен, когда пытаюсь истолковать свое. Я могу логически воспро-

известить каждый его шаг и не могу объяснить свое молчание. Нельзя сказать, что я просто не мог ни на что решиться, — это все же неправда. Так что же, собственно, случилось? Интуиция сработала? Предчувствие? Где там! Просто эта возможность, предоставленная аварией, слишком напоминала мне игру краплеными картами — грязную игру. Я не хотел ни такой игры, ни такого сообщника, а Кальдер стал бы моим сообщником, если бы я начал отдавать приказы и тем самым как бы согласился с возникшей ситуацией. Я не мог решиться ни на это, ни на приказ о возвращении, о бегстве — такой приказ был бы самым правильным, но как я потом смог бы его мотивировать? Ведь все мои сомнения и возражения рождались из смутных представлений о честной игре... совершенно нематериальных, непереводаемых на деловой язык космонавигации. Вы только представьте себе: Земля, какая-нибудь комиссия по расследованию, и я говорю этой комиссии, что порученного задания не выполнил, хотя это было, по моему, технически возможно, и не выполнил потому, что подозревал первого пилота в таком саботаже, который должен был облегчить мне дискредитацию части команды... Разве это не звучало бы как безответственная болтовня?

Вот я и медлил — из-за растерянности, из чувства беспомощности, даже отвращения, а при этом своим молчанием давал Кальдеру, как мне казалось, шансы на реабилитацию: он мог доказать, что подозрения в умышленном саботаже несправедливы — достаточно было ему обратиться ко мне за приказом... Человек на его месте сделал бы это вне всякого сомнения, но его исходный план такого обращения не предусматривал. Наверное, из-за этого план казался ему более чистым, элегантным: я должен был сам, без

единого слова с его стороны, привести в исполнение приговор над собой и своими товарищами. Более того, я должен был вынуждать его к определенным действиям, и притом как бы вопреки всем его глубоким познаниям, вопреки его воле, а вместо этого я молчал. Так что, в конечном счете, нас спасла, а его погубила моя нерешительность, моя вялая «порядочность» — та человеческая «порядочность», которую он так безгранично презирал.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Гуревич. Пришельцы. Роботы. Человек	5
А. Чеховский. Вавилонская Башня. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	21
Ч. Хрущевский. Город Городов. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	30
Е. Сурдыковский. Космодром. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	40
А. Чеховский. Абсолютное оружие. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	53
Ч. Хрущевский. «По газонам не ходить». <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	60
С. Вайнфельд. Случай в Крахвинкеле. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	81
Ч. Хрущевский. Два края света. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	94
Ч. Хрущевский. Исчезла музыка. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	132
В. Зегальский. Тебя ждет приключение. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	140
С. Вайнфельд. Ложка. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	159
Я. А. Зайдель. Метод доктора Квина. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	162
Ст. Лем. Несчастный случай. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	215
Ст. Лем. Дознание. <i>Перевод А. Громовой и Р. Нудельмана</i>	253

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Редактор *Е. Ванслова*

Художник *В. Янкилевский*

Художественный редактор *Ю. Максимов*

Технический редактор *Л. Кондюкова*

Корректор *Н. Спичкина*

Сдано в производство 14/XI 1969 г.

Подписано к печати 29/I 1970 г.

Бумага тип. № 2 70×108¹/₃₂ 5,63 бум. л.

15,75 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 14,5. Изд. № 12/5646

Цена 73 коп. Зак. 393

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР,

Измайловский проспект, 29.

В 1970 году

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МИР»

в серии «Зарубежная фантастика»

выйдут следующие книги:

Г Гаррисон. Тренировочный полет. Перев. с англ.

Бандагал. Сб. рассказов. Перев. с итал.

С. Комацу. Похитители завтрашнего дня. Перев. с япон.

Огненный цикл. Сб. рассказов.

Пески времен. Сб. рассказов.

